

V 571/241
реформы в
России.

Изданіе Г. Ѳ. Львовича.

В. Є. Якушкинъ.

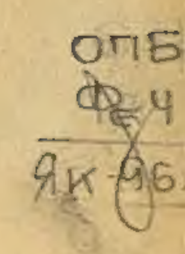
Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи.

Съ приложеніемъ проекта конституціи Никиты Муравьева.

Цѣна 70 коп.

изданія пойдетъ на содержаніе столовой для безработныхъ въ С.-Петербургѣ.

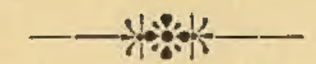
ИЗДАНІЕ Г. Ѳ. ЛЬВОВИЧА.

В. Е. Якушкинъ.

Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи.

Съ приложеніемъ проекта конституціи Никиты Муравьева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.
1906.

БИБЛИОТЕКА
ПОГАШЕНО

2007088075

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящее время, когда на ближайшей очереди стоятъ вопросы преобразованія нашего государственнаго строя, когда горячія ожиданія и пожеланія русскаго общества получили уже опредѣленную опору въ оффиціальномъ актѣ о близкомъ созывѣ народныхъ представителей, несомнѣнно большой интересъ, и отвлеченный, и чисто практическій, заключается въ томъ, какіе аналогичные моменты уже переживала Россія въ своемъ прошломъ, какого рода указанія даетъ намъ исторія русскаго государственнаго права и русскаго общества, можно ли въ этой исторіи найти для современныхъ условій подходящій примѣръ, извѣстное поученіе. Само собою понятно, что не только любопытно, но и важно опредѣлить, какая связь существуетъ между современнымъ нашимъ политическимъ движеніемъ и нашимъ историческимъ прошлымъ, даетъ ли наша исторія основы для разбора и оцѣнки общественнаго настроенія минуты, развивающагося политическаго движенія? Представляютъ ли переживаемыя нами теперь событія, современныя явленія что-то случайное, навѣянное внѣшними условіями, преходящимъ увлеченіемъ, или же это результатъ и заключеніе опредѣленнаго историческаго движенія, необходимаго развитія?

Я постараюсь въ краткихъ очеркахъ дать отвѣты на эти вопросы.

Въ русскомъ обществѣ историческія и государственныя знанія не могутъ считаться, въ общемъ, достаточно распространенными. Но, кромѣ того, въ силу особыхъ условій нашей школы и нашей науки, въ силу особыхъ условій цензурныхъ и политическихъ, историческія и

политическія свѣдѣнія, распространенныя у насъ, страдаютъ часто неполнотой и односторонностью. У насъ такъ часто выставляются основы установившагося самодержавнаго строя исконными началами всего русскаго быта, всей русской жизни, что въ значительныхъ кругахъ русскаго общества привыкли дѣйствительно считать, будто основы господствующаго строя чуть ли не концентрируютъ въ себѣ результатъ, смыслъ нашей исторической жизни, а протесты противъ нихъ признаются явленіемъ новымъ, съ исторіей вовсе не связаннымъ. Между тѣмъ, эти очень распространенныя представленія далеки отъ истины.

Еще м-мъ Сталь сказала: „C'est le despotisme qui est nouveau et la liberté qui est ancienne". Стремленіе общества къ свободѣ, проявленія этой свободы — общія явленія исторической жизни, и мы наблюдаемъ ихъ и въ русской исторіи наравнѣ и параллельно съ развитіемъ и дѣйствіемъ установившагося у насъ общаго строя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Земскіе соборы XVI и XVII вѣковъ.

Земскіе соборы являются очень характерной и существенной особенностью въ государственной Руси за періодъ московскаго царства. Земскіе соборы возникли въ срединѣ XVI столѣтія, но расцвѣтъ ихъ власти и значенія относится къ XVII вѣку, во второй половинѣ котораго дѣятельность ихъ начинаетъ ослабѣвать, а къ XVIII столѣтію они и совсѣмъ прекращаются.

У насъ существуетъ обширная литература о земскихъ соборахъ; ими, ихъ дѣятельностью, ихъ судьбой и значеніемъ занимались наиболѣе выдающіеся наши историки и историки права не только въ спеціальныхъ статьяхъ и монографіяхъ, но и въ общихъ сочиненіяхъ. Въ этой литературѣ можно указать образцово проведенныя изслѣдованія, блестящія характеристики и оцѣнки. Но все-таки вопросъ о земскихъ соборахъ не можетъ считаться вполнѣ выясненнымъ, достаточно извѣстнымъ: въ этомъ виновата бѣдность документальныхъ данныхъ, отрывочность и неполнота источниковъ. Это скудное состояніе матеріаловъ, касающихся земскихъ соборовъ, не только оставляло невыясненными многіе вопросы въ дѣятельности и исторіи этого важнаго учрежденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно дало возможность сложиться и укрѣпиться многимъ невѣрнымъ представленіямъ о характерѣ и значеніи земскихъ соборовъ. Мы встрѣчаемъ въ числѣ изслѣдователей этого учрежденія и горячихъ поклонниковъ его, и рѣзкихъ хулителей; мы встрѣчаемъ разнообразные и противопо-

ложные отзывы о происхожденіи земскихъ соборовъ, объ ихъ дѣятельности, о развитіи и предѣлахъ ихъ компетентности, о заслугахъ, о причинахъ упадка этого государственнаго института. При неполнотѣ и неясности матеріаловъ односторонніе отзывы о земскихъ соборахъ, высказанные даже въ давнее время, сохраняютъ свое вліяніе, и понятія о значеніи земскихъ соборовъ, распространныя въ обществѣ, заключаютъ въ себѣ много неточнаго и противорѣчиваго. Въ общемъ итогѣ—здѣсь держится больше предразсудковъ, чѣмъ знаній.

Представители славянофильства среди нашихъ историковъ превозносятъ земскіе соборы и, согласно съ основными воззрѣніями своей школы, видятъ въ земскихъ соборахъ нѣчто особенное, совершенно отличное во всѣхъ отношеніяхъ отъ представительныхъ собраній въ западныхъ государствахъ: они преувеличиваютъ особенности земскихъ соборовъ, они возводятъ въ теорію именно эти особенности и приходятъ къ одностороннему представленію о земскихъ соборахъ. Въ противоположность имъ, нѣкоторые историки западнаго направленія, тоже признавая наибольшее значеніе за особенностями русскаго соборнаго представительства, порицаютъ эти особенности и отвергаютъ значеніе земскихъ соборовъ. Собственно въ обществѣ у насъ, главнымъ образомъ, и держатся эти противоположные взгляды: одни, вслѣдъ за славянофилами, восторгаются великимъ, исключительно русскимъ учрежденіемъ, которое давало населенію свободу мнѣнія, оставляя государю свободу власти; другіе видятъ въ земскихъ соборахъ очень несовершенное учрежденіе, основанное на плохой системѣ представительства, слабое по своему основному характеру, какъ совѣщательное собраніе, и по своей компетенціи имѣвшее мало значенія и погибшее отъ своего внутренняго безсилія. И тотъ, и другой взгляды совершенно невѣрны. Земскіе соборы не были чудомъ изъ чудесъ государственной жизни; они, не-

сомнѣнно, фактически не соотвѣтствуютъ теоретическимъ формуламъ, выведеннымъ на ихъ счетъ, но все-таки это было учрежденіе, чрезвычайно важное и по размѣрамъ своей дѣятельности, и по ея послѣдствіямъ.

Не станемъ слѣдить за всею исторіею земскихъ соборовъ, съ самаго начала отмѣтивъ только, что и по своему составу, и по характеру, и по значенію земскіе соборы вовсе не являются учрежденіемъ однороднымъ и неизмѣннымъ. При своемъ появленіи соборы представляли собою одно, во время наибольшаго развитія ихъ дѣятельности, въ началѣ XVII вѣка, это было нѣчто совсѣмъ иное, во второй половинѣ вѣка соборы опять потерпѣли сильное измѣненіе. Однако и это дѣленіе на три эпохи не обнимаетъ строго всѣхъ особенностей и отличій отдѣльныхъ соборовъ. При дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ въ нужныхъ случаяхъ указывать на эту измѣнчивость въ характерѣ земскихъ соборовъ.

Извѣстно, какое значеніе и какое распространеніе въ древне-русской жизни имѣлъ вѣчевой строй. Въ его развитіи, объемѣ, прочности по разнымъ областямъ бывало большое различіе, но внѣ всякаго сомнѣнія, что этотъ строй явился характерной чертой русскаго государственнаго быта въ теченіе многихъ вѣковъ нашей древней исторіи и представлялъ собою яркое и, въ общемъ, полное выраженіе принципа участія народа въ законодательной власти и въ управленіи. Несмотря на борьбу разныхъ интересовъ, можно думать, что основы этого „народоправства“ не исчезли бы совершенно и путемъ видоизмѣненія перешли бы въ другія формы выраженія того же начала, но татарскій погромъ и продолжительное восточное иго, налегшее на Россію, существенно измѣнили ходъ исторической жизни. Ко времени освобожденія отъ татарскаго ига и объединенія Руси подъ властью московскаго государя еще сохранялись и затѣмъ были уничтожены послѣдніе остатки

прежняго вѣчевого строя. Въ московскомъ государствѣ получилось вмѣстѣ съ единодержавіемъ и самодержавіе. Въ первой половинѣ XVI вѣка создалось ученіе о божественномъ происхожденіи власти московскаго государя, утвердилась легенда о наслѣдствѣ Византіи, о прямой связи рода московскихъ государей съ императоромъ Августомъ. Иванъ IV очень высоко ставилъ свою власть и по ея происхожденію, и по ея объему, и по ея древности, и считалъ, что изъ всѣхъ правителей только еще султанъ турецкій можетъ съ нимъ равняться. Иванъ IV принялъ титулъ царя всея Руси и не только стремился къ поддержанію своей власти безъ ущерба и порухи, во всей чистотѣ и неприкосновенности, но и разрабатывалъ, какъ публицистъ, основы этой власти. И вотъ, этотъ первый царь-самодержецъ созываетъ первый земскій соборъ, приглашаетъ въ Москву изъ городовъ выборныхъ всякаго чина. Характерна причина созыва собора: самодержавный царь обращается къ выборнымъ съ жалобой на поведеніе бояръ и вельможъ, которые „во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись“. Онъ говорилъ „о неправедныхъ лихоимцахъ и хищникахъ, и судьяхъ неправедныхъ“, о „неправдѣ“, „безсудствѣ, и сребролюбіи властей“. Молодой царь обличалъ передъ выборными всѣхъ чиновниковъ, всю бюрократію, которая была исполнительницей законовъ и стояла между царемъ и народомъ; онъ обличалъ именно зло, которое является неизбѣжнымъ спутникомъ того порядка, когда участія въ правленіи не принимаетъ само населеніе, его представители. Такимъ образомъ, и форма—созывъ выборныхъ всякого чина изъ всѣхъ городовъ, — и содержаніе—цѣль собора, вопросъ, передъ нимъ поставленный,—все указываетъ намъ, что это былъ моментъ обращенія къ населенію съ цѣлью привлечь его къ дѣлу управленія. Мы не знаемъ никакихъ подробностей о первомъ соборѣ, тогда какъ о второмъ (1566 г.), рѣшав-

шемъ вопросъ, воевать ли съ Польшей, или согласиться на ея требованія, у насъ есть болѣе полныя свѣдѣнія; если подробный анализъ нашихъ свѣдѣній о представительствѣ на этомъ соборѣ, объ его составѣ привелъ ученаго изслѣдователя къ заключенію, что соборъ „родился не изъ политической борьбы, а изъ административной нужды", если вообще, „земское соборное представительство XVI вѣка выросло само собой изъ начала государственной отвѣтственности, положенной въ основаніе сложнаго зданія мѣстнаго управленія", — то эти выводы нисколько не опровергаютъ общей оцѣнки дѣла. Данныя о томъ или другомъ земскомъ соборѣ могутъ приводить къ выводу, что этотъ соборъ не былъ основанъ на правильномъ представительствѣ населенія, какъ относительно другихъ соборовъ можно находить, что задачи ихъ были очень нешироки, что по ихъ отношенію къ вопросу они были даже не совѣщательнымъ органомъ, а служили лишь средствомъ къ проведенію правительственнаго воздѣйствія на извѣстныя группы населенія; если все это даже и такъ, это не опровергаетъ общаго положенія: земскіе соборы выражали признаніе того начала, что населеніе должно участвовать и въ законодательствѣ, и въ управленіи. Что такое понятіе о представительствѣ населенія было достаточно уже развито и распространено на Руси во второй половинѣ XVI вѣка, мы видимъ и изъ публицистической литературы того времени. Если Иванъ Грозный усиленно и послѣдовательно развивалъ теорію неограниченной царской власти, то современные ему писатели уже указывали на значеніе и необходимость народнаго представительства. Такъ, князь Курбскій выставлялъ положеніе, царь „долженъ искать добраго и полезнаго совѣта, не только у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ". Въ политическомъ памфлетѣ XVI вѣка, „Бесѣдѣ валаамскихъ чудотворцевъ", неизвѣстный авторъ предлагаетъ царю „воздвигнути отъ всѣхъ гра-

довъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ и безпрестанно всегда содержати погодно при себѣ отъ всякихъ мѣстъ всякихъ людей". Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго мы дѣлаемъ тотъ выводъ, что уже въ XVI вѣкѣ, когда дѣятельность земскихъ соборовъ была еще слабо развита, они все-таки являлись выраженіемъ начала народнаго представительства, и что это начало было достаточно понимаемо современниками, цѣнимо ими. Рядомъ съ ученіемъ о неограниченной власти самодержавнаго государя выставлялось и проводилось положеніе объ участіи въ государевомъ и земскомъ дѣлѣ „всенародныхъ человѣкъ", представителей всей земли.

Въ началѣ XVII вѣка, въ безгосударное, смутное время земскіе соборы получили важное значеніе и оказали неоцѣнимыя услуги отечеству. Россія была спасена, смута было прекращена, главнымъ образомъ, усиленной работой земскихъ соборовъ, дѣйствовавшихъ тогда почти непрерывно. Ограничиваясь этимъ общимъ замѣчаніемъ и не слѣдя за послѣдовательной исторіей земскихъ соборовъ, мы въ краткихъ положеніяхъ очертимъ общее значеніе земскихъ соборовъ и ихъ порядки. Такія общія положенія будутъ достаточны для нашей цѣли, но читатель долженъ помнить, что всѣ соборы не могутъ быть подведены подъ одну мѣрку, какъ замѣчено уже выше. Тѣмъ не менѣе, общія основныя положенія здѣсь возможны.

По своему составу земскіе соборы являются выборнымъ, представительнымъ учрежденіемъ. Они собственно, распадались на двѣ части: боярская Дума (бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки) и „освященный соборъ" (патріархъ, митрополиты, архіепископы и епископы, архимандриты и игумены) засѣдали на соборахъ не по выбору, а въ силу своихъ должностей и званій; низшее духовенство, служилые люди, стольники, стряпчіе, московскіе и городовые дворяне и дѣти боярскіе, стрѣльцы, казаки, затѣмъ —тяглыя сословія: гости,

суконная и гостиная сотни, черныя сотни, слободы, посадскіе и уѣздные люди—участвовали на соборахъ по выборамъ, чрезъ своихъ, выбранныхъ ими, представителей. Соборы бывали полные и неполные, съ представителями всѣхъ или не всѣхъ сословій, но это не мѣняетъ общаго положенія: соборы являлись выразителями и представителями всей земли, всего великаго Россійскаго царства. Не буду останавливаться на способѣ выборовъ, -тутъ опять и по времени, и по отдѣльнымъ соборамъ бывала разница, но все-таки, какъ общій принципъ, можно установить, что сословія или чины производили выборы „промежъ себя“, свободно. Число выборныхъ тоже бывало различно, иногда не опредѣлялось строго: „сколько пригоже“.

Какъ сказано, земскіе соборы дѣлились на двѣ части: на высшихъ служилыхъ и духовныхъ чиновъ и на выборныхъ отъ населенія. Засѣданія собора бывали общія, когда царь открывалъ соборъ и читалась тронная рѣчь, объяснявшая причины созыва выборныхъ и вопросы, ставившіеся на разрѣшеніе собора; большая же часть засѣданій происходила для двухъ частей отдѣльно, соборъ какъ бы дѣлился на двѣ палаты, но между этими палатами не было такого взаимоотношенія, какое мы привыкли видѣть теперь при двухпалатной системѣ. Низшая палата депутатовъ дѣлилась для занятій обыкновенно на отдѣльныя коммиссіи, по сословіямъ, чинамъ.

Не останавливаюсь на самомъ порядкѣ какъ выборовъ, такъ и работъ земскаго собора. Перехожу къ наиболѣе существенной сторонѣ вопроса, къ компетенціи земскихъ соборовъ. Здѣсь опять-таки наблюдается большое различіе и во времени, и по отдѣльнымъ соборамъ, но, тѣмъ не менѣе, здѣсь можно установить и общія начала. Земскіе соборы созывались или для рѣшенія одного опредѣленнаго вопроса, или для какой-нибудь болѣе общей задачи, или, наконецъ, для участія въ са-

момъ веденіи управленія. Мы видимъ очень много земскихъ соборовъ, начиная съ XVI еще вѣка, созывавшихся для рѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ, продолжать ли войну, принимать ли предлагаемыя условія мира, соглашаться ли на требованія, предъявляемыя враждебнымъ сосѣдомъ, и т. п. Особенною извѣстностью въ этомъ отношеніи пользуется земскій соборъ 1642 г. по вопросу, принимать ли подъ власть Россіи Азовъ, захваченный казаками. Но такіе соборы о войнѣ и мирѣ были и раньше, и позднѣе. Земскіе соборы, въ связи съ военными обстоятельствами и помимо нихъ, постоянно рѣшали вопросы финансовые, опредѣляли, вотировали новые налоги. Они принимали нерѣдко близкое участіе въ составленіи законовъ, и плодомъ соборной дѣятельности было знаменитое Уложеніе 1649 г., которое почти двѣсти лѣтъ было единственнымъ кодифицированнымъ сборникомъ нашихъ законовъ. Далѣе земскіе соборы принимали непосредственное участіе въ управленіи. Выше уже было упомянуто о выдающейся роли земскихъ соборовъ въ смутное время; но подобное же значеніе сохранялось за земскими соборами и тогда, когда кончилось безгосударное время, послѣ избранія Михаила Ѳедоровича: въ начальные годы царствованія перваго царя изъ дома Романовыхъ земскій соборъ дѣйствовалъ почти постоянно и продолжалъ принимать прямое участіе въ управленіи. Кромѣ того, земскимъ соборамъ принадлежало еще важное право, — избраніе царя (объ этомъ сейчасъ скажу отдѣльно), — а иногда они являлись и въ качествѣ высшаго государственнаго суда,—такъ было въ дѣлѣ Василія Шуйскаго и въ дѣлѣ царевны Софьи.

Въ общемъ итогѣ можно сказать, что земскимъ соборамъ принадлежало участіе въ законодательствѣ и въ управленіи. Въ нашей литературѣ и затѣмъ, въ нашемъ обществѣ очень распространено мнѣніе, будто земскіе соборы были только совѣщательнымъ органомъ.

Это мнѣніе возведено славянофилами въ теорію и выражено Константиномъ Аксаковымъ въ извѣстной фразѣ: „Правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія". Но эта красивая фраза представляетъ по существу именно только фразу, совершенно несогласную съ исторической дѣйствительностью. Факты никакъ не позволяютъ признать за земскими соборами только совѣщательное значеніе. Во-первыхъ, земскіе соборы избирали государей. Въ этой своей функціи они имѣли рѣшающую власть, но избирательные соборы по своему составу и характеру вовсе не были чѣмъ-нибудь особеннымъ. Совершивши избраніе, тотъ же соборъ могъ продолжать свою работу по отношенію къ другимъ задачамъ, стоявшимъ на очереди. Какъ избраніе государя, такъ и другія соборныя постановленія одинаково являлись выраженіемъ народной воли, волей всей земли. Само избраніе царя было очень нерѣдкимъ дѣломъ собора какъ въ силу особыхъ обстоятельствъ времени и быстрой смѣны лицъ и династій, такъ и въ силу получившаго признаніе обычая: избранію со стороны земли подвергались не только новые цари, получавшіе избраніемъ вакантный престолъ, но также и тѣ, кто получалъ престолъ послѣ отца, и за всѣ полтора вѣка существованія земскихъ соборовъ только относительно одного царя Ѳедора Алексѣевича у насъ нѣтъ извѣстія объ избраніи его соборомъ. Это, конечно, не значитъ, что московская Русь сдѣлалась чисто избирательной монархіей, но это указываетъ на значеніе въ то время „воли земли", и такое значеніе земскаго собора не можетъ быть совершенно отдѣлено отъ его значенія въ другихъ дѣлахъ. Затѣмъ, совершенно опредѣленное участіе земскаго собора въ управленіи опять-таки безусловно противорѣчитъ понятію совѣщательнаго собранія. Земскимъ соборамъ, несомнѣнно, принадлежало извѣстное право иниціативы, что опять-таки не вполнѣ совпадаетъ съ совѣщательными функціями. Какъ вообще земскіе со-

боры дѣйствовали внѣ какого бы то ни было устава. внѣ какого бы то ни было закомѣрнаго опредѣленія, такъ не было и никакого закона о правахъ земскаго собора, о совѣщательномъ или рѣшающемъ значеніи его постановленій. На практикѣ же мы видимъ, что постановленія собора всегда принимаются, утверждаются царемъ. Это не значитъ, что царь не имѣлъ права не принять постановленій земскаго собора, но это не говоритъ ни сколько и въ пользу того, что соборъ былъ только совѣщательнымъ учрежденіемъ. Сравнимъ положеніе земскаго собора съ несомнѣннымъ совѣщательнымъ учрежденіемъ, съ государственнымъ совѣтомъ: за сто лѣтъ существованія совѣта мы видимъ множество случаевъ, когда законодательный вопросъ рѣшался вопреки мнѣнію государственнаго совѣта, но за полтораста лѣтъ существованія земскихъ соборовъ мы подобнаго случая не знаемъ. Даже по самой формѣ заключенія земскихъ соборовъ вовсе не имѣли характера совѣщательнаго акта. Если бы земскій соборъ подавалъ только свое мнѣніе, и за нимъ не было бы вовсе законодательной власти, то царь, выслушавъ мнѣніе собора, отъ себя рѣшалъ бы дѣло, хотя бы согласно съ мнѣніемъ собора. На дѣлѣ же было такъ: состоявшееся постановленіе земскаго собора утверждалось царемъ и становилось соборнымъ приговоромъ, при чемъ распорядительныя, исполнительныя дѣйствія на основаніи этого приговора дѣлались не отъ царскаго только имени, но и отъ имени собора: соборный приговоръ приводился въ исполненіе соборными грамотами.

Всѣ сдѣланныя сейчасъ вкратцѣ указанія приводятъ къ выводу, что признавать исключительно совѣщательный характеръ за земскими соборами было бы совершенно ошибочнымъ. Правительство въ извѣстное время, при извѣстныхъ обстоятельствахъ находило нужнымъ созвать земскій соборъ. Обязано ли оно было по закону созывать соборъ? Нѣтъ. Однако оно—не всегда, но часто—

не могло его не созвать, потому что не видѣло возможности безъ народныхъ представителей рѣшить выдвинувшіеся вопросы о войнѣ или мирѣ, о новомъ налогѣ и пр. Было ли обязано правительство принять и исполнять соборный приговоръ? Нѣтъ, законъ ни къ чему не обязывалъ правительство въ этомъ отношеніи, но какъ въ силу обстоятельствъ оно не могло обойтись въ данное время безъ земскаго собора, такъ въ силу тѣхъ же обстоятельствъ оно не могло не принять соборнаго приговора. Ограничивалъ ли земскій соборъ власть царя? Въ указанномъ смыслѣ—несомнѣнно. Царь въ трудныхъ обстоятельствахъ не могъ не созвать земскаго собора, не могъ его не послушать. Земскій соборъ, избирающій царя, участвующій въ управленіи, устанавливающій налоги, рѣшающій войну и миръ, рѣшающій поставленные ему вопросы законодательства и самъ возбуждающій другіе вопросы,—земскій соборъ не можетъ быть названъ совѣщательнымъ органомъ. Права земскаго собора нисколько не были опредѣлены закономъ, но тѣмъ не менѣе соборъ являлся, несомнѣнно, выраженіемъ участія населенія черезъ своихъ выборныхъ и въ законодательной власти, и въ управленіи. Рѣшеніе дѣла „всей землей", общимъ совѣтомъ всѣхъ чиновъ людей, всенародныхъ человѣкъ, въ періодъ развитія земскихъ соборовъ, было постояннымъ фактомъ, и фактъ этотъ тогда переходилъ въ общее сознаніе.

Значеніе этого „совѣта всей земли" провозглашалось самимъ правительствомъ, которое, напримѣръ, въ 1617 г. отвѣчало на заявленіе англичанъ о торговомъ договорѣ, что „такого дѣла рѣшить безъ совѣта всего государства нельзя". Подобное сознаніе не оставалось въ населеніи только словомъ: въ непосредственной связи съ нимъ стояли многочисленныя попытки формально ограничить царскую власть. У насъ сохранилось извѣстіе, что бояре хотѣли, чтобы Борисъ Годуновъ при вступленіи на престолъ принялъ присягу объ ограни-

ченія его власти. Борису удалось уклониться отъ этого; какъ говорятъ, онъ нашелъ себѣ здѣсь опору именно въ выборныхъ всѣхъ чиновъ. Но если это не удалось съ Годуновымъ, то было осуществлено съ Василіемъ Шуйскимъ, который далъ клятву *„общимъ совѣтомъ* россійское царство управлять“, а лѣтописецъ передаетъ эту клятву даже и въ такой формѣ: Василій Шуйскій говорилъ прямо, что ему ни надъ кѣмъ ничего дурного не дѣлать „безъ собору“. Идея ограниченія царской власти получила дальнѣйшее развитіе и выражена вполнѣ опредѣленно въ договорѣ, который былъ заключенъ при избраніи Владислава; если установленіе новыхъ налоговъ не могло быть предпринято по этому договору безъ согласія лишь „думныхъ людей“, то есть и другая статья въ договорѣ: судамъ быть по старинѣ, перемѣна законовъ зависитъ отъ бояръ и всей земли. И участіе всей земли въ государственныхъ дѣлахъ усилилось и окрѣпло въ наступившіе затѣмъ годы, когда народные выборные спасли родину отъ общей смуты и разрухи. У насъ есть несомнѣнныя свидѣтельства, русскія и иностранныя, о томъ, что Михаилъ Ѳедоровичъ вступилъ на престолъ также на условіяхъ ограниченія власти. Такъ какъ подлинный договоръ этотъ съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ до насъ не дошелъ, то мы и не знаемъ, говорилось ли что́ въ этомъ договорѣ о земскомъ соборѣ, и въ какомъ отношеніи стояла усиленная дѣятельность земскаго собора за первые годы царствованія къ этому договору.

Если мы еще въ срединѣ XVI вѣка видѣли мнѣніе о необходимости совѣта всякихъ людей, всенародныхъ человѣкъ, то несомнѣнно, что такое мнѣніе должно было еще болѣе укрѣпиться и распространиться въ первой четверти XVII вѣка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно и то, что стремленія къ ограниченію царской власти проявлялись особенно сильно среди бояръ. Въ договорахъ съ Шуйскимъ или съ Владиславомъ вполнѣ

ясны стремленія именно бояръ. Если эти стремленія въ концѣ-концовъ, потерпѣли полную неудачу, то это зависѣло отъ того, что, какъ замѣчаетъ Соловьевъ, бояре не сумѣли возвыситься даже до строгаго пониманія сословныхъ интересовъ, враждовали между собой, преслѣдовали, увлекались своими частными, личными выгодами. Они не выставляли широкой политической программы, не старались опереться на всенародныхъ человѣкъ,—и ихъ замыслы не удались.

Земскіе соборы ослабѣли во вторую половину XVII вѣка и затѣмъ совсѣмъ прекратились. Ихъ уничтоженіе зависѣло отъ разныхъ и сложныхъ причинъ. Одни изслѣдователи выдвигаютъ впередъ положеніе, что послѣ того, какъ государство московское окрѣпло, благодаря именно участію въ законодательствѣ и управленіи земскихъ соборовъ, правительство перестаетъ нуждаться въ содѣйствіи земскихъ соборовъ и собираетъ ихъ все рѣже и рѣже, а затѣмъ и совсѣмъ перестаетъ къ нимъ обращаться; другіе изслѣдователи причину паденія соборовъ видятъ въ проискахъ бояръ и дьяковъ, тогдашней бюрократіи, которая тяготилась контролемъ и авторитетной критикой со стороны соборовъ, третьи изслѣдователи считаютъ, что окончательная причина уничтоженія соборовъ—въ Петрѣ Великомъ: преобразователь, преисполненный, къ тому же, встрѣченными на Западѣ идеями просвѣщеннаго абсолютизма, не нуждался въ содѣйствіи народа, боялся найти въ его выборныхъ только противодѣйствіе своимъ реформамъ. Можно признать значеніе за всѣми этими тремя причинами, хотя послѣдней нельзя придавать рѣшающаго значенія: паденіе земскихъ соборовъ свершилось до Петра, а онъ только не возстановилъ ихъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Послѣ Петра Великаго.

По теоріи славянофиловъ, земскіе соборы выражали собой превосходную и безпримѣрную систему народнаго представительства, участія народа въ законодательствѣ и управленіи. И эта превосходная организація была, по мнѣнію славянофиловъ, разрушена сразу Петромъ Великимъ. Что же это, однако, за превосходныя система и организація, которыя сразу и безъ болѣзненныхъ даже осложненій погибли по волѣ одного человѣка? Самимъ фактомъ этой гибели не подрывается ли въ корнѣ теорія о великолѣпномъ достоинствѣ системы земскихъ соборовъ, какъ ее понимаютъ славянофилы?

Въ предыдущей главѣ мы сказали, что несправедливо приписывать паденіе земскихъ соборовъ Петру Великому: они пали при предшественникахъ Петра,— при тишайшемъ Алексѣѣ Михайловичѣ и его старшемъ сынѣ, — и Петръ только не возстановилъ ихъ. Не касаясь болѣе подробно уже указанныхъ раньше причинъ паденія земскихъ соборовъ, замѣчу еще только, что это паденіе,—и при признаніи, что оно, несомнѣнно, зависѣло не отъ личныхъ настроеній одного дѣятеля,—заключаетъ въ себѣ поучительное указаніе на основной недостатокъ въ организаціи земскихъ соборовъ: они не имѣли въ своей основѣ характера обязательности, закрѣпленной закономъ; попытки дать имъ эту необходимую для ихъ устойчивости черту не удались, и они погибли. Съ точки зрѣнія славянофильской теоріи, отсутствіе всякой обязательности, всякаго права въ организаціи народнаго представительства есть прекрасная

особенность земскихъ соборовъ; съ исторической точки зрѣнія, эта особенность если не была причиной гибели соборовъ, то облегчила ихъ гибель; съ точки зрѣнія теоріи государственнаго права, никакія необязательныя, неопредѣленныя отношенія не могутъ служить основой, обезпеченіемъ твердаго порядка. И примѣръ нашихъ земскихъ соборовъ является здѣсь поучительнымъ.

Петръ Великій былъ и на практикѣ, и въ теоріи представителемъ просвѣщеннаго абсолютизма, но при его высокомъ пониманіи обязанностей монарха, его задачъ онъ нисколько не боялся за свою власть, усиливалъ власть сената, вводилъ коллегіальныя начала въ управленіи, основывая личный составъ его на выборахъ. Въ царствованіе Петра, когда ставились такіе важные вопросы внутренней и внѣшней жизни, когда страна была оживлена „войной, заботами, трудами“, мы не встрѣчаемъ движенія въ пользу ограниченія царской власти, а только заговоры на жизнь Петра со стороны враговъ его политики. Но прежнія стремленія въ русскомъ обществѣ къ установленію болѣе прочнаго и устойчиваго порядка не уничтожились; напротивъ того, вмѣстѣ съ развитіемъ образованія, вмѣстѣ съ усиленіемъ сношеній съ Европой, при болѣе частыхъ постоянныхъ поѣздкахъ и посылкахъ туда русскихъ для науки прежнія стремленія должны были получить бо́льшую систематичность, должны были искать и находить извѣстныя основы въ европейской жизни, въ европейской литературѣ. Въ это время у насъ образовалась довольно обширная переводная литература, печатная и рукописная, по вопросамъ политической жизни, и тутъ появились и такія сочиненія, которыя позднѣе, при наслѣдникахъ Петра, были запрещены.

Не вхожу въ подробности событій, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Екатерины I. Князь Меншиковъ, главный виновникъ вступленія на престолъ супруги Петра, получилъ, понятно, сильнѣйшее вліяніе на дѣла,

но его образъ дѣйствій возбудилъ рѣзкое неудовольствіе среди другихъ вельможъ, и вотъ, въ началѣ 1726 г. стали ходить слухи, что среди недовольныхъ затѣвается заговоръ съ цѣлью низложить Екатерину и признать императоромъ малолѣтняго Петра Алексѣевича при условіи ограниченія его власти. Подобный планъ могъ имѣть серьезное значеніе, такъ какъ въ населеніи твердо держалась мысль, что истинный наслѣдникъ престола — сынъ цесаревича Алексѣя, а во главѣ украинской арміи стоялъ знаменитый фельдмаршалъ кн. М. М. Голицынъ, который вмѣстѣ съ братомъ своимъ, кн. Д. М. Голицынымъ, былъ и за права Петра, и за необходимость ограниченія царской власти. Сторонники Екатерины должны были вступить въ переговоры съ оппозиціей: въ результатѣ было учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта изъ шести членовъ, гдѣ Меншиковъ былъ уже только равноправнымъ членомъ со своими товарищами; въ верховномъ совѣтѣ должна была предсѣдательствовать сама государыня, а права совѣта были велики. Члены его потребовали, между прочимъ, такого постановленія: „никакимъ указамъ прежде не выходить, пока они въ тайномъ совѣтѣ совершенно не состоялись, протоколы не закрѣплены, и ея величеству для всемилостивѣйшей апробаціи поднесены не будутъ“. И это право было утверждено за совѣтомъ, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ.

Но, конечно, нельзя было думать, чтобы возникшее движеніе могло быть уничтожено состоявшимся соглашеніемъ, какъ нельзя было думать, чтобы оно по своему содержанію не шло дальше привиллегій тайнаго совѣта. У насъ есть прямыя свидѣтельства, что среди партій того времени держались очень опредѣленныя стремленія къ ограниченію царской власти соотвѣтственными учрежденіями, что на верховный тайный совѣтъ смотрѣли только какъ на начало. Послѣ утвержденія совѣта французскій посланникъ Камредонъ писалъ въ Парижъ: „Нетрудно предвидѣть, что это—лишь первый

шагъ къ перемѣнѣ формы правленія, что русскіе, желая сдѣлать его менѣе деспотическимъ, нежели какъ было до сихъ поръ, и имѣя въ виду малолѣтство наслѣдника престола, заботятся пріобрѣсти себѣ такія прерогативы и гарантіи, какія необходимы для созданія и поддержанія формы правленія, подобнаго англійскому. Очень можетъ быть, что эта мысль собственно и побудила ихъ устроить совѣтъ. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе разсудительныхъ людей о характерѣ новаго учрежденія, и я соглашаюсь въ томъ съ ними, зная, къ чему клонятся виды этой націи".

И дѣйствительно, большинство членовъ верховнаго тайнаго совѣта выступили черезъ нѣсколько лѣтъ съ опредѣленной попыткой измѣнить строй государственной власти. Эта попытка, сопровождавшая вступленіе на престолъ Анны Іоанновны, долго понималась у насъ односторонне: она выставлялась, какъ затѣя олигарховъ забрать власть въ свои руки и, такимъ образомъ, въ сущности не ограничить ее, а только раздѣлить. Но такое отношеніе къ этому предпріятію, связанное, конечно, со взглядами на дѣло нѣкоторыхъ лицъ и партіи того времени, враждебныхъ замысламъ верховнаго совѣта, держалось и распространялось у насъ въ силу именно тѣхъ полицейскихъ и цензурныхъ условій, о которыхъ было сказано вначалѣ. На-ряду съ подобной оцѣнкой событій, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Анны Іоанновны, существовало преданіе, въ иномъ свѣтѣ выставлявшее эти событія, а въ настоящее время новые матеріалы, обнародованные по этому дѣлу, новыя изслѣдованія,—если не ошибаюсь, послѣдній самостоятельный пересмотръ вопроса былъ произведенъ П. Н. Милюковымъ, — установили новую оцѣнку событій 1730 г. Члены тайнаго верховнаго совѣта, приступая къ ограниченію императорской самодержавной власти, преслѣдовали не только свои личныя цѣли, имѣли въ виду не созданіе олигархіи, а введеніе

опредѣленнаго конституціоннаго строя на аристократическихъ основахъ.

Когда скончался въ Москвѣ юный императоръ Петръ II, возникъ вопросъ о престолонаслѣдіи. Правда, существовало завѣщаніе Екатерины I, по которому за бездѣтною смертью Петра II престолъ долженъ былъ перейти къ Аннѣ Петровнѣ Голштинской и къ ея потомкамъ, но завѣщаніе это не могло теперь имѣть особенной силы, тѣмъ болѣе, что и въ свое-то время сомнѣвались въ его подлинности. Вопросъ долженъ былъ быть рѣшенъ помимо этого завѣщанія. Кандидатура сына Анны Петровны (впослѣдствіи императоръ Петръ III) ставилась сама по себѣ, но она была отвергнута подъ предлогомъ его малолѣтства, хотя истинной причиной этого было, по донесенію одного иностраннаго дипломата, то, „что посредствомъ выбора хотятъ достигнуть большей свободы и не оставаться болѣе подъ такимъ тяжелымъ игомъ". Личность и значеніе мужа Анны Петровны, герцога Голштинскаго, были у всѣхъ еще въ памяти и не возбуждали желанія опять дать мѣсто голштинскому вліянію. Такъ какъ со смертью Петра II пресѣклось мужское потомство дома Романовыхъ, то при переходѣ къ женской линіи было извѣстное основаніе обратиться не къ дочерямъ Петра, а къ дочерямъ его старшаго брата, царя Ивана Алексѣевича. По своему вдовьему и бездѣтному положенію Анна Іоанновна, герцогиня курляндская, представлялась очень удобной, такъ какъ не вела за собой своей семьи, своихъ близкихъ родственниковъ, а по тому незавидному положенію, въ какомъ ей приходилось жить въ Митавѣ, можно было разсчитывать на ея уступчивость въ вопросѣ о правахъ императорской власти.

Какъ только скончался Петръ II, члены верховнаго тайнаго совѣта собрались для обсужденія положенія возможныхъ кандидатуръ. Тутъ отецъ невѣсты покойнаго императора кн. Долгоруковъ заявилъ было о пра-

вахъ своей дочери, но этому заявленію никто не придалъ никакого значенія. Съ опредѣленной кандидатурой Анны Іоанновны и съ опредѣленной программой выступилъ кн. Д. М. Голицынъ, о которомъ выше уже было упомянуто, какъ о сторонникѣ ограниченія самодержавія. Когда всѣ согласились на кандидатуру герцогини курляндской, Голицынъ сказалъ: „Воля ваша, кого изволите, только надобно намъ себѣ полегчить“.— „Какъ себѣ полегчить?“—„Такъ полегчить, чтобъ воли себѣ прибавить“, отвѣчалъ Голицынъ. Когда совѣщаніе проявило свою нерѣшительность, Голицынъ сталъ опредѣленно настаивать: „Будь воля ваша, только надобно, написавъ, послать къ ея величеству пункты“. Такъ и порѣшили. Голицынъ говорилъ собравшемуся въ это время генералитету: „Станемъ писать пункты, чтобы не быть самодержавству“.

Пункты были составлены и отправлены въ Митаву съ тремя депутатами. Пункты эти обязывали Анну Іоанновну безъ верховнаго тайнаго совѣта: 1) войны не начинать; 2) миру не заключать; 3) подданныхъ податями не отягощать; 4) никого не жаловать въ чины выше полковника, никого не назначать къ знатнымъ дѣламъ, а гвардію и армію оставить подъ вѣдѣніемъ совѣта; 5) у шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать; 6) не жаловать вотчины и деревни 7) въ придворные чины не производить; 8) государственныхъ доходовъ не тратить. Пункты заканчивались такъ: „а буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны Россійской“.

Предпринятое совѣтомъ ограниченіе императорской власти на основаніи этихъ пунктовъ взволновало всѣхъ, какъ только стало извѣстнымъ. Оно вызвало много неудовольствія, большое раздраженіе. Многіе были обижены тѣмъ, что это дѣлается однимъ тайнымъ совѣтомъ, безъ участія другихъ сановниковъ, безъ участія сената и синода. Голицынъ былъ въ очень дурныхъ отношеніяхъ

съ членами синода, былъ сердитъ на нихъ за ихъ роль при воцареніи Екатерины I и, какъ руководитель всего дѣла, намѣреннно игнорировалъ синодъ, а сенатъ вообще находился въ извѣстной оппозиціи къ совѣту, съ учрежденіемъ котораго были ограничены права сената. Искуснымъ, хотя и скрытымъ, предводителемъ недовольныхъ сдѣлался знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ. Кромѣ синода и сената, много недовольныхъ было среди шляхетства, которое въ значительномъ числѣ съѣхалось въ Москву къ предстоящей свадьбѣ Петра II. Во главѣ шляхетскаго движенія стояли кн. Черкасскій, Татищевъ, впослѣдствіи извѣстный историкъ, и кн. Антіохъ Кантемиръ, впослѣдствіи извѣстный сатирикъ.

Противъ замысла верховниковъ выдвигались два обвиненія: во-первыхъ, они начали все дѣло самовольно, не сговорившись съ тѣми, кто также считалъ себя въ правѣ обсудить вопросъ о перемѣнѣ государственнаго строя; во-вторыхъ, они въ пунктахъ всю власть давали себѣ. Не буду здѣсь слѣдить за всѣмъ послѣдовательнымъ ходомъ тѣхъ движеній, которыя оказались въ это время въ разныхъ кругахъ Москвы, а только вкратцѣ передамъ самые важные и характерные моменты и въ настроеніи, и въ ходѣ борьбы.

Французскій посолъ доносилъ своему правительству, что выборъ въ императрицы Анны Іоанновны сильно удивилъ всѣхъ дипломатовъ, но „кондиціи“, на какихъ ее выбирали на престолъ, объяснили имъ, въ чемъ дѣло. Видно, что хотятъ ограничить монархію тѣмъ или другимъ способомъ: „одни хотятъ ограниченія правъ короны властью парламента, подобно англійскому, другіе — подобно шведскому; одни думаютъ о системѣ избирательной, подобно примѣру Польши, другіе желаютъ передать власть только въ руки аристократіи. Очевидно только, что всѣ эти замыслы указываютъ путь къ совершенному измѣненію древняго правленія и обычаевъ русскихъ“. О такомъ распаденіи

плановъ среди русскаго общества свидѣтельствуетъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ: „Супостаты верховниковъ, по его словамъ, были не единодушны, а весьма противнаго хотѣнія: нѣкоторые изъ нихъ тщились старое, отъ прародителей воспріятое государства правило удержать непремѣнно, а другіе, да еще сильнѣйшіе, того же хотѣли, что и верховники, но были обижены тѣмъ, что они ихъ въ дружество свое не призвали".

Мы видѣли обвиненія, которыя выставлялись противъ плана верховниковъ. Ихъ обвиняли въ самовольствѣ, ихъ заподозрѣвали въ совершенно олигархическихъ стремленіяхъ. Они при объясненіяхъ своихъ со своими противниками ротились и присягали, что за собственнымъ своимъ интересомъ не гонятся, и жаловались, что напрасно то имъ въ грѣхъ поставлено, что они хотѣли первѣе искусить и отвѣдать, какову себя покажетъ на ихъ предложеніе избираемая государыня, а то увѣдавъ, имѣютъ они намѣреніе всѣ чины созвать и просить отвѣтовъ, что кому заблагоразсудится, къ полезнѣйшему впредь состоянію государства. Нѣкоторые вѣрили этимъ словамъ, большинство же не довѣряло имъ. Между тѣмъ, эти увѣренія были вполнѣ основательны. Какъ самые пункты тайнаго совѣта были прямымъ заимствованіемъ изъ шведскихъ постановленій, такъ на основаніи шведской же конституціи верховники вырабатывали проектъ русской конституціи. Участникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ нѣмецъ Фикъ, приглашенный въ Россію еще при Петрѣ Великомъ; онъ былъ близокъ къ кн. Дмитрію Дмитріевичу Голицыну, и задолго еще до событій 1730 г. подробно знакомилъ его съ шведскими установленіями; Фикъ принималъ участіе въ учрежденіи верховнаго совѣта; можетъ быть, онъ непосредственно помогалъ и теперь Голицыну, а можетъ быть, Голицынъ только пользовался матеріалами, которыми его снабдилъ Фикъ раньше.

По сообщенію того же француза Маньяна, планъ

Голицына состоялъ въ слѣдующемъ: „ограничить власть императрицы только внутренними дѣлами двора, а всю верховную власть передать собранію высшаго совѣта, состоящаго изъ десяти лицъ, которыя одни располагали бы должностями и войскомъ; образовать, кромѣ этого совѣта, три другихъ трибунала, именно: сенатъ изъ 36-ти членовъ, палату дворянства изъ 200 членовъ и, наконецъ, третье собраніе, въ которое будутъ посылаться по два депутата отъ каждаго города“. Другіе источники подтверждаютъ это сообщеніе Маньяна. Мы тутъ имѣемъ, такимъ образомъ, очень близкое къ шведскимъ порядкамъ того времени устройство. Фикъ, освѣдомленный объ этомъ проектѣ, торжествовалъ и выражался такъ: „Нынѣ имперія Россійская стала сестрица Швеціи и Польшѣ“. И кромѣ Фика, планъ Голицына находилъ и другихъ искреннихъ приверженцевъ. Бригадиръ Козловъ, уѣхавшій изъ Москвы въ Казань какъ разъ во время самаго развитія плановъ тайнаго совѣта, разсказывалъ казанскому губернатору: „Теперь у насъ прямое правленіе государства стало порядочное... И о государынѣ такъ положено: что хоть въ маломъ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее, конечно, вышлютъ назадъ въ Курляндію, и для того будь она довольна тѣмъ, что она государыня россійская; полно и того. Ей же опредѣляютъ на годъ 100,000, и тѣмъ ей можно довольной быть, понеже дядя ея императоръ и съ теткою ея довольствовались только 60,000 въ годъ, а сверхъ того повинна она ничего не брать себѣ и развѣ съ позволенія верховнаго тайнаго совѣта; также и деревень никакихъ давать неповинна никому, и не токмо того, но послѣдней табакерки изъ государевыхъ сокровищъ не можетъ себѣ вовсе взять, не только отдавать кому, а что надобно ей будетъ, то будутъ давать ей съ расписками“.

Какъ мы говорили, шляхетство сильно было взволновано предпріятіемъ верховниковъ. Одна партія въ

шляхетствѣ, вдохновляемая Ѳеофаномъ, стояла просто за сохраненіе самодержавія. Но были и другія партіи, считавшія перемѣны въ строѣ необходимыми. Тутъ были разныя градаціи. Наиболѣе обстоятельное мнѣніе составлено было Татищевымъ. Въ этомъ мнѣніи замѣтна большая начитанность автора и по исторіи, и въ политическихъ вопросахъ. Татищевъ подробно доказываетъ, что самодержавіе необходимо для Россіи и обусловливается всѣми ея особенностями, оправдывается всей ея исторіей. Необходимость самодержавія для Россіи доказывается разборомъ всѣхъ другихъ формъ правленія. Но Татищеву возражали, что давать одному власть надъ всѣмъ народомъ небезопасно: „Какъ бы мужъ справедливъ, кротокъ и прилеженъ ни былъ, безъ грѣшенъ же и во всемъ достаточенъ быть не можетъ; коль паче когда страстямъ своимъ дастъ волю, то нужно наглымъ, неправымъ насиліямъ и губленіямъ происходить. Когда онъ изберетъ во временщики кого, то оный равно самовластенъ и еще изъ зависти болѣе другихъ губитъ“... Но Татищевъ опровергаетъ эти возраженія, замѣчая: „Если же такой государь случится неосмысленный, что ни самъ пользы не разумѣетъ, ни совѣта мудрыхъ не принимаетъ и вредъ производитъ, то можно принять за наказаніе Божіе“. Но послѣ такого введенія Татищевъ неожиданно переходитъ къ необходимости ограниченій самодержавія, хотя временныхъ и условныхъ. „О государынѣ императрицѣ, хотя мы ея мудростью, благонравіемъ и правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены, однако же какъ есть персона женская, такъ многимъ трудамъ неудобна, паче же ей знанія законовъ недостаетъ; для того на время, доколѣ намъ Всевышній на престолъ мужскую персону даруетъ, потребно нѣчто для помощи ея величеству вновь учредить“. И проектъ предлагаетъ свои пункты: верховный совѣтъ долженъ войти въ составъ сената, и сенатъ будетъ состоять всего изъ 21-го члена; низшее правительство

должно состоять изъ 100 человѣкъ выборныхъ и засѣдать то въ полномъ составѣ (въ теченіе одного мѣсяца), то, мѣняясь по третямъ года, въ составѣ одной трети. Высшія гражданскія должности замѣщаются по баллотировкѣ сената и низшаго правительства, а военныя должности замѣщаются по баллотировкѣ въ арміи. Законодательная власть принадлежитъ государынѣ, но такъ какъ ей самой сочинять законы неугодно, то надо установить такой порядокъ: законопроекты составляются въ коллегіяхъ и представляются въ высшее правительство, которое по одобреніи проекта представляетъ его императрицѣ. Оппоненты Татищева указывали ему, между прочимъ, что при самодержавствѣ въ Россіи существуетъ вымышленная свирѣпымъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ тайная канцелярія „въ стыдъ и поношеніе передъ благоразсудными народами, а государству—разореніе, ибо за едино неосторожно сказанное слово пытаютъ, казнятъ и дѣтей невинныхъ имѣнія лишаютъ“ Татищевъ въ своемъ вступленіи устраняетъ это возраженіе заявленіемъ, что тайная канцелярія мало вредна будетъ, если поручена будетъ благочестивому человѣку, но въ самомъ проектѣ онъ дѣлаетъ попытку къ нѣкоторому огражденію правъ личности: онъ предлагаетъ, чтобы въ тайной канцеляріи, кромѣ ея начальника, назначеннаго императрицей, помѣсячно засѣдали присылаемые изъ сената два члена; при арестѣ брать понятаго изъ знатныхъ людей, чтобы полиція не захватывала себѣ имущества.

Кромѣ татищевскаго проекта, было подано еще нѣсколько другихъ шляхетскихъ проектовъ, въ которыхъ также разными способами обставлялось ограниченіе императорской власти.

Изъ Митавы привезены были обратно подписанные Анной Іоанновной пункты. Новоизбранная императрица согласилась на всѣ предложенныя условія и торжество признала ограниченіе своей власти. Пункты эти были

составлены отъ имени императрицы, и она ихъ присылала, объясняя ихъ цѣль въ своемъ письмѣ: „дабы всякій могъ видѣть ясно горячность и правое наше намѣреніе, которое мы имѣемъ къ отечеству нашему и вѣрнымъ нашимъ подданнымъ". Когда въ собраніи синода, сената и генералитета было прочитано письмо Анны и пункты, ею подписанные, кн. Д. М. Голицынъ сталъ говорить, что „видите ли, какъ государыня милостива, и какого мы отъ нея надѣялись, такое она показала къ отечеству нашему благодѣяніе. Богъ ее подвигнулъ къ писанію сему: отселѣ счастливая и цвѣтущая будетъ Россія". Но собраніе не отнеслось такъ сочувственно къ объявленнымъ пунктамъ, и въ немъ раздавались голоса: „Къ чему?",—а вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Черкасскій потребовалъ права для шляхетства представить свои соображенія о государственномъ устройствѣ. Такимъ образомъ, формальное выполненіе замысловъ верховниковъ, высочайшее утвержденіе „пунктовъ", не внесло успокоенія. Въ верховный совѣтъ были поданы тѣ мнѣнія шляхетства, о которыхъ было сейчасъ говорено. При господствѣ ограничительныхъ стремленій въ шляхетскихъ проектахъ можно было разсчитывать на извѣстное соглашеніе между верховниками и шляхетствомъ. Въ этомъ отношеніи были сдѣланы попытки, были предложены нѣкоторыя уступки; но дѣло не пришло къ необходимому единенію. Повидимому, послѣднему помѣшало недовѣріе, внушенное съ самаго начала верховниками, поведшими все дѣло безъ совѣщанія съ другими. Этимъ недовѣріемъ искусно воспользовалась партія, руководимая Ѳеофаномъ Прокоповичемъ.

Когда Анна Іоанновна пріѣхала въ Москву, общее напряженіе усилось. Верховники, которые старались оградить Анну Іоаннову отъ сношенія съ ихъ врагами въ Митавѣ и по пути, стали принимать такія же мѣры и въ Москвѣ, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мѣры эти не привели ни къ чему. Сторонники самодержавія

нашли способы сноситься съ новой императрицей, и въ этихъ сношенія Анна Іоаннавна находила себѣ указанія, какъ ей держать себя, чтобы обойти верховниковъ, одобреніе на отказъ отъ утвержденныхъ ею пунктовъ. Шляхетство явилось въ одно утро во дворецъ и добилось аудіенціи. Императрица, обнадеженная своими друзьями, ждала получить челобитіе о возстановленіи самодержавія. Вмѣсто того она услыхала о необходимости перемѣнъ въ государственномъ строѣ, выраженіе благодарности за то, что она предрѣшила этотъ вопросъ своимъ заявленіемъ: шляхетство просило о созывѣ учредительнаго собранія для разработки будущаго устройства; это учредительное собраніе должно было состоять изъ представителей генералитета, офицерства и шляхетства. Анна, смущенная происшедшимъ, подписала на представленномъ челобитіи: „Учинить по сему". Шляхетство попросило отсрочки аудіенціи, чтобы обсудить еще дѣло; Анна назначила новую аудіенцію въ тотъ же день и оставила всѣхъ верховниковъ у себя обѣдать, такъ что тѣ не могли принять свои мѣры. Дѣло ограниченія власти осталось безъ главныхъ руководителей, а партія, стоявшая за самодержавіе, очевидно, усиленно дѣйствовала. Когда шляхетство явилось на вторую аудіенцію, вмѣсто Татищева выступилъ Кантемиръ и прочелъ новое челобитіе: шляхетство приносило благодарность за согласіе императрицы созвать шляхетскихъ выборныхъ въ учредительное собраніе и въ знакъ благодарности просило императрицу принять самодержавіе. Такимъ образомъ, предложеніе объ этомъ возвращеніи къ прежней формѣ правленія оказалось мотивированнымъ не особенно логично, но это ничего не значило: дѣло было кончено. Анна Іоанновна выразила свое милостивое согласіе и на новую просьбу шляхетства. Она велѣла принести ей подлинные пункты и велѣла ихъ тутъ же разорвать [1]).

[1]) Къ книгѣ П. Н. Милюкова: „Изъ исторіи русской интелли-

И во второй челобитной шляхетства о возстановленіи самодержавія въ концѣ въ умѣренной формѣ были высказаны нѣкоторыя пожеланія. На нихъ тутъ не было обращено вниманія, но надо сказать, что потомъ нѣкоторыя изъ пожеланій шляхетства были исполнены. Но, конечно, принятыя мѣры были далеки отъ замысловъ тайнаго совѣта и первоначальныхъ шляхетскихъ проектовъ. Самодержавіе восторжествовало.

Кн. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, не отказавшійся отъ своихъ убѣжденій, говорилъ послѣ разсказанныхъ сейчасъ событій: „Трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными: знаю, что я буду жертвою неудачи этого дѣла. Такъ тому и быть; я пострадаю за отечество; мнѣ уже немного остается жить, но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ плакать долѣе моего“.

Слова эти были пророческими: кн. Д. М. Голицынъ умеръ въ Шлиссельбургской крѣпости, а для Россіи настала бироновщина, во время которой, надо думать, многіе вспоминали съ сожалѣніемъ о неудачѣ плановъ кн. Д. М. Голицына.

Попытка верховниковъ ограничить императорскую власть въ 1730 г., обнаружившая шляхетскія конституціонныя стремленія, представляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи вопроса, насъ занимающаго.

—

генціи“ приложено факсимиле подлинныхъ пунктовъ, подписанныхъ и разорванныхъ Анной Іоанновной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Представительство въ законодательныхъ коммиссіяхъ XVIII вѣка.

Одна изъ важнѣйшихъ заслугъ, числящихся за земскими соборами XVII столѣтія, заключается въ составленіи соборнаго уложенія 1649 г. Значеніе этой важной и удачно составленной кодификаціонной работы увеличивается тѣмъ, что она безъ малаго двѣсти лѣтъ служила главнѣйшею основою всѣхъ правовыхъ отношеній русской жизни. Потребность въ новой кодификаціи, въ объединеніи новоуказныхъ статей почувствовалась, конечно, очень скоро послѣ изданія соборнаго уложенія, такъ какъ условія жизни быстро мѣнялись, ея направленіе и содержаніе развивались опредѣленнѣе, законодательство проявляло себя въ рядѣ новеллъ. Уже съ самаго начала XVIII вѣка мы видимъ постоянныя попытки правительства произвести новую кодификацію, составить новое уложеніе. Но ставя себѣ вновь ту же самую важную цѣль, которая такъ успѣшно была достигнута въ 1649 году, правительство не думало прибѣгать къ средству, обезпечившему тогда успѣхъ дѣла: оно ставило предпринимаемую работу вполнѣ бюрократическимъ способомъ, не обращаясь къ содѣйствію общественныхъ силъ, пренебрегая представителями общества.

При такихъ условіяхъ работа шла очень неуспѣшно. Коммиссія смѣнялась коммиссіей, но дѣло двигалось крайне медленно или даже совсѣмъ не шло; получившіеся результаты оказывались или очень ничтожными или вполнѣ неудачными. Была сдѣлана одна широкая

попытка поставить необходимую законодательную работу на прежній испытанный путь, попытка эта не была доведена до конца, хотя все-таки она успѣла бросить яркую полосу свѣта на общее направленіе всего дѣла. Знаменитая Екатерининская коммиссія депутатовъ занимаетъ важное мѣсто въ ходѣ законодательныхъ работъ XVIII вѣка. Этой коммиссіи, главнымъ образомъ, и будетъ посвящена предлагаемая глава. Но Екатерининской коммиссіи предшествовало нѣсколько слабыхъ и несистематическихъ попытокъ—привлечь общественныхъ представителей къ законодательной работѣ. Съ этихъ попытокъ я и начну [1]).

При Петрѣ Великомъ были образованы три законодательныхъ коммиссіи, но всѣ онѣ чуждались народнаго представительства. Только одинъ разъ, въ 1722 г., было принято намѣреніе усилить составъ комиссіи, хотя немногими, представителями общества: сенатъ предписалъ было призвать въ коммиссію „десять человѣкъ изъ офицеровъ и дворянъ". Конечно, обращеніе къ общественному содѣйствію въ такой формѣ и въ такомъ размѣрѣ не могло имѣть никакого значенія. Къ вопросу, кажется, и не относились серіозно. Вмѣсто дворянъ и офицеровъ въ коммиссію были вызваны городовые подьячіе, т. е. попросту былъ усиленъ составъ канцеляріи коммиссіи. Сенатъ самъ не настаивалъ на исполненіи своего указа и вскорѣ просто отмѣнилъ его.

Петровскія законодательныя коммиссіи не привели ни къ чему положительному, хотя Петръ строго назначалъ имъ сроки для непремѣннаго окончанія работы, да и сами коммиссіи считали свою задачу настолько легко разрѣшимою что отъ нихъ намъ остались два проекта манифеста, заготовленные ими для изданія новаго уло-

---

[1]) В. Н Латкинъ въ трудѣ своемъ «Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст.» подробно по архивнымъ даннымъ изложилъ исторію этихъ коммиссій. Къ сожалѣнію, трудъ г. Латкина остался не конченнымъ,—вышелъ только первый томъ.

женія; но манифесты эти остались необнародованными, такъ какъ и само уложеніе, которое должно было удовлетворить несомнѣннымъ потребностямъ народной жизни, не было составлено. Если рѣшительно высказанная воля Петра не могла быть осуществлена, это ужъ само по себѣ показывало неудовлетворительность способа, принятаго для ея осуществленія.

Преемники Петра получили въ наслѣдство начатое, но далеко не конченное, мало подвинутое впередъ дѣло законодательства. При Екатеринѣ I была опять сдѣлана слабая попытка воспользоваться общественными силами для законодательной работы: въ 1726 году по сенатскому доношенію было повелѣно „у сочиненія новаго уложенія быть духовнымъ, гражданскимъ, воинскимъ и изъ купечества по два человѣка, которыхъ выбрать: гражданскихъ и изъ купечества сенату, духовныхъ—синоду, воинскихъ—военной коллегіи“, а выбранные такимъ образомъ лица должны были еще быть представлены на утвержденіе въ верховный тайный совѣтъ. Это распоряженіе, такимъ образомъ, по своему значенію не далеко ушло отъ указаннаго выше распоряженія 1722 года.

Въ іюнѣ 1728 г., уже въ царствованіе Петра II, верховный тайный совѣтъ далъ сенату указъ о необходимости скорѣйшаго составленія новаго уложенія; объяснивъ весь ходъ предшествовавшихъ работъ въ этомъ направленіи, указъ предписываетъ „выслать къ Москвѣ изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ за выборомъ отъ шляхетства“; этимъ выборнымъ назначалось жалованіе по полтинѣ на день и оно выдавалось за полгода впередъ. Здѣсь мы видимъ, что къ законодательной коммиссіи призываются только офицеры и дворяне, но на этотъ разъ и число ихъ больше, и приглашаются они не по административному усмотрѣнію, а за выборомъ самого шляхетства. Хотя срокъ для явки выборнымъ назначенъ

на 1 сентября 1728 г., но только къ январю слѣдующаго года явились всѣ выборные дворяне и офицеры, въ числѣ 38. Выборы происходили медленно, съ нѣкоторыми недоразумѣніями, съ угрозами серьезной отвѣтственностью не являющимся депутатамъ и т. д. Очевидно, что дворянство не очень охотно шло на эти выборы; попадаются извѣстія о вмѣшательствѣ въ дѣло выборовъ со стороны администраціи. По имѣющимся извѣстіямъ нѣтъ основаній обвинять дворянство въ равнодушіи къ предоставленному ему праву участія въ законодательной работѣ; мы знаемъ, что черезъ два года то же шляхество въ очень значительныхъ группахъ проявило опредѣленныя политическія стремленія и претендовало на участіе въ законодательной власти. Въ данномъ случаѣ дворянство, надо думать, понимало несерьезность дѣла, зависимую роль избираемыхъ депутатовъ, не имѣвшихъ никакихъ опредѣленныхъ правъ въ законѣ передъ произволомъ правительства. Результатъ предпринятой мѣры вполнѣ оправдалъ сдержанное отношеніе шляхетства къ этимъ выборамъ. Послѣ того, какъ выборные съѣхались къ январю въ Москву, мы не знаемъ ничего объ ихъ участіи въ работѣ коммиссіи; извѣстно только, что верховный тайный совѣтъ потребовалъ себѣ полный списокъ пріѣхавшихъ депутатовъ и послѣ разсмотрѣнія его издалъ указъ, которымъ всѣ депутаты отпущены въ домы ихъ по прежнему, а вмѣсто того назначены новые выборы, но уже не свободные выборы шляхетства, а черезъ губернаторовъ, по соглашенію съ дворянами, причемъ на губернаторовъ возлагалась и самая отвѣтственность за то, что новые избранники будутъ къ тому дѣлу способные люди. Хотя въ обоихъ указахъ о выборахъ есть нѣкоторое различіе въ опредѣленіи свойствъ депутатовъ (въ 1728 г. требовались „люди добрые и знающіе", а въ 1729 г.—„люди знатные и добрые, которые-бъ къ тому дѣлу были достойны"), но это различіе все-таки не

объясняетъ намъ сути дѣла, и у насъ нѣтъ указаній на то, въ чемъ собственно была причина, заставившая верховный совѣтъ признать выборы 1728 г. неудачными и распустить депутатовъ; мы не знаемъ, что именно верховный совѣтъ хотѣлъ обезпечить при новыхъ выборахъ, отдавъ ихъ почти совершенно во власть губернаторовъ. Но что несомнѣнно, это—полный произволъ, съ какимъ правительство отнеслось къ выборнымъ; въ этомъ нельзя не видѣть совершенно ложной постановки дѣла, и тутъ-то и скрывалась, какъ кажется, причина сдержаннаго отношенія шляхетства къ выборамъ.

Но скоро правительство нѣсколько измѣнило постановку вопроса и рѣшило привлечь большее число общественныхъ представителей. По указу 1730 г., уже въ царствованіе Анны Іоанновны, признано, что сочиненіе новаго уложенія—важнѣйшая потребность страны, но что для выполненія этой задачи пока еще „ничего не сдѣлано", и для лучшаго веденія дѣла велѣно въ коммиссію выбрать добрыхъ и знающихъ людей изъ шляхества, духовныхъ и купечества, причемъ послѣднимъ двумъ категоріямъ участвовать не во всѣхъ дѣлахъ, а только въ тѣхъ, которыя ихъ прямо касаются. Такимъ образомъ, здѣсь, кромѣ шляхества, введены представители духовенства и купечества, хотя и съ ограниченными правами. Но этому расширенію не соотвѣтствовало распространеніе представительства въ глубину: по прежнему „выборъ" депутатовъ зависѣлъ отъ правительства, а не отъ населенія. Въ указѣ говорилось о томъ, что представители сословій приглашались по усмотрѣнію сената, а изъ другаго разъясняющаго указа мы узнаемъ, что въ составъ депутатовъ приглашались выборные по указу 1729 г., т. е. губернаторами, а гдѣ эти выборы еще не были произведены, тамъ произвести ихъ, опять приглашались именно губернаторы. Такимъ образомъ, порядокъ „выбора" не могъ внушить населенію особаго расположенія къ предлагаемому участію въ за-

конодательной коммиссіи, а неопредѣленность правъ по этому участію еще болѣе компрометировала все дѣло. Депутаты собирались очень медлено, неохотно, и опять въ 1730 г. послѣдовалъ указъ: пріѣхавшихъ депутатовъ распустить по домамъ, а кто еще не явился, тѣхъ не присылать.

Опять законодательная работа, уже тридцать лѣтъ признававшаяся настоятельно необходимой и крайне спѣшной, осталась въ рукахъ бюрократически составленной и бюрократически дѣйствующей коммиссіи. Такъ дѣло и продолжалось еще болѣе тридцати лѣтъ: законодательныя коммиссіи оживлялись или ослабѣвали, возобновлялись и пополнялись или прекращались; онѣ получали неоднократно строгія повелѣнія о скорѣйшемъ и немедленномъ окончаніи необходимаго труда, имъ порученнаго, а дѣло общей законодательной кодификаціи оставалось все въ томъ же положеніи: ничего или почти ничего не было сдѣлано. Наконецъ, въ 1761 г. состоялся указъ о новомъ призывѣ выборныхъ къ сочиненію уложенія. Указъ говоритъ о важности дѣла: „какъ оное сочиненіе уложенія для управленія всего государства гражданскихъ дѣлъ весьма нужно, слѣдственно, и всего общества трудъ въ совѣтахъ быть къ тому потребенъ, и потому всякаго сына отечества долгъ есть совѣтомъ и дѣломъ въ томъ помогать“; указъ взываетъ къ населенію не отказываться отнюдь отъ выборовъ въ коммиссію. Онъ назначаетъ по два человѣка, избираемыхъ шляхествомъ каждой провинціи, да по одному выборному отъ купцовъ. Губернаторамъ, воеводамъ, магистрату повелѣно къ тѣмъ выборамъ ни подъ какимъ видомъ не приступать и ничѣмъ не мѣшаться, подъ угрозой взысканія. Представители духовенства назначаются по усмотрѣнію синода. Избранные шляхествомъ депутаты признавались представителями не дворянства только, а всего населенія провинціи; поэтому было велѣно, чтобы расходы по поѣздкѣ выборныхъ въ

коммиссію покрывались сборомъ со всего населенія,—не только съ дворянъ, но и съ крестьянъ разнаго наименованія. Въ общемъ, это было представительство, все-таки болѣе широко поставленное, чѣмъ во всѣхъ предшествующихъ попыткахъ этого рода. Что могло бы выйти изъ этой новой попытки, неизвѣстно. Все-же весьма вѣроятно, что депутаты были бы поставлены въ условія крайне неблагопріятныя для работы. Но на дѣлѣ вышло такъ: выборы были произведены, депутаты съѣзжались въ Петербургъ, но въ это время Елизавета Петровна уже скончалась, на престолъ вступилъ Петръ III; депутаты, пріѣхавшіе для законодательной работы, были приглашены „печальною коммиссіей" участвовать въ торжественныхъ похоронахъ императрицы, а затѣмъ были распущены. Какъ кладъ какой-то, — содѣйствіе выборныхъ представителей не давалось законодательной коммиссіи. Послѣдняя опять осталась при своемъ бюрократическомъ составѣ и направленіи.

Въ такомъ видѣ вопросъ о составленіи новаго уложенія оставался и въ первые годы царствованія Екатерины II. Но въ концѣ 1766 г. послѣдовалъ манифестъ о новомъ созывѣ выборныхъ, и въ слѣдующемъ году собралась большая „коммиссія для сочиненія проекта новаго уложенія".

Екатерининская коммиссія имѣла важное значеніе въ общемъ ходѣ нашего законодательства въ XVIII вѣкѣ.

Созывъ этой коммиссіи стоялъ въ зависимости отъ цѣлаго ряда причинъ. Несомнѣнно, потребность въ подобномъ представительномъ собраніи не могла не чувствоваться, а безплодность бюрократическихъ пріемовъ въ области законодательства достаточно показала себя въ теченіе долгихъ десятилѣтій; вмѣстѣ съ тѣмъ предшествующія попытки привлечь общественныя силы къ законодательной работѣ отчасти уже подготовили почву для созыва представителей на болѣе широкихъ основаніяхъ. Екатерина выступила съ планомъ такого со-

зыва потому, что онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ тѣмъ идеямъ просвѣтительной философіи, открытой послѣдовательницей которыхъ она являлась въ то время. Созывъ депутатовъ всего народа, порученіе имъ дѣла законодательства, возвѣщеніе въ руководство имъ основныхъ принциповъ, выработанныхъ лучшими писателями просвѣщенія, — выдвигали Екатерину впередъ передъ глазами всей Европы, обезпечивали ей сочувствіе многочисленныхъ сторонниковъ новыхъ идей въ европейскомъ обществѣ, доставляли ей восхваленія со стороны знаменитыхъ философовъ. Эти восхваленія были въ высшей степени пріятны Екатеринѣ, какъ женщинѣ, но она въ своихъ отношеніяхъ къ свѣтиламъ западной мысли имѣла въ виду и прямо политическіе интересы, притомъ двойные—и для Россіи, для ея положенія въ международныхъ вопросахъ, и лично для самой Екатерины, которая укрѣплялась на захваченномъ ею престолѣ не только соотвѣтственными мѣрами внутри Россіи, но и созданіемъ для нея европейской общепризнанной славы.

Еще задолго до созванія коммиссіи депутатовъ Екатерина занялась составленіемъ „Наказа“ для нея, выразивъ въ немъ многія основныя положенія европейской просвѣтительной литературы. „Наказъ“ этотъ, изданный затѣмъ, при созваніи коммиссіи, на разныхъ иностранныхъ языкахъ, вызвалъ всеобщія и нерѣдко восторженныя похвалы въ честь коронованнаго автора. Екатерину превозносили вдвойнѣ: и какъ законодательницу, и какъ писательницу. Она не только заняла одно изъ первыхъ мѣстъ среди монарховъ Европы, но и пріобщилась къ самому сонму писателей, создававшихъ прогрессъ общества. Въ отношеніи впечатлѣній на Европу и въ отношеніи личной славы Екатерины, ея „Наказъ“ и предпріятіе ея съ коммиссіей имѣли полнѣйшій успѣхъ.

Историческая критика не можетъ повторять тѣхъ

восхваленій, какія „Наказъ“ вызывалъ среди современниковъ. Екатерина по собственному сознанію „обобрала президента Монтескье“ для своего „Наказа“ и извиняла этотъ плагіатъ благомъ многихъ милліоновъ, которое должно изъ того произойти. Кромѣ Монтескье, „Наказъ“ обобралъ также Беккаріа. И это, конечно, не было бы большой виной Екатерины, еслибы она была грѣшна только въ заимствованіяхъ. Но дѣло въ томъ, что „Наказъ“ является часто неточнымъ и непродуманнымъ повтореніемъ чужихъ мыслей: тутъ не видно ни хорошаго, полнаго усвоенія излагаемыхъ положеній, ни убѣжденной, дѣйствительной преданности этимъ положеніямъ; изложеніе заимствованныхъ мыслей страдаетъ сбивчивостью, непослѣдовательностью. Но эти очень крупные недостатки „Наказа“ не уничтожаютъ его важнаго историческаго значенія: въ немъ съ высоты престола, высказаны были такія начала, которыя долго не имѣли у насъ другого такого полнаго признанія и изложенія. Эти начала большею частью не вошли въ наше дѣйствующее право XVIII вѣка, но тѣмъ не менѣе ихъ авторитетное провозглашеніе имѣло несомнѣнное вліяніе на нашу юридическую мысль и на законодательство.

Возвращаюсь къ коммиссіи, для которой Екатерина составляла свой „Наказъ“. Остановимся прежде всего на составѣ коммиссіи. Составъ этотъ распадался на двѣ части: въ нее входили представители учрежденій и выборные представители населенія на равныхъ правахъ и для совмѣстнаго сужденія дѣлъ. Выборные представители составляли большинство. Депутаты избирались отъ разныхъ сословій отдѣльно: отъ дворянства по одному депутату отъ каждаго уѣзда; отъ каждаго города по одному депутату; отъ однодворцевъ по депутату отъ каждой провинціи; отъ пахотныхъ солдатъ и отъ разныхъ службъ служилыхъ людей по одному депутату отъ каждой провинціи; отъ черносошныхъ и ясачныхъ крестьянъ по одному депутату изъ каждой провинціи;

отъ инородцевъ по одному депутату отъ провинціи; отъ казацкихъ войскъ потребное число депутатовъ. Депутаты должны быть не менѣе 25 лѣтняго возраста; имъ назначается жалованіе: дворянскимъ депутатамъ по 400 р. въ годъ, городовымъ депутатамъ по 122 р., прочимъ же всѣмъ по 37 рублей. Депутатамъ предоставляются особыя льготы: они навсегда освобождаются отъ смертной казни, отъ пытокъ и отъ тѣлеснаго наказанія; приговоры объ ихъ преступленіяхъ должны докладываться ея величеству; за нападеніе на депутата, пока сочиняется уложеніе, за побои, грабежъ и пр. полагается наказаніе вдвое. Имѣнія депутатовъ не могутъ быть конфискованы; депутатамъ дается особый грудной значекъ. Всякій избранный депутатъ могъ передать свои полномочія другому лицу, которое бы подходило только по своимъ условіямъ.

Самый порядокъ выборовъ былъ подробно установленъ; его особенностью было то, что дворяне прежде всего выбирали предводителя, который потомъ руководилъ выборомъ депутата, а въ городахъ избирался городской голова, который опять велъ дальнѣйшіе выборы. Такимъ образомъ, здѣсь лежитъ начало тѣхъ дворянскихъ и городскихъ выборовъ, которые потомъ были окончательно установлены дворянскою грамотою и грамотой городовъ. Выборы дворянскіе и городскіе были прямые, а выборы остальныхъ депутатовъ—многостепенные: сперва избирался погостный (приходскій) повѣренный, потомъ погостные повѣренные собирались, и избирали уѣзднаго повѣреннаго; уѣздные повѣренные съѣзжались и выбирали депутата отъ провинціи. Цензовыя условія выборовъ опредѣлялись такъ: „выбирать дворянскаго депутата можетъ всякій дворянинъ, дѣйствительно владѣющій своимъ имѣніемъ въ томъ уѣздѣ“; „выбирать городского депутата можетъ всякій хозяинъ, дѣйствительно домъ или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, и промыселъ въ томъ городѣ имѣющій“; „выбирать по-

гостнаго повѣреннаго можетъ всякій, дѣйствительно домъ и землю въ томъ погостѣ имѣющій". Пассивное избирательное право опредѣлялось такъ: дворянскій депутатъ долженъ дѣйствительно владѣть имѣніемъ въ томъ уѣздѣ, не состоять въ штрафахъ и подозрѣніяхъ, и явныхъ порокахъ не бывалый, честнаго и незазорнаго поведенія, служащій или не служащій, какого бы онъ званія и чина ни былъ. Городской депутатъ долженъ имѣть дѣйствительно тотъ цензъ, какой полагается для городского избирателя, не бывалый въ банкротствѣ, въ подозрѣніяхъ, штрафахъ, порокахъ, доброй совѣсти и незазорнаго поведенія. Подобныя же условія соблюдались и для погостныхъ повѣренныхъ, но они, кромѣ того, должны быть женаты и имѣющіе дѣтей, должны быть въ возрастѣ не ниже 30 лѣтъ.

Относительно городскихъ выборовъ наиболѣе распространенное среди изслѣдователей мнѣніе, что они были сословными; по мнѣ представляется безусловно правильнымъ взглядъ, высказанный покойнымъ профессоромъ И. И. Дитятинымъ: городскіе выборы были безсословные,—въ нихъ могли принимать участіе всѣ домовладѣльцы, безъ различія сословій. Если это такъ, то мы можемъ пойдти въ этомъ направленіи и дальше, признать, что вообще выборы въ Екатерининскую коммиссію были распредѣлены не по сословіямъ, а скорѣе по интересамъ. Ни въ представительствѣ казаковъ, ни въ представительствѣ инородцевъ сословнаго начала не было, хотя извѣстныя сословныя различія существовали и въ казацкомъ войскѣ, и среди инородцевъ.

Представительство отъ дворянъ и городовъ было полнѣе и шире, чѣмъ отъ другихъ группъ; дворяне выбирали по депутату отъ уѣзда, горожане по депутату отъ всякаго города, тогда какъ остальные депутаты исчислялись на провинцію. Послѣ производства выборовъ въ коммиссіи оказались выбранными 536 депутатовъ, изъ нихъ 161 отъ дворянъ, 208 отъ городовъ,

54 отъ казаковъ, 79 отъ крестьянъ и 34 отъ инородцевъ; кромѣ того, было 28 депутатовъ отъ правительственныхъ учрежденій.

Выборы въ Екатерининскую коммиссію, въ общемъ, прошли съ большимъ оживленіемъ. Ихъ нельзя и сравнивать съ тѣми выборами, подневольными и несамостоятельными, какіе раньше производились, какъ мы видѣли, въ другія законодательныя коммиссіи. Населеніе отнеслось къ выборамъ сознательно и съ интересомъ. Почти не было случаевъ уклоненія отъ выборовъ, а были, напротивъ, случаи, когда избиратели просили объ увеличеніи числа депутатовъ или просто выбирали больше депутатовъ, чѣмъ имъ полагалось.

Слѣдить подробно за исторіей Екатерининской коммиссіи, за ходомъ ея работъ мы здѣсь не будемъ и остановимся только на общемъ вопросѣ о значеніи этихъ работъ и на причинахъ общаго неуспѣха коммиссіи, которая не лучше, чѣмъ ея бюрократическія предшественницы, не довела дѣла до конца и не составила новаго Уложенія.

Этотъ конечный неуспѣхъ Екатерининской коммиссіи, а затѣмъ отдѣльные эпизоды въ ея работахъ вызвали противъ нея строгое осужденіе, и преданіе, а затѣмъ и литературные отзывы были неблагопріятны для коммиссіи. И здѣсь опять имѣли свое вліяніе тѣ цензурныя мѣры, которыя отражались вообще такъ сильно на направленіи нашихъ историческихъ знаній, на распространеніи и поддержаніи въ сознаніи нашего общества историческихъ оцѣнокъ извѣстнаго рода.

Многочисленные подлинные документы о дѣятельности Екатерининской коммиссіи, изданные въ сборникѣ русскаго историческаго общества, протоколы засѣданій коммиссіи и подкомисій, подлинныя мнѣнія отдѣльныхъ депутатовъ, наказы, которыми избиратели снабжали депутатовъ, все это даетъ возможность подробно судить о суммѣ требованій и свѣдѣній, которыя предъявлялись

депутатами. И общая оцѣнка дѣла оказывается вполнѣ благопріятною.

Хулители коммиссіи любили указывать на господство среди нея сословныхъ интересовъ, на то, что сословія, не имѣвшія права владѣть крѣпостными, потребовали этого права, и т. п. Невозможно отрицать, что сословные, исключительные интересы являлись въ коммиссіи съ очень опредѣленными заявленіями. Иначе и быть не могло уже по самому порядку выборовъ и представительства въ коммиссіи. Да и помимо того, народное представительство не можетъ не выводить наружу борющихся въ странѣ интересовъ и не приводить ихъ къ выясненію. Но эту сторону дѣла въ Екатерининской коммиссіи не слѣдуетъ преувеличивать. Мы видимъ, что и въ наказахъ, а тѣмъ болѣе въ самихъ преніяхъ, въ отзывахъ депутатовъ достаточно выдвигались общіе, несословные интересы и пожеланія. Въ частности, факту заявленія притязаній на право владѣть крѣпостными должно быть противопоставлено то гораздо болѣе важное явленіе, что въ коммиссіи былъ открыто поставленъ вопросъ объ ограниченіи крѣпостного права, или тотъ фактъ, что коммиссія много вниманія посвящала интересамъ крестьянскаго сословія и подходила къ защитѣ и обезпеченію этихъ интересовъ съ разныхъ сторонъ, такъ какъ, по выраженію псковскаго дворянскаго наказа, „къ чему приступить не вознамѣримся, во всемъ находимъ земледѣльцевъ и всегдашнихъ трудниковъ разореніе и тягость“.

Депутаты, присланные населеніемъ въ законодательную коммиссію, оказались вполнѣ вооруженными, вполнѣ обладавшими всѣми необходимыми свѣдѣніями и данными. И надо прибавить, что среди депутатовъ оказалось немало лицъ, выдававшихся своими способностями и силою, искренностью своихъ убѣжденій, своимъ серьезнымъ, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Важное значеніе работы, произведенной депутатами,

косвенно подтверждается и тѣмъ, что сама Екатерина впослѣдствіи съ благодарностью вспоминала о свѣдѣніяхъ, полученныхъ ею черезъ депутатовъ, и екатерининское законодательство, несомнѣнно, во многомъ слѣдовало указаніямъ коммиссіи. Такимъ образомъ, коммиссія, даже не достигнувъ своей конечной цѣли, не давъ новаго уложенія, оказала сильное и важное вліяніе на наше законодательство.

Но не сама коммиссія, не депутаты были виноваты въ томъ, что основная цѣль ихъ не была достигнута. По своему составу, по способностямъ и свѣдѣніямъ депутатовъ, коммиссія вовсе не была ниже поставленной ей задачи. Задача не была разрѣшена окончательно вслѣдствіе тѣхъ условій, въ которыя была поставлена коммиссія; коммиссія не имѣла успѣха въ главномъ своемъ дѣлѣ не по внутреннимъ, а по внѣшнимъ причинамъ.

Въ литературѣ держится и часто повторяется авторитетное мнѣніе проф. Сергѣевича, видѣвшаго причину неудачи коммиссіи въ личности ея предсѣдателя, А. И. Бибикова, въ его неподготовленности, въ неумѣніи его вести дѣло. Съ одной стороны, нападки, направленныя противъ личности Бибикова, могутъ показаться нѣсколько преувеличенными, а съ другой,—невозможно, кажется, допустить, чтобы такое дѣло, какъ направленіе и ходъ важной законодательной работы коммиссіи, зависѣло отъ личной неспособности ея маршала. Несомнѣнно, неспособный предсѣдатель можетъ оказать вредное вліяніе на ходъ работъ общественнаго собранія, но это собраніе не есть такое слабое, бюрократически связанное учрежденіе, какъ какая-нибудь бюрократическая коммиссія, и оно всегда сумѣло бы поставить своего предсѣдателя въ надлежащія рамки.

Было бы несправедливою оцѣнкою для самой коммиссіи, если-бы причину ея неудачи видѣть въ личности ея маршала. У коммиссіи былъ другой врагъ, болѣе могущественный, чѣмъ Бибиковъ, и послѣдній

былъ только орудіемъ въ рукахъ ея главнаго врага. А этимъ главнымъ врагомъ былъ никто иной, какъ сама Екатерина.

Пушкинъ называетъ Екатерининскую коммиссію— „фарсой депутатовъ“. И это опредѣленіе вѣрно передаетъ отношеніе къ дѣлу Екатерины. Поклонница просвѣтительной философіи издала свой „Наказъ“, созвала народныхъ представителей, но она вовсе не желала, чтобы эти представители получили особый авторитетъ, стѣснили, ограничили ея власть. И въ этомъ смыслѣ коммиссія депутатовъ дѣйствительно можетъ быть названа „фарсой“. При оцѣнкѣ постановки дѣла съ самаго начала въ отдѣльныхъ подробностяхъ и въ разныхъ мелочахъ можно замѣтить недовѣріе Екатерины къ народнымъ представителямъ, недовѣріе не къ ихъ опытности, не ихъ знаніямъ и добросовѣстности, а ревнивое недовѣріе къ ихъ авторитету, къ ихъ возможнымъ притязаніямъ и требованіямъ. И если впослѣдствіи все дѣло коммиссіи постоянно велось Бибиковымъ въ такихъ условіяхъ, что работа депутатовъ затрачивалась непроизводительно, а результаты ея оставались неопредѣленными, то это зависѣло не отъ неспособности Бибикова, а напротивъ, отъ его способности и умѣнія приноравливаться къ условіямъ, къ истиннымъ желаніямъ и видамъ Екатерины. Если иногда кажется, что Бибиковъ какъ бы не понималъ прямыхъ, открыто высказанныхъ распоряженій Екатерины, то можемъ ли мы допустить, что Екатерина терпѣла бы у себя на глазахъ такое вредное искаженіе ея мыслей, ея требованій? Развѣ она не сумѣла бы или поставить Бибикова на должный путь, или прямо подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ устранить его? Представляется несомнѣннымъ, что Екатерина не оставила бы при важномъ дѣлѣ человѣка, который по своей неспособности портитъ это дѣло на глазахъ у нея, ослушиваясь ея распоряженій, нарушая ея повелѣнія,—и то, что она оставила

Бибикова при коммиссіи, прямо показываетъ, что онъ вовсе не шелъ противъ Екатерины, что его дѣйствія не были непріятны императрицѣ, а напротивъ, были согласны съ ея видами и, вѣроятно, ею же и внушались. Будь у насъ за тѣ годы такой памятникъ, какъ писанныя двадцать лѣтъ позднѣе записки Храповицкаго, мы, вѣроятно, могли бы болѣе опредѣленно судить о закулисной сторонѣ „фарсы", которую разыгрывала Екатерина. Но и теперь такая оцѣнка отношеній Екатерины къ коммиссіи депутатовъ имѣетъ подтвержденіе въ дошедшихъ до насъ преданіяхъ.

Депутаты были созваны въ 1757 г., засѣдали сначала въ Москвѣ, потомъ коммиссія была переведена въ Петербургъ, а въ срединѣ 1768 г. она была распущена въ виду войны съ Турціей,—впредь до созыва. Но созыва этого такъ и не послѣдовало. При распущеніи коммиссіи оставлены были ея подкоммиссіи или, какъ онѣ назывались, частныя подкоммиссіи, которыя работали еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, были, конечно, полезны для законодательства, но самостоятельнаго значенія не имѣли.

Исторія Екатерининской коммиссіи во многихъ отношеніяхъ крайне поучительна. Мы видимъ, что около ста сорока лѣтъ тому назадъ было сдѣлано обращеніе къ населенію, были призваны выборные представители народа. Система выборовъ по тому времени была довольно удачная, представительство было довольно полное, населеніе отнеслось къ такому призыву вполнѣ серьезно, и посланные имъ депутаты оказались вполнѣ на высотѣ своей задачи, явились дѣйствительными выразителями нуждъ и потребностей страны.

Это съ одной стороны. Съ другой стороны, не менѣе поучительно и слѣдующее. Былъ сдѣланъ призывъ къ народу, были созваны его представители, и они явились способными и готовыми поработать на благо народа. Но изъ ихъ работы почти ничего не вышло, поставленная

имъ главная цѣль не была достигнута. Отчего это? Отъ общей неправильной постановки дѣла, отъ преднамѣреннаго и усиленнаго навязыванія депутатамъ только совѣщательнаго значенія, отъ непредоставленія собранію представителей никакихъ опредѣленныхъ правъ, отъ боязни правительства, какъ бы они не получили авторитета и значенія, необходимаго и должнаго имъ по существу. Депутаты были созваны безъ всякихъ правъ и были распущены изъ опасенія, чтобы они не получили этихъ правъ фактически. Вмѣсто опредѣленныхъ правовыхъ началъ въ основу дѣятельности народныхъ представителей былъ положенъ произволъ, усмотрѣніе свыше,—и изъ коммиссіи ничего не вышло.

Повторяю, исторія Екатерининской коммиссіи очень поучительна.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Конституціонные проекты гр. Н. И. Панина.

Законодательныя коммиссіи XVIII вѣка выражали собою попытки правительства обратиться за содѣйствіемъ къ общественнымъ силамъ, къ представителямъ населенія. Мы видѣли, что главная изъ этихъ попытокъ, въ своихъ основахъ поставленная дѣйствительно серьезно,—созывъ депутатовъ въ екатерининскую коммиссію,—не удалась по недовѣрію со стороны правительства къ представителямъ народа: коммиссія была распущена временно по случаю войны и вновь уже не была созвана.

Но, понятно, эти попытки, вообще чрезвычайно слабыя и неполныя, въ концѣ-концовъ, ни къ чему не приведшія, не могли дать выходъ стремленіямъ къ перемѣнѣ государственнаго строя. Эти стремленія, ясно сказавшіяся въ 1730 г., не могли быть загашены ужасами бироновщины, какъ и вообще, правительственные порядки даже менѣе рѣзкихъ эпохъ не были въ состояніи внести успокоеніе и удовлетвореніе въ общество. Совершенно понятно, что указанныя общественныя стремленія получали болѣе опредѣленное выраженіе при нерѣдкихъ въ томъ вѣкѣ насильственныхъ переходахъ власти изъ однѣхъ рукъ въ другія, или же при составленіи плановъ такого перехода.

Наиболѣе крупными и разработанными конституціонными проектами этой эпохи надо признать проекты Волынскаго и гр. Н. И. Панина.

Артемій Петровичъ Волынскій началъ свою дѣятельность при Петрѣ Великомъ и при своихъ способностяхъ

и знаніяхъ пріобрѣлъ одно время большое довѣріе и расположеніе императора. Но Волынскій допустилъ въ исполненіи своей должности крупныя злоупотребленія, такъ что Петръ поучилъ его своей дубинкой, и Волынскій потерялъ довѣріе: быстрое возвышеніе Волынскаго остановилось. Позднѣе, послѣ кончины Петра, онъ опять вошелъ въ связи съ вліятельными людьми и сумѣлъ среди боровшихся партійныхъ отношеній занять самостоятельное положеніе. Онъ былъ назначенъ кабинетъ-министромъ при Аннѣ Іоанновнѣ. Биронъ думалъ найти въ немъ орудіе противъ Остермана, но новый кабинетъ-министръ повелъ свою политику и выступилъ съ опредѣленными мѣрами противъ нѣмцевъ, которые владѣли тогда всею правительственною властью.

Умный и образованный человѣкъ, Волынскій не могъ спокойно относиться къ состоянію отечества и не могъ не задумываться надъ реформами въ его строѣ. По своимъ личнымъ связямъ онъ былъ близокъ къ шляхетскимъ партіямъ 1730 г., выступавшимъ съ проектами ограниченія самодержавія. Онъ былъ проникнутъ тѣми же идеями и подумывалъ о проведеніи ихъ въ жизнь, что онъ соединялъ съ планомъ устраненія нѣмцевъ отъ власти.

Свои общіе политическіе взгляды и свои соображенія о необходимыхъ для благоустройства Россіи мѣрахъ Волынскій изложилъ въ „Генеральномъ проектѣ", который, къ сожалѣнію, до насъ не дошелъ, и мы знаемъ о немъ, главнымъ образомъ, на основаніи показаній, данныхъ въ тайной канцеляріи, когда разслѣдовалось дѣло Волынскаго. Генеральный проектъ носилъ явные слѣды шведскаго и польскаго вліянія и былъ во многомъ близокъ къ шляхетскому проекту Татищева 1730 года. Сочиненіе Волынскаго пользовалось большимъ авторитетомъ среди „конфидентовъ" кабинетъ-министра, и одинъ изъ нихъ заявилъ, что „эта книга будетъ лучше Телемаковой". Не вхожу въ подробности о дѣлѣ Волынскаго, такъ какъ оно стояло въ зависимости не столько

отъ общихъ политическихъ плановъ его, сколько отъ его прямой оппозиціи противъ нѣмцевъ, владѣвшихъ правительствомъ, противъ всемогущаго Бирона, и около этого дѣла перепутывалась цѣлая сѣть сложныхъ интригъ на личныхъ отношеніяхъ.

Шведское вліяніе было очень сильно въ Россіи въ первую половину XVIII столѣтія: Петръ Великій заимствовалъ изъ Швеціи очень многое въ свои учрежденія, взялъ оттуда коллегіальное устройство управленія. Подъ шведскимъ вліяніемъ стояли и планы по ограниченію самодержавія: проекты верховниковъ и шляхетскіе проекты 1730 г., „генеральное разсужденіе" Волынскаго; подъ тѣмъ же вліяніемъ слагались вообще политическія убѣжденія Н. И. Панина, и оно получило выраженіе въ его конституціонномъ проектѣ.

Никита Ивановичъ Панинъ (впослѣдствіи графъ) послѣ непродолжительной военной службы еще молодымъ человѣкомъ перешелъ на дипломатическое поприще, былъ посланникомъ сначала въ Копенгагенѣ, потомъ въ Стокгольмѣ, гдѣ и пробылъ 12 лѣтъ и гдѣ онъ и сжился съ формами и порядками шведской конституціи. Въ 1760 г. Панинъ былъ неожиданно для себя вызванъ въ Петербургъ и назначенъ воспитателемъ малолѣтняго великаго князя Павла Петровича. Это назначеніе создало совершенно исключительное положеніе для Панина, такъ какъ съ его воспитанникомъ были связаны всѣ династическіе интересы, и воспитатель наслѣдника престола не только въ будущемъ могъ разсчитывать на посредственное и непосредственное вліяніе на дѣла, но и теперь съ самаго начала получалъ особое значеніе. Когда послѣ захвата престола Екатериной отношенія послѣдней къ сыну, въ которомъ видѣли законнаго наслѣдника престола, стали особенно щекотливыми, и вліяніе Панина усилилось, Екатерина не могла удалить Панина, такъ какъ въ немъ приверженцы Павла видѣли защиту и безопасность для

великаго князя, и Панинъ продержался на своемъ посту, принимая участіе въ веденіи государственныхъ дѣлъ, хотя онъ былъ извѣстный сторонникъ правъ Павла на престолъ, хотя онъ выступалъ съ очень непріятными для Екатерины планами, являлся ей иногда прямо враждебнымъ, и Екатерина ненавидѣла его и его брата, знаменитаго ген. Петра Панина.

Особое положеніе, занятое Н. И. Панинымъ, давало ему возможность держать себя вполнѣ самостоятельно, и мы видимъ, что онъ не разъ энергично выдвигаетъ впередъ основное начало своихъ политическихъ взглядовъ: необходимость ограничить самодержавіе установленіемъ опредѣленныхъ учрежденій.

Существуетъ извѣстіе, что съ проектомъ подобнаго рода Панинъ выступалъ при переворотѣ, который доставилъ престолъ Екатеринѣ. Рюльеръ въ „Исторіи русской революціи 1762 г.“ разсказываетъ: „Н. И. Панинъ и кн. Дашкова редактировали условія, по которымъ русскіе вельможи, отстраняя Петра III, могли бы передать престолъ его супругѣ посредствомъ формальнаго избранія съ ограниченіемъ ея власти“. По словамъ Рюльера, эта надежда на ограниченіе императорской власти привлекала много сторонниковъ переворота, и такое настроеніе вполнѣ понятно, если припомнить тѣ опасенія, какія вызывались дѣйствіями Петра III. Кн. Дашкова написала замѣчанія на книгу Рюльера, но это мѣсто его разсказа она оставила безъ возраженія и, наоборотъ, въ ея запискахъ мы находимъ косвенное подтвержденіе разсказа Рюльера. По словамъ кн. Дашковой, когда она заговорила съ Панинымъ о необходимости перемѣны на престолѣ, тотъ, соглашаясь съ нею, прибавилъ, что недурно было бы также установить правительственную форму на началахъ шведской монархіи. Быть можетъ, именно отраженіе этихъ настроеній и плановъ, предшествовавшихъ перевороту, сказалось въ манифестѣ Екатерины, въ которомъ было

обѣщано: „узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло“.

Такъ какъ самый переворотъ совершился безъ формальныхъ обязательствъ со стороны Екатерины, то Панину надо было дѣйствовать постепенно, и вотъ, уже въ августѣ 1762 г. онъ представилъ Екатеринѣ, по ея просьбѣ, проектъ о реформѣ верховнаго правительства. Это не былъ полный проектъ конституціи въ собственномъ смыслѣ слова, но здѣсь все-таки были уже выражены основные политическіе взгляды Панина.

Указавъ на страшный безпорядокъ и злоупотребленія въ дѣлахъ, на то, что вся власть находится въ рукахъ лицъ, избранныхъ для того не по достоинству, способностямъ и познаніямъ, а по своему происхожденію, по случайному фавору, онъ такъ характеризуетъ положеніе дѣлъ, говоря, конечно, въ прошедшемъ времени, разумѣя непосредственно царствованіе императрицы Елизаветы: „Прихоть была единственнымъ правиломъ, по которому дѣла къ производству были избираемы. Да инако и быть невозможно тутъ, гдѣ въ верховномъ государевѣ мѣстѣ части государственныя безъ раздѣленія, никому особливо не поручены“. Онъ спрашиваетъ далѣе: „Можетъ ли партикулярный хозяинъ управить своимъ домомъ, когда онъ добрымъ раздѣленіемъ своего домоводства не уготовитъ прежде порядокъ, и кáкъ искусный фабрикантъ учредитъ свою фабрику, если мастеровъ не по познанію, но по любви къ нимъ будетъ распоряжать по станамъ разныхъ работъ? Нашъ сапожный мастеръ не мѣшаетъ подмастерью съ работникомъ и нанимаетъ каждаго къ своему знанію. А мнѣ, напротивъ того, случалося слышать у престола государева отъ людей, его окружающихъ, пословицу льстивую за штатское правило: была бы милость, всякова на все станетъ“. По отзыву Панина, у насъ „въ

производствѣ дѣлъ всегда дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ, и недоставало такихъ начальныхъ основаній правительства", которыя бы его форму твердо сохранить могли. Несомнѣнно, что „изъ власти законоданія и самодержавной само собой заключается, что главное истинное и общее о всемъ государствѣ попеченіе замыкается въ персонѣ государевой. Онъ же никакъ однако ее въ полезное дѣйствіе произвести не можетъ, какъ разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ". По мнѣнію Панина, „необходимо установить формою государственное верховное мѣсто лежисляціи или законоданія, изъ котораго, яко отъ единаго государя и изъ единаго мѣста, истекать будетъ собственное монаршее изволеніе оживотворяющее, и которое оградитъ самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оной". Для достиженія означенной цѣли Панинъ проектируетъ учрежденіе особаго императорскаго совѣта, который бы и представлялъ собой твердое учрежденіе государственное, обезпечивающее, что дѣло управленія идетъ не „изволеніемъ лицъ, а властью мѣстъ государственныхъ" Безъ вѣдома и подписи совѣта не долженъ былъ уже обнародоваться ни одинъ актъ монаршей воли, причемъ сенату должно было быть предоставлено право „представлять на высочайшія повелѣнія, ежели они въ исполненіи своемъ могутъ утѣснить наши государственные законы или народа нашего благосостояніе".

Въ общемъ, это была попытка „утвержденія правительства на твердыхъ и непремѣнныхъ основаніяхъ закона". Мы видимъ, что въ проектѣ Панина ставятся и рѣшаются тѣ же вопросы, которые и позднѣе ставились Сперанскимъ, которые и теперь выдвигаются у насъ на очередь въ правительственныхъ сферахъ: какъ дать самостоятельность сенату, какъ избавиться отъ „скрытыхъ похитителей самодержавной власти"... Въ общемъ

планѣ Панина его проектъ императорскаго совѣта былъ только первымъ шагомъ къ введенію конституціи на основаніяхъ, подобныхъ шведской констуціи. Такъ понимали дѣло и лица, за совѣтомъ къ которымъ обратилась Екатерина; такъ понимала, конечно, дѣло и Екатерина. Она сама поручила Панину составить его проектъ, стоявшій въ связи съ ея обѣщаніемъ въ манифестѣ, въ связи съ упомянутыми выше условіями. Екатерина, однако, не считала нужнымъ на дѣлѣ осуществлять свои обѣщанія. Проектъ Панина остался безъ исполненія.

Но Панинъ не оставлялъ своихъ плановъ, до конца оставался вѣренъ своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Въ запискахъ М. А. Фонвизина передается интересный разсказъ о конституціонной попыткѣ Панина около 1774 г. „Объ этомъ обстоятельствѣ,—говоритъ Фонвизинъ,—слышалъ я отъ современниковъ, которымъ оно могло быть извѣстно со всѣми подробностями“. Панину, приверженцу шведскихъ порядковъ, хотѣлось ограничить самовластіе твердыми аристократическими институціями. Съ этою цѣлью Панинъ предлагалъ установить политическую свободу сначала для одного дворянства въ учрежденіи верховнаго сената, котораго часть несмѣняемыхъ членовъ назначалась бы отъ короны, а большинство состояло бы изъ избранныхъ дворянствомъ изъ своего сословія лицъ. Синодъ также бы входилъ въ составъ общаго собранія сената. Подъ нимъ въ іерархической постепенности были бы дворянскія собранія, губернскія и областныя или уѣздныя, которымъ бы предоставлялось право совѣщаться объ общественныхъ интересахъ и мѣстныхъ нуждахъ, представлять объ нихъ сенату и предлагать ему новые законы. Выборъ какъ сенаторовъ, такъ и всѣхъ чиновниковъ мѣстной администраціи, производился бы въ этихъ же собраніяхъ. Сенатъ былъ бы облеченъ полною законодательною властью, а императору оставалась бы власть исполни-

тельная, съ правомъ утверждать обсужденные и принятые сенатомъ законы и обнародывать ихъ. Въ конституціи упоминалось и о необходимости постепеннаго освобожденія крестьянъ и дворовыхъ людей. Проектъ былъ написанъ Д. И. Фонвизинымъ подъ руководствомъ гр. Панина. У меня былъ списокъ съ введенія или предисловія къ этому акту, родъ considérant, которое, сколько припомню, начиналось такъ: „Верховная власть ввѣряется государю для единаго блага его подданныхъ. Сію истину тираны знаютъ, / и добрые люди чувствуютъ. Просвѣщенный ясностью сей мысли истины и великими качествами души одаренный монархъ, принявъ бразды правленія, тотчасъ почувствуетъ, что власть дѣлать зло есть несовершенство, и что прямое самовластіе тогда только вступаетъ въ истинное величіе, когда само у себя отъемлетъ власть и возможность къ содѣланію какого-либо зла“ и т. д. За этимъ,—пишетъ Фонвизинъ,— слѣдовала политическая картина Россіи и объясненіе всѣхъ золъ, которыя она терпитъ отъ существующаго строя.

Какъ сказано, этотъ проектъ конституціи относится къ 1774 г., когда императоръ Павелъ достигъ совершеннолѣтія и женился на дармштадтской принцессѣ, названной Наталіей Алексѣевной. „Графъ Н. И. Панинъ, братъ его генералъ Панинъ П. И., кн. К. Р. Дашкова, кн. Н. В. Репнинъ, кто-то изъ архіереевъ и многіе изъ тогдашнихъ вельможъ и гвардейскихъ офицеровъ вступили въ заговоръ съ цѣлью свергнуть съ престола царствующую безъ права Екатерину II и вмѣсто нея возвести совершеннолѣтняго ея сына. Павелъ Петровичъ зналъ объ этомъ, согласился принять представленную Панинымъ конституцію, утвердилъ ее своею подписью и далъ присягу въ томъ, что, воцарившись, не нарушитъ этого коренного закона, ограничивающаго самодержавіе. Душой заговора была супруга Павла, великая княгиня Наталія Алексѣевна“. Одинъ изъ заговорщи-

ковъ открылъ весь замыселъ Екатеринѣ, которая потребовала къ себѣ Павла Петровича и жестоко упрекала его. Павелъ Петровичъ испугался и принесъ матери списокъ заговорщиковъ, а Екатерина бросила его въ огонь, не читая: она знала ихъ всѣхъ по сообщенію доносчика. По этому дѣлу наиболѣе пострадала только великая княгиня Наталья Алексѣевна, противъ которой Екатерина была съ тѣхъ поръ рѣшительно возстановлена. Новый замыселъ Панина къ ограниченію самодержавія совершенно не удался.

Фонвизинъ даетъ такую характеристику общихъ взглядовъ гр. Н. И. Панина, при которомъ онъ служилъ и съ которымъ онъ былъ очень близокъ. „Гнушался онъ въ душѣ своей поведенія тѣхъ, которые по своимъ видамъ, невѣжеству и рабству составляли государственный секретъ изъ того, что въ части благоустроенной должно быть извѣстно всѣмъ и каждому, какъ-то: количество доходовъ, причина налоговъ и пр. Не могъ онъ терпѣть, чтобы по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ учреждались самовластіемъ частныя коммиссіи, помимо судебныхъ мѣстъ, установленныхъ защищать невинность и наказывать преступленіе. Съ содраганіемъ слушалъ онъ о всемъ томъ, что могло нарушить порядокъ государства: пойдетъ ли кто съ докладомъ къ государю о такомъ дѣлѣ, которое должно быть прежде разсмотрѣно во всѣхъ частяхъ сенатомъ; примѣтитъ ли противорѣчіе въ сегодняшнемъ постановленіи противъ вчерашняго; услышитъ ли онъ о безмолвномъ временщикамъ повиновеніи тѣхъ, которые по званію обязаны защищать истину животомъ своимъ,— словомъ, всякій подвигъ презрительной корысти или пристрастія, всякій обманъ, обольщающій очи государя или публики, всякое низкое дѣйствіе душъ, заматерѣвшихъ въ робости стариннаго рабства и возведенныхъ слѣпымъ счастьемъ на знаменитыя ступени, приводили въ трепетъ добродѣтельную его душу“. Гр. Н. И. Па-

нинъ самъ выразилъ свои общіе взгляды на государственную власть въ слѣдующихъ строкахъ: „Верховная власть ввѣряется государю для единаго блага его подданныхъ... Государь, подобіе Бога, преемникъ на землѣ высшей его власти, не можетъ равнымъ образомъ ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, какъ постановя въ государствѣ своемъ правила непреложныя, основанныя на благѣ общества, и которыхъ не могъ бы нарушить самъ, не переставъ быть достойнымъ государемъ. Безъ сихъ правилъ или, точнѣе объясниться, безъ непремѣнныхъ государственныхъ законовъ непрочно ни состояніе государства, ни состояніе государя... Онъ долженъ знать, что нація, жертвуя частью естественной своей вольности, вручила свое благо его попеченію, его правосудію, его достоинству, что онъ отвѣчаетъ за поведеніе тѣхъ, кому вручаетъ дѣло управленія, и что, слѣдственно, ихъ преступленія, имъ терпимыя, становятся его преступленіями“...

Личность и дѣятельность гр. Никиты Ивановича Панина даютъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди государственныхъ людей XVIII вѣка, а его политическіе взгляды, его конституціонные проекты, его попытки въ этомъ направленіи даютъ ему и одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи вопроса, насъ занимающаго.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

„Комитетъ общественнаго спасенія".

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ былъ, какъ мы видѣли, убѣжденнымъ сторонникомъ шведскаго конституціонаго устройства, постоянно имѣлъ въ виду измѣненіе государственнаго строя въ Россіи, дѣлалъ серьезныя попытки въ этомъ направленіи. Самымъ серьезнымъ шагомъ его для достиженія этой цѣли былъ его конституціонный проектъ 1774 г. Гр. Панинъ, будучи главнымъ воспитателемъ цесаревича Павла Петровича, старался внушить великому князю свои основные взгляды и убѣжденія. Въ дневникѣ Порошина мы находимъ много косвенныхъ указаній на это, находимъ свидѣтельства о томъ, съ какою горячностью говорилъ всегда гр. Панинъ противъ произвола, противъ самовластнаго нарушенія правъ личности и пр. И мы видѣли, что гр. Панину удалось въ 1774 г. привлечь Павла Петровича къ своимъ планамъ: цесаревичъ подписалъ составленный Панинымъ проектъ конституціи, поклялся, что не нарушитъ его никогда... Какъ долженъ былъ торжествовать въ это время гр. Панинъ, гордясь своимъ воспитанникомъ! Но мы видѣли, что за торжествомъ послѣдовало разочарованіе: замыслы Панина были открыты; испуганный цесаревичъ покаялся во всемъ передъ грозною матерью.

Графъ Панинъ умеръ въ 1783 г., не увидѣвъ ни въ чемъ обновленія русскаго государственнаго строя. Когда черезъ 13 лѣтъ послѣ этого на престолъ вступилъ воспитанникъ Панина, онъ оказался вполнѣ чуждъ идеямъ своего воспитателя, совершенно далекъ отъ прин-

циповъ 1774 г., принятыхъ имъ съ клятвой. Совершенно не склонный къ формальному ограниченію своихъ правъ, Павелъ не терпѣлъ и фактическихъ отношеній, вліявшихъ на проявленіе самовластія.

Павелъ вступилъ на престолъ подъ гнетомъ предсказанія, сдѣланнаго относительно него Екатериною. Однажды при разговорѣ о французской революціи Павелъ, не терпѣвшій революціоннаго духа, сталъ утверждать, что онъ легко силою арміи, пушками побѣдилъ бы французовъ; на это императрица Екатерина замѣтила сыну: „Vous êtes une bête féroce,—или ты не понимаешь, что пушки не могутъ воевать съ идеями? Если ты такъ будешь царствовать, то не долго продлится твое царствованіе".

Вступивъ на престолъ послѣ долгихъ лѣтъ ожиданія, послѣ намѣреннаго удаленія отъ дѣлъ, послѣ грозившей ему опасности быть обойденнымъ, лишеннымъ власти, Павелъ немедленно и рѣшительно сталъ показывать всемогущество своей власти. Все измѣнилось, всѣ екатерининскіе порядки были нарушены, все стало дѣлаться иначе, „по гатчински", по произволу новаго государя. Цѣлый рядъ отзывовъ оставленъ намъ современниками объ этомъ времени,—отзывовъ, характеризующихъ и личность императора Павла, и самую систему, которую онъ представлялъ. Приведу нѣкоторыя изъ этихъ отзывовъ.

Когда Павелъ, вступивъ на престолъ, началъ свои „преобразованія", конечно, онъ нашелъ своихъ хвалителей. По разсказу И. М. Муравьева-Апостола, новое царствованіе вслухъ, громогласно называли „возрожденіемъ", среди пріятелей, осторожно—„царствомъ власти, силы и страха", а съ глазу на глазъ, между своими—„затменіемъ свыше". Кн. Ѳ. Н. Голицынъ свидѣтельствуетъ, что императоръ Павелъ былъ „горячъ въ первомъ движеніи до изступленія. Личное самовластіе въ непремѣнномъ исполненіи самымъ скорымъ образомъ его воли,

хотя бы какія дурныя слѣдствія отъ того ни произошли, былъ главный его порокъ. Онъ не столько полагался на законы, сколько на собственное свое произволеніе. Если что приказалъ министру, сей не смѣй ему на ту минуту ни малѣйшаго дѣлать представленія". По разсказу другого современника, когда кто-то дерзнулъ возразить императору по поводу одного его рѣшенія, ссылаясь на законъ, Павелъ Петровичъ съ гнѣвомъ ударилъ себя въ грудь и закричалъ: „Здѣсь вашъ законъ!" Одинъ изъ любимцевъ Павла, гр. Ростопчинъ, впослѣдствіи сознавался, что никакая политическая система не была мыслима при государѣ, „который все хотѣлъ дѣлать самъ, который не допускалъ никакого промедленія въ исполненіи его велѣній и никакого противорѣчія его волѣ".

По свидѣтельству датскаго посланника при петербургскомъ дворѣ Розенкранца, „слѣпой случай, прихоть государя дѣлаютъ невозможнымъ что-либо разсчитать, что-либо предвидѣть", а посланникъ австрійскій Тугутъ, пользовавшійся сначала расположеніемъ у Павла, сознавался потомъ, что нельзя не придавать очень мало цѣны дружбѣ, которая на другой день можетъ оказаться перешедшей въ ярость. Лейбъ-медикъ Рожерсонъ такъ описывалъ свои петербургскія впечатлѣнія: „Здѣсь, кажется, все происходитъ случайно, подъ вліяніемъ минуты. Когда онъ *хочетъ*, ему возражать не смѣютъ; онъ смотритъ на совѣтъ или представленіе, какъ на возмущеніе", и при такихъ условіяхъ, конечно, все дѣлается „безъ обсужденія и не вникая въ дѣло". Великій князь Константинъ Павловичъ выразился такъ: „Отецъ мой объявилъ войну здравому смыслу съ твердымъ намѣреніемъ никогда не заключать съ нимъ мира". Графъ Корфъ такъ характеризовалъ то время: „Одно понятіе — самодержавіе, одно желаніе—самодержавіе неограниченное были двигате-

лями всѣхъ дѣйствій Павла. Въ его царствованіе Россія обратилась почти въ Турцію".

Но такое положеніе дѣлъ, такое направленіе власти не могли не выдвинуть впередъ вопроса о самой системѣ правленія: возможно ли было мириться съ тѣми порядками, при которыхъ создавалось столь невыносимое положеніе, такое господство произвола, которое приводило, по выраженію гр. С. Р. Воронцова, къ „хаосу"? Такія условія должны были распространить въ обществѣ желаніе измѣнить общій порядокъ, развить и укрѣпить конституціонныя стремленія. И прежде всего эти условія сильно отразились на конституціонномъ настроеніи цесаревича Александра Павловича.

До насъ дошло интереснѣйшее и характернѣйшее письмо Александра къ его воспитателю Лагарпу. Здѣсь —вся картина царствованія Павла, его оцѣнка, здѣсь— живое отраженіе взглядовъ и чувствъ молодого наслѣдника русскаго престола.

Письмо это, писанное Александромъ въ Гатчинѣ 27-го сентября 1797 г., было отправлено съ однимъ изъ ближайшихъ друзей Александра, Н. Н. Новосильцовымъ, уѣзжавшимъ за границу. Самое начало письма уже показываетъ настроеніе, намѣренія автора: Александръ заявляетъ, что онъ обращается къ Лагарпу за совѣтами и руководствомъ въ дѣлѣ величайшей важности: „создать благо Россіи, установивъ въ ней *свободную конституцію*". И Александръ считаетъ нужнымъ подробно мотивировать эту задачу. Онъ напоминаетъ Лагарпу о различныхъ злоупотребленіяхъ, какія были при Екатеринѣ и все увеличивались подъ конецъ ея царствованія. Павелъ по вступленіи на престолъ захотѣлъ все преобразовать; первые шаги его были, правда, довольно блестящи, но послѣдовавшее имъ не соотвѣтствовало: все сразу было перевернуто вверхъ дномъ, что, конечно, только увеличило и безъ того большой безпорядокъ, и ранѣе господствовавшій въ дѣлахъ.

Вотъ каково положеніе дѣлъ: „Военные почти все время теряютъ исключительно на парадахъ. Во всемъ прочемъ рѣшительно нѣтъ никакого строго опредѣленнаго плана. Сегодня повелѣваютъ то, что черезъ мѣсяцъ будетъ отмѣнено. Не допускаются никакія представленія, развѣ уже только когда все зло совершилось. Однимъ словомъ, благосостояніе государства совершенно не принимается въ разсчетъ при веденіи дѣлъ; существуетъ только неограниченная власть, которая и дѣлаетъ все вкривь и вкось. Невозможно перечислить всѣ тѣ безумства, которыя были совершены; прибавьте къ этому строгость безъ малѣйшей справедливости, большую пристрастность и полную неопытность во всѣхъ дѣлахъ. Выборъ лицъ основывается на фаворитизмѣ; заслуги тутъ не при чемъ. Коротко, отечество мое находится въ положеніи неописуемомъ. Земледѣлецъ обиженъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены. Вотъ картина Россіи. Судите, какъ должно страдать мое сердце. Я самъ, привлеченный ко всѣмъ военнымъ мелочамъ, теряя все свое время на обязанности унтеръ-офицера, не имѣя ни минуты для научныхъ занятій,составлявшихъ прежде мое любимое дѣло,—я сдѣлался существомъ самымъ несчастнымъ“.

Въ прежнее время великій князь Александръ думалъ, отказавшись отъ правъ на престолъ, покинуть родину. Теперь его мысли измѣнились: „Если когда-либо дойдетъ до меня чередъ царствовать, вмѣсто оставленія отечества я гораздо лучше сдѣлаю, отдавшись задачѣ сдѣлать мою родину свободной и тѣмъ не допустить ее стать къ будущемъ игрушкой безумцевъ. Это заставило меня многое передумать, и я убѣдился, что это была бы наилучшая революція, произведенная законной властью, которая бы перестала существовать, какъ только конституція была бы *закончена*, и нація имѣла бы своихъ *представителей*. Вотъ въ чемъ со-

стоитъ моя идея. Я сообщилъ ее просвѣщеннымъ людямъ, которые сами, съ своей стороны, давно уже о томъ думали. Правда, насъ пока только четверо, т. е. Новосильцевъ, графъ Строгановъ, молодой князь Чарторижскій, мой адъютантъ, рѣдкій молодой человѣкъ, и я".

И дальше Александръ кратко формулируетъ свой планъ: придетъ его время, надо будетъ работать, конечно, постепенно, для устройства народнаго представительства, которое было бы направлено къ созданію свободной конституціи, послѣ чего власть Александра прекратится безусловно, и,—если Провидѣніе будетъ благопріятствовать дѣлу,—онъ удалится въ какой-нибудь уголокъ и будетъ жить, довольный и счастливый, видя счастье родины и наслаждаясь имъ. И эти мысли не только излагались въ письмѣ къ Лагарпу или при разговорѣ съ друзьями-единомышленниками: Александръ составлялъ проектъ манифеста, который долженъ былъ объяснить народу неудобства образа правленія, существовавшаго дотолѣ въ Россіи, и всѣ выгоды другого, который Александръ намѣревался ей даровать, благодѣянія свободы и справедливости, которыми ей предстояло пользоваться по устраненіи стѣсненій, препятствовавшихъ ея благоденствію, и заявить о рѣшимости его по совершеніи этого великаго подвига сложить съ себя власть, дабы тотъ, кто будетъ признанъ наиболѣе ея достойнымъ, могъ упрочить и усовершенствовать великое дѣло.

Такова была программа, о которой мечталъ, которую разрабатывалъ наслѣдникъ Павла. И вотъ, его время пришло: 12-го марта 1801 г. Александръ вступилъ на престолъ. Перемѣна на престолѣ не была связана прямо съ планами обязательнаго измѣненія государственнаго строя. Но планы этого рода выдвинулись впередъ сами собой. И конституціонное настроеніе сказывалось не только въ кружкѣ близкихъ друзей Александра I: съ проектами ограниченія самодержавной власти высту-

пили самыя разнообразныя лица,—и поэтъ Державинъ, и послѣднiй любимецъ Екатерины, князь Платонъ Зубовъ, и другой ея любимецъ, гр. Завадовскiй, и гр. Н. П. Панинъ, и Мордвиновъ и др. Конечно, эти проекты были очень различны по своему объему и направленiю. Главнымъ выразителемъ конституцiонныхъ идей все-таки явился молодой императоръ. Выше мы видѣли, что въ 1797 г. Александръ считалъ трехъ единомышленниковъ: Новосильцова, гр. Страгонова и Адама Чарторижскаго. Къ нимъ присоединился вскорѣ гр. Кочубей. Императоръ Павелъ удалилъ отъ сына его друзей, отправилъ ихъ за границу съ дипломатическими порученiями. Когда Александръ вступилъ на престолъ, одинъ только гр. Строгановъ находился въ Петербургѣ. Императоръ Александръ немедленно вызвалъ въ Петербургъ остальныхъ друзей своихъ. Когда Новосильцовъ, Чарторижскiй и Кочубей вернулись, они вмѣстѣ со Строгановымъ составили ближайшiй кружокъ Александра, особый негласный комитетъ, и самъ Александръ называлъ его „комитетомъ общественнаго спасенiя".

Передъ императоромъ Александромъ стояла задача, намѣченная имъ, какъ мы видѣли, еще въ то время, когда онъ былъ наслѣдникомъ. Эту задачу еще разъ формулировалъ передъ молодымъ императоромъ воспитатель его Лагарпъ: „Вамъ, государь,—писалъ Лагарпъ,—подобаетъ даровать народу своему великое благо—спасти его отъ произвола вашихъ преемниковъ и дать странѣ такiя учрежденiя, которыя, сохраняя правительству его силу, ограждали бы народъ отъ самовластiя тирановъ".

Первыя объясненiя о предпринимаемой великой работѣ Александръ имѣлъ со Строгановымъ. Послѣднiй въ подробномъ изложенiи записалъ намъ эти объясненiя: изъ нихъ мы видимъ, что императоръ Александръ выступалъ съ очень теоретическими, отвлеченными положенiями, но для него далеко не былъ ясенъ общiй

планъ, совокупность необходимыхъ мѣръ, онъ колебался и нерѣшительно отступалъ передъ мѣрами практическаго осуществленія конституціоннаго проекта. Таково было впечатлѣніе Строганова; такъ же смотрѣли на положеніе и остальные члены комитета. Кочубей „былъ пораженъ, какъ мало порядка царитъ во всѣхъ проектахъ императора. У него нѣтъ готоваго плана, онъ стучался во всѣ двери, такъ сказать, не очень увѣренный въ своемъ дѣлѣ“. Члены комитета старались бороться съ этимъ, старались приводить отвлеченныя заявленія Александра къ болѣе умѣреннымъ, но болѣе опредѣленнымъ положеніямъ, старались направлять дѣло на путь постепеннаго практическаго разрѣшенія. Наиболѣе энергичнымъ членомъ комитета общественнаго спасенія былъ гр. Строгановъ, воспитанникъ республиканца Ромма, въ юности бывшій очевидцемъ и до извѣстной степени даже участникомъ первыхъ событій французской революціи. Но Строгановъ вовсе не былъ увлекающимся теоретикомъ, очень считался съ окружавшими условіями и стоялъ за постепенность въ реформахъ.

Императоръ Александръ провозгласилъ необходимость объявить права человѣка и гражданина; Строгановъ говорилъ, что всѣ эти права заключаются въ обезпеченіи имущества и въ неограниченной свободѣ каждаго дѣлать все то, что не можетъ быть вредно для другого. Александръ согласился съ этимъ, но и это не было осуществлено ни въ какомъ законодательномъ актѣ. Строгановъ предлагалъ начать съ преобразованія администраціи и потомъ уже перейти къ перемѣнѣ государственнаго строя. Александръ соглашался съ такою постепенностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ какъ бы тяготился отсрочкой исполненія его плановъ. Выходило само собой, что при нерѣшительности Александра члены комитета должны были соединиться въ планѣ дѣйствій относительно императора. „Намъ необходимо,—

высказывался Строгановъ,—составить планъ реформъ и уяснить себѣ цѣль ихъ, чтобы труды наши не зависѣли ни отъ чьего произвола, точно установить, чего мы желаемъ добиться отъ императора,—необходимо опредѣлить его характеръ, чтобы сообразно этому составить нашъ планъ атаки, если смѣю такъ выразиться". Но несмотря на систематическій и обдуманный образъ дѣйствій, комитетъ общественнаго спасенія достигъ по главной своей задачѣ очень немногаго.

Было признано сначала необходимымъ, чтобы введеніе хорошаго управленія, привлекая общественное довѣріе, сдѣлалось залогомъ установленій, столь нужныхъ, столь прекрасныхъ, но въ то же время столь трудно-исполнимыхъ и даже опасныхъ въ зависимости отъ способа проведенія. Надо, чтобы „мягкая свобода и неприкосновенность собственности, какъ плоды улучшеннаго управленія, устроеннаго на истинныхъ принципахъ народнаго блага, своимъ спасительнымъ вліяніемъ подготовили умы къ полученію безъ опасеній и съ радостью закона, который бы обезпечилъ отъ произвольныхъ перемѣнъ основы всеобщаго счастья" Комитетъ принимался за трудъ, первой задачею котораго было „преобразованіе порочной администраціи",—а затѣмъ введеніе закона, который устранилъ бы возможность нарушенія установленныхъ правилъ и подготовилъ бы необходимую реформу.

Для правильнаго направленія работы надъ реформой безобразнаго зданія управленія имперіи комитетъ считалъ необходимымъ „имѣть у себя передъ глазами картину дѣйствительнаго состоянія имперіи во всѣхъ ея частяхъ", чтобы судить болѣе сознательно и о болѣзни, и о методѣ лѣченія, которому должно слѣдовать.

Самъ императоръ Александръ такъ формулировалъ вкратцѣ задачу, стоявшую передъ комитетомъ: нужно было „обуздать деспотизмъ нашего правительства". И

гр. Строгановъ слѣдующимъ образомъ опредѣлялъ смыслъ, значеніе предполагавшагося государственнаго преобразованія: „Конституція есть законное признаніе правъ народа и формы, въ которой онъ можетъ ими пользоваться. Для обезпеченія дѣйствительности этихъ правъ должна существовать гарантія, что посторонняя власть не воспрепятствуетъ пользованію этими правами. Если этой гарантіи не существуетъ, основная цѣль, состоящая въ томъ, чтобы воспрепятствовать правительству принять какую-либо мѣру, противную истиннымъ интересамъ народа, не можетъ быть достигнута, и конституція не существуетъ“.

Такъ вполнѣ опредѣленно ставился вопросъ императоромъ Александромъ и его друзьями; комитетъ общественнаго спасенія имѣлъ своею основной цѣлью ввести въ Россіи конституцію, чтобы „обуздать деспотизмъ нашего правительства“, чтобы измѣнить „безобразное зданіе“ нашей „порочной администраціи“ и спасти народъ отъ произвола, обезпечивъ ему личныя и политическія права, даровать ему свободу.

Поставленная цѣль не была достигнута. Причина этого была прежде всего въ самомъ императорѣ Александрѣ, въ его нерѣшительности и недовѣрчивости. Члены комитета старались дѣйствовать на императора и парализовать его колебанія и медлительность, но это имъ большею частью не удавалось. Какъ только дѣло переходило къ практическимъ мѣрамъ, къ осуществленію, Александръ останавливался, старался ограничиться полумѣрами,—получалось нѣчто „вялое и трусливое“, какъ выразился гр. Строгановъ въ одномъ изъ писемъ къ Новосильцову. При такомъ положеніи императоръ Александръ охотно занималъ комитетъ различными текущими дѣлами внѣшняго и внутренняго управленія, что поглощало много времени и замедляло подготовку общей реформы. Вмѣстѣ съ этимъ, понятно, на Александра оказывали сильное вліяніе постороннія коми-

тету лица, враждебно относившіяся или къ принципу задумываемыхъ преобразованій, или просту къ дѣлу, къ которому они не были призваны, въ которомъ другіе пользовались близостью къ государю. Быть-можетъ, не случайно прекращеніе засѣданій комитета совпало съ возвращеніемъ въ Петербургъ къ власти Аракчеева.

Но если комитетъ общественнаго спасенія не достигъ своей главной цѣли, то это далеко не значитъ, чтобы его работа прошла безслѣдно. Отдѣльныя мѣры, имъ обсужденныя и имъ проведенныя, имѣли большое значеніе; но особенно важно было общее впечатлѣніе, которое передалось обществу отъ серьезнаго и авторитетнаго обсужденія основныхъ вопросовъ политическаго быта. Работа комитета, хотя и не гласная, не могла не отозваться извѣстнымъ нравственнымъ и умственнымъ возбужденіемъ въ русскомъ обществѣ. Впервые само правительство въ лицѣ императора Александра и его друзей признало необходимость политической реформы и выдвинуло впередъ освободительные принципы.

И если на этотъ разъ дѣло не было доведено до осуществленія общей реформы, то на этомъ еще не кончились освободительныя стремленія и начинанія Александра: черезъ нѣсколько лѣтъ выдвинулся впередъ Сперанскій со своимъ проектомъ конституціи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Финляндская конституція.—Проектъ Сперанскаго.

Александръ I, какъ мы видѣли, еще юнымъ наслѣдникомъ престола призналъ своей задачей въ будущемъ установленіе въ Россіи свободы, введеніе конституціоннаго образа правленія. Вступивъ на престолъ, онъ образовалъ около себя „комитетъ общественнаго спасенія“ и серьезно разрабатывалъ планъ преобразованія нашего государственнаго строя. Какъ разъ около того времени, когда между императоромъ Александромъ и его ближайшими друзьями произошло нѣкоторое охлажденіе, и засѣданія комитета общественнаго спасенія прекратились, императоръ былъ втянутъ въ активную международную политику, началась его первая борьба противъ Наполеона, военные и дипломатическіе заботы и интересы поглотили все вниманіе Александра и надолго отвлекли его отъ разрѣшенія внутреннихъ задачъ. Но сами военныя обстоятельства представили Александру прекрасный случай проявить свои освободительныя стремленія, свои конституціонныя убѣжденія.

Когда первая борьба съ Наполеономъ закончилась тильзитскимъ миромъ въ 1807 г., и Александръ оказался не врагомъ, а союзникомъ Наполеона, это еще не означало наступленія мирнаго отдыха для Россіи, которая за эти годы воевала со Швеціей, съ Австріей, съ Турціей. Во время войны со Швеціей была захвачена вся Финляндія и присоединена къ Россійской имперіи. Присоединивъ эту страну, Александръ принялъ титулъ великаго князя Финляндскаго и торжественно объявилъ

о сохраненіи за финляндцами ихъ правъ, о сохраненіи „древнихъ установленій, странѣ свойственныхъ“. Еще до заключенія мира со Швеціей Александръ вызвалъ сперва финскихъ депутатовъ въ Петербургъ, а затѣмъ велѣлъ собрать въ Борго сеймъ народныхъ представителей, причемъ была дана особая грамота, утверждавшая права и вольности Финляндіи: это — та грамота, которая затѣмъ подтверждалась всякимъ новымъ императоромъ и великимъ княземъ финляндскимъ: „Произволеніемъ Всевышняго, вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндскаго, признали мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое сословіе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи; въ удостовѣреніе чего и сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ нашимъ утвердить благоволили“.

Императоръ Александръ самъ пріѣхалъ въ Борго къ открытію сейма и произнесъ при этомъ рѣчь, въ которой повторилъ свои обѣщанія: „Призванный промысломъ управлять добрымъ и честнымъ народомъ, я пожелалъ соединить вокругъ себя его представителей. Я пожелалъ васъ видѣть затѣмъ, чтобы дать вамъ новое доказательство моихъ намѣреній, клонящихся ко благу вашего отечества. Я обѣщалъ сохранить ненарушимо вашу конституцію, ваши основные законы. Ваше собраніе служитъ обезпеченіемъ моего обѣщанія. Это собраніе послужитъ основою вашему политическому существованію. Оно утвердитъ вашу связь съ новымъ положеніемъ дѣлъ, оно дополнитъ права, данныя мнѣ судьбой войны, правами, болѣе близкими моему сердцу, болѣе сообразными съ моими принципами, — правами, которыя даютъ чувства любви и привязанности“... Але-

ксандръ и еще черезъ нѣсколько лѣтъ въ особомъ манифестѣ вновь подтверждалъ неприкосновенность финляндской конституціи и законовъ, правъ и преимуществъ финляндцевъ.

Конечно, въ сохраненіи конституціи и законовъ Финляндіи императоръ Александръ могъ руководиться и прямымъ политическимъ разсчетомъ: это было лучшимъ средствомъ закрѣпить за собой новую страну, тѣмъ болѣе, что само присоединеніе ея происходило тогда еще, когда война со Швеціей не была окончена. Но внѣ всякаго сомнѣнія, что Александръ, утверждая за княжествомъ Финляндскимъ его конституцію, руководился прежде всего своими общими убѣжденіями, своими симпатіями къ представительному строю. Въ 1811 г. по поводу финляндскихъ порядковъ императоръ Александръ высказалъ генералу Армфельду слѣдующее: „Клянусь вамъ, что эти формы нравятся мнѣ гораздо больше, чѣмъ пользованіе полнымъ произволомъ, который имѣетъ основой только мою волю и предполагаетъ такое совершенство въ государѣ, какого не можетъ быть—увы!—въ человѣчествѣ. Здѣсь я могу ошибаться только тогда, когда самъ того захочу, мнѣ предлагаются всѣ необходимыя свѣдѣнія;—тамъ я окруженъ неувѣренностью и почти всегда привычками, замѣнившими законы. Вы увидите, какъ я думаю объ этомъ, тамъ, гдѣ возможно произвести въ моемъ государствѣ соотвѣтственное измѣненіе, такъ какъ я немедленно присоединяю къ княжеству старую Финляндію (ранѣе завоеванную и входившую въ общій составъ русскихъ губерній) и дамъ ей ту же конституцію и тѣ же формы свободы“.

На самой финляндской конституціи мы здѣсь останавливаться не будемъ: въ данномъ случаѣ насъ интересовало только отношеніе къ дѣлу императора Александра, несомнѣнно, проявившаго въ финляндскомъ вопросѣ свои конституціонные взгляды, свою склонность къ представительному строю. Въ исторіи вопроса,

насъ занимающаго, финляндскій эпизодъ является характернымъ проявленіемъ освободительныхъ стремленій Александра I.

Ближайшимъ сотрудникомъ Александра по дѣламъ финляндскимъ былъ Сперанскій. Въ одной изъ составленныхъ имъ записокъ указывается основной принципъ: „Финляндія есть государство, а не губернія. Слѣдовательно, нельзя управлять ею мимоходомъ и среди множества текущихъ дѣлъ". Записка опредѣляетъ основы центральнаго управленія Финляндіи и отмѣчаетъ, что введеніемъ сейма положено твердое основаніе всему устройству края.

Сперанскій выдвинулся въ первые ряды высшаго чиновничества въ самомъ началѣ царствованія Александра I, а черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ уже приближеннымъ статсъ-секретаремъ Александра, который имѣлъ постоянный личный докладъ у государя, исполнялъ различныя отвѣтственныя порученія, велъ всѣ дѣла, требовавшія особыхъ знаній, особаго искусства, и, несомнѣнно, пользовался большимъ вліяніемъ. Естественно, что къ Сперанскому перешло и дѣло составленія конституціи для Россійской имперіи.

Какъ уже было упомянуто, прекращеніе занятій комитета общественнаго спасенія не означало вовсе личнаго охлажденія Александра I къ конституціоннымъ планамъ. Послѣднее засѣданіе комитета было въ 1803 г., а въ срединѣ 1804 г. министръ юстиціи кн. Лопухинъ объявилъ Розенкампфу, служившему въ коммиссіи законовъ, Высочайшее повелѣніе о составленіи проекта конституціи. Розенкампфъ сначала отказывался было, но въ виду усиленныхъ настояній министра долженъ былъ приняться за эту работу и составилъ „кадръ конституціи", какъ онъ выражается. Эта работа Розенкампфа была передана Новосильцову и Чарторыжскому, и на основѣ ея они стали составлять свой проектъ, но дальнѣйшаго хода онъ не имѣлъ, такъ какъ послѣдо-

вавшія войны отвлекли вниманіе Александра I и заботы правительства къ военнымъ дѣламъ. Но вотъ, прошли годы первой борьбы съ Наполеономъ, съ Франціей заключенъ миръ, вслѣдъ за тильзитскимъ свиданіемъ послѣдовало эрфуртское свиданіе. Сперанскій былъ въ это время настолько близокъ къ государю, что послѣдній взялъ его съ собою въ Эрфуртъ, гдѣ, какъ говорятъ, Наполеонъ былъ пораженъ необыкновеннымъ умомъ и дарованіями русскаго статсъ-сакретаря. Путешествіе за границу еще болѣе сблизило государя со Сперанскимъ; общія наблюденія надъ особенностями западно-европейскаго быта, надъ дѣйствіями тамошнихъ учрежденій вызывали между Александромъ и Сперанскимъ разговоры на политическія темы, на сравненіе съ бытомъ и условіями Россіи. Вѣроятно, вскорѣ послѣ эрфуртскаго свиданія императоръ Александръ и далъ Сперанскому прямое порученіе—составить проектъ конституціи. Въ распоряженіе Сперанскаго былъ переданъ послѣдній проектъ, составлявшійся въ 1804 г. Новосильцовымъ и Чарторыжскимъ. Такимъ образомъ, работа Сперанскаго и въ принципѣ, и въ фактическихъ основахъ стояла въ тѣсной связи съ проектами первыхъ лѣтъ царствованія Александра I, съ работой комитета общественнаго спасенія и съ послѣдующими планами. И какъ въ первые годы Александръ принималъ во всѣхъ этихъ предположеніяхъ и работахъ очень близкое личное участіе, такъ и занятія Сперанскаго надъ тѣмъ же вопросомъ шли при постоянномъ и непосредственномъ вниманіи со стороны Александра, отчасти по его указаніямъ. Сперанскій проводилъ у государя цѣлые вечера въ чтеніи различныхъ политическихъ сочиненій и въ обсужденіи основныхъ вопросовъ будущаго русскаго строя. „Изъ всѣхъ сихъ упражненій,—писалъ позднѣе Сперанскій императору Александру,—изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій вашему величеству надлежало, наконецъ, составить одно цѣлое. От-

сюда и произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія. Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго, но идеямъ, съ 1801 г. занимавшимъ ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе. Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію власти болѣе достоинства". Такимъ образомъ, работа Сперанскаго по подготовкѣ проекта конституціи стояла въ прямой связи съ идеями, высказанными комитетомъ общественнаго спасенія еще въ 1801 г., и велась она при непосредственномъ и постоянномъ участіи самого императора Александра. Сперанскій при своемъ свѣтломъ умѣ, при своихъ блестящихъ дарованіяхъ сумѣлъ дать опредѣленное выраженіе освободительнымъ началамъ, которыя были выставлены Александромъ съ самаго начала царствованія, составилъ „планъ всеобщаго государственнаго образованія". „Сила всѣхъ предложенныхъ преобразованій,— писалъ позднѣе Сперанскій,—въ томъ состояла, чтобы постановить управленіе имперіи на непремѣнномъ законѣ и дать Россіи внутренее политическое бытіе, а съ сею цѣлью опредѣлить прежде всего разумъ коренныхъ государственныхъ законовъ, т. е. начертать планъ конституціи". И Сперанскій не только составилъ свой проектъ государственной реформы на основѣ народнаго представительства,—онъ довелъ дѣло до приступа къ его осуществленію. Въ 1810 г. было совершено преобразованіе государственнаго совѣта, стоявшее въ связи съ задуманнымъ общимъ преобразованіемъ, представлявшее только часть новаго устройства. Казалось, дѣло было уже близко къ своему завершенію. Въ 1810 г. Сперанскій представилъ государю общій планъ постепеннаго введенія реформы и писалъ въ своей запискѣ: „Если Богъ благословитъ всѣ сіи начинанія, то въ 1811 году, къ концу десятилѣтія настоящаго царство-

ванія, Россія воспріиметъ новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится". Но, какъ извѣстно, вмѣсто дарованія новаго бытія дѣло, столь близкое, казалось, къ своему завершенію, осталось незаконченнымъ, и самъ Сперанскій оказался въ опалѣ, въ ссылкѣ подъ тяжкими обвиненіями въ измѣнѣ.

Проектъ Сперанскаго представляетъ большой интересъ, какъ наиболѣе цѣльное и послѣдовательное выраженіе тѣхъ началъ, проповѣдь и разработка которыхъ отличали собою первую половину царствованія Александра I. Постараюсь изложить здѣсь вкратцѣ всю политическую часть проекта Сперанскаго, по возможности, его собственными словами.

Три силы движутъ и управляютъ государствомъ: сила законодательная, исполнительная и судная. Начало и источникъ сихъ силъ—въ народѣ: ибо онѣ не что другое суть, какъ нравственная и физическая сила людей въ отношеніи ихъ къ общежитію. Силы государственныя могутъ быть разсматриваемы въ состояніи ихъ соединенія и въ состояніи ихъ личнаго раздѣленія. Въ состояніи соединенія онѣ производятъ державную власть и политическія права ея. Отъ державной власти возникаетъ законъ и его исполненіе. Въ состояніи раздѣльномъ силы государственныя рождаютъ права подданныхъ. Если права державной власти не ограничены, если силы государственныя соединены въ державной власти въ такой степени, что никакихъ правъ не оставляли бы онѣ подданнымъ, то государство было бы въ рабствѣ, и правленіе было бы деспотическое. Но за подданными могутъ оставаться извѣстныя права и политическія, и гражданскія. Хотя права гражданскія могутъ существовать и безъ правъ политическихъ, но бытіе ихъ въ семъ положеніи не можетъ быть твердо. Отъ троякаго свойства силъ государственныхъ возникаетъ троякій порядокъ ихъ дѣйствія и, слѣдовательно, три главныя установленія: законодательное, судное и

исполнительное. Всѣ сіи установленія соединяются въ державной власти, яко въ первомъ и верховномъ ихъ началѣ. Но какимъ образомъ власть верховная должна дѣйствовать на сіи установленія? По разнообразію ихъ, пространству и многосложности ихъ предметовъ нельзя предполагать, чтобы лицо державное, само собою и непосредственно на нихъ дѣйствуя, могло сохранить съ точностью ихъ предѣлы и во всѣхъ случаяхъ сообразить всѣ различныя ихъ отношенія. Посему надлежитъ быть особенному мѣсту, гдѣ бы и начальныя ихъ правила и дѣйствія были единообразно соображаемы.

Царства земныя имѣютъ свои эпохи величія и упадка и въ каждой эпохѣ образъ правленія долженъ быть соразмѣренъ той степени гражданскаго образованія, на коей стоитъ государство. Каждый разъ, когда образъ правленія отстаетъ или предваряетъ сію степень, онъ ниспровергается съ бо́льшимъ или меньшимъ потрясеніемъ. Симъ вообще изъясняются политическія превращенія, кои въ древнія времена и во дни наши измѣняли порядокъ правленій. Симъ изъясняются также и тѣ неудачи, коими нерѣдко были сопровождаемы самыя благотворныя усилія политическихъ перемѣнъ, когда образованіе гражданское не пріуготовило еще къ нимъ разумъ. Итакъ, время есть первое начало и источникъ всѣхъ политическихъ обновленій. Никакое правительство, съ духомъ времени не сообразное, противъ всемощнаго его дѣйствія устоять не можетъ. Много примѣровъ государственныхъ превращеній показываетъ намъ исторія Европы. Во всѣхъ сихъ превращеніяхъ время и состояніе гражданскаго образованія были главнымъ дѣйствующимъ началомъ. Тщетно власть державная силилась удержать его напряженіе. Сопротивленіе ея воспалило только страсти, произвело волненіе, но не остановило перелома. Сколько бѣдствій, сколько крови можно было бы избѣжать, если бы правители державъ, точнѣе наблюдая движеніе обществен-

наго духа, сообразовались ему въ началахъ политическихъ системъ и не народъ приспособляли къ правленію, но правленіе къ состоянію народа.

Въ исторіи нашего отечества мы наблюдаемъ явленія, близкія къ исторіи западно-европейской; и у насъ давно уже стали складываться и укрѣпляться извѣстныя стремленія къ политической свободѣ, но попытки дѣлавшіяся въ этомъ направленіи, не сообразовались съ условіями времени и потому не имѣли успѣха. Но теперь очевидны признаки, доказывающіе, что время приспѣло для перемѣны въ политическомъ строѣ. Вкратцѣ признаки эти таковы: перемѣны въ предметахъ народнаго уваженія, ослабленіе власти, невозможность частныхъ исправленій и всеобщее неудовольствіе. Таковы суть главные признаки, по коимъ можно опредѣлить мѣсто, которое Россія нынѣ занимаетъ на лѣстницѣ гражданскаго образованія. По симъ признакамъ можно, кажется, съ достовѣрностью заключить, что настоящая система правленія не свойственна болѣе состоянію общественнаго духа, и что настало время перемѣнить ее и основать новый вещей порядокъ.

Общій предметъ преобразованія состоитъ въ томъ, чтобы правленіе, доселѣ самодержавное, постановить и учредить на непремѣняемомъ законѣ. Нельзя основать правленіе на законѣ, если одна державная власть будетъ и составлять законъ, и исполнять его. Отсюда необходимость установленій, дѣйствующихъ въ составленіи закона и его исполненіи. Представляются два способа для осуществленія этихъ установленій. Первый состоитъ въ томъ, чтобы облечь правленіе самодержавное всѣми, такъ сказать, внѣшними формами закона, оставивъ въ существѣ его ту же силу и то же пространство самодержавія. Второй состоитъ въ томъ, чтобы не внѣшними только формами покрыть самодержавіе, но ограничить его внутреннею и существенною силой установленій и учредить державную

власть на законѣ не словами, но самимъ дѣломъ. Сравнивая сіи двѣ системы, несомнѣнно, видимъ, что первая изъ нихъ имѣетъ только видъ закона, а другая—самое существо его; первая подъ предлогомъ единства державной власти вводить совершенное самовластіе, а другая ищетъ въ самомъ дѣлѣ ограничить его и умѣрить. Первая издалека готовитъ сама себѣ прекращеніе, а другая при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ утвердиться, долгое время безъ важныхъ перемѣнъ постепенно слѣдовать за гражданскимъ усовершеніемъ.

Въ разумѣ законовъ, державную власть опредѣляющихъ, должно изобразить, какое дѣйствіе власть сія должна имѣть въ порядкѣ законодательномъ, въ судномъ и исполнительномъ.

Порядокъ законодательный слагается изъ трехъ началъ: изъ предложенія закона, уваженія его и утвержденія.

Въ различныхъ странахъ по разному опредѣляется, кому принадлежитъ право предложенія закона: въ однѣхъ право это принадлежитъ и власти державной, и сословію народныхъ представителей, въ другихъ оно принадлежитъ только державной власти. Этотъ послѣдній порядокъ признается болѣе подходящимъ для Россіи. Есть однако же исключеніе, которое необходимо допустить въ семъ правилѣ: 1) когда какою-нибудь мѣрой правительства явное дѣлано будетъ нарушеніе коренному государственному закону, какъ-то личной или политической свободѣ; 2) когда правительство въ указанное время не представитъ установленныхъ отчетовъ, и 3) представленія о государственныхъ нуждахъ.

Уваженіе закона во всѣхъ системахъ принадлежитъ законодательному сословію, и правительство участвуетъ въ немъ единственно черезъ своихъ министровъ.

Утвержденіе закона должно принадлежать державной власти.

Никакой законъ не можетъ имѣть силы, если не бу-

детъ онъ составленъ въ законодательномъ сословіи. Но учрежденія и уставы остаются во власти и на отвѣтственности правительства, которое можетъ перенести эту отвѣтственность на законодательное сословіе, внеся эти учрежденія и уставы на его усмотрѣніе.

Гражданская свобода имѣетъ два главныхъ вида: свобода личности и свобода вещественная. Существо первой состоитъ въ двухъ слѣдующихъ положеніяхъ: безъ суда никто не можетъ быть наказанъ и никто не обязанъ исполнять личную службу иначе, какъ по закону, а не по произволу другихъ.

Политическія права принадлежатъ только тѣмъ, кто имѣетъ собственность,—другими словами, признается имущественный цензъ, но безъ всякаго дальнѣйшаго опредѣленія.

На основѣ этого положенія и устанавливается избирательная система.

Въ каждомъ волостномъ городѣ или въ главномъ волостномъ селеніи каждые три года изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности составляется собраніе подъ названіемъ волостной Думы. Казенныя селенія отъ каждаго пятисотнаго участка высылаютъ въ Думу одного старшину. Въ волостной думѣ всѣ голоса равны, и никто не можетъ имѣть больше одного голоса. Волостная Дума избираетъ волостное правленіе, которое въ теченіе трехъ лѣтъ и ведетъ всѣ волостныя дѣла: она разсматриваетъ денежный отчетъ волостного правленія; она представляетъ окружной Думѣ о волостныхъ нуждахъ, составляетъ списокъ 20-ти человѣкъ отличныхъ гражданъ, избираетъ депутатовъ въ окружную Думу.

Изъ депутатовъ волостныхъ Думъ составляется окружная Дума, которая также собирается разъ въ три года, выбираетъ членовъ окружнаго совѣта, разсматриваетъ его денежный отчетъ, дѣлаетъ представленія въ губернскую Думу о нуждахъ округа, составляетъ изъ

волостныхъ списковъ списокъ 20-ти отличнѣйшихъ обывателей округа, выбираетъ депутатовъ въ губернскую Думу и, кромѣ того, членовъ окружнаго суда. Точно такъ же губернская Дума, составляющаяся изъ депутатовъ окружныхъ Думъ, выбираетъ губернскій совѣтъ, членовъ губернскаго суда, дѣлаетъ представленія о губернскихъ нуждахъ, составляетъ списокъ 20-ти отличнѣйшихъ обывателей и выбираетъ депутатовъ въ государственную Думу.

Изъ депутатовъ, выбранныхъ отъ губернскихъ Думъ, составляется законодательное сословіе подъ именемъ государственной Думы. Она есть мѣсто, равное сенату и министерствамъ. Государственная Дума собирается по коренному закону, безъ всякаго созыва, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Срокъ ея дѣйствія зависитъ отъ количества дѣлъ, ей подлежащихъ. Дѣйствіе ея пресѣкается двоякимъ образомъ: отсрочкой до будущаго года и совершеннымъ всѣхъ членовъ ея увольненіемъ (т. е. распущеніемъ); и то, и другое дѣлается актомъ державной власти, проведеннымъ чрезъ государственный совѣтъ.

Не останавливаюсь на судебной части; выше уже сказано о выборѣ членовъ судовъ; предсѣдатели судовъ назначаются министромъ юстиціи изъ соотвѣтственнаго списка отличнѣйшихъ обывателей. Высшая судебная инстанція—судебный сенатъ: его члены назначаются державной властью, но изъ списка государственныхъ избирателей.

Не говоря ничего объ организаціи министерствъ и вообще исполнительной власти, упомяну только, что въ планѣ Сперанскаго съ особеннымъ удареніемъ говорится о необходимости дѣйствительной отвѣтственности министровъ и о невозможности обезпечить дѣйствительность такой отвѣтственности безъ народнаго представительства.

При государѣ находится государственный совѣтъ,— высшее учрежденіе въ порядкѣ законодательномъ, въ

порядкѣ судномъ и въ порядкѣ исполнительномъ. Относительно законовъ совѣтъ вовсе не есть вторая, верхняя палата: это есть особое учрежденіе при государѣ и онъ разсматриваетъ законопроекты предварительно, до внесенія ихъ въ государственную Думу.

Кромѣ того, при государѣ образуется особый кабинетъ,—ближайшее къ нему учрежденіе въ помощь для еденія государственныхъ дѣлъ и въ замѣну личнаго доклада министровъ.

Въ общемъ, вся государственная организація Сперанскаго представляется въ такомъ видѣ:

Державная власть Государя Императора.

Государственный совѣтъ.

Управленіе.	**Законодательство.**	**Судъ.**
Министерство въ соединеніи съ правительствующимъ сенатомъ.	Государственная дума.	Судебный сенатъ.
Управленіе губернское.	Дума губернская.	Судъ губернскій.
Управленіе окружное.	Дума окружная.	Судъ окружный.
Управленіе волостное.	Дума волостная.	Судъ волостной.

Если вкратцѣ свести основы политической реформы, проектированной Сперанскимъ, то мы будемъ имѣть: политическія права принадлежатъ всѣмъ владѣющимъ имуществомъ, безъ всякаго опредѣленія, какое это имущество, и каковъ размѣръ ценза. Голоса всѣхъ равны. Государственная Дума образуется путемъ многостепеннаго избранія: сначала волостная Дума, потомъ окружная и губернская и затѣмъ уже государственная.

Государственной Думѣ не принадлежитъ право законодательной инціативы; утвержденіе закона, при-

нятаго, „уваженнаго“ Думой, принадлежитъ державной власти, но всякій законъ долженъ быть предварительно, до своего утвержденія, принятъ Думой, т. е. послѣдней принадлежитъ не совѣщательный только голосъ, а дѣйствительное участіе въ законодательной власти, съ извѣстнымъ контролемъ надъ дѣйствіями администраціи и полный контроль за сохраненіемъ коренныхъ законовъ.

Таковы были организаціи и права народнаго представительства по проекту Сперанскаго почти сто лѣтъ назадъ. И тогда было уже приступлено къ осуществленію этого проекта, и, казалось, Россія должна была получить „новое бытіе“. Но все дѣло ограничилось первыми подготовительными мѣрами, не имѣвшими важнаго значенія, пока все зданіе реформы не было увѣнчано. Послѣ паденія Сперанскаго его проектъ остался безъ исполненія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Польская конституція—Государственная уставная грамота Россійской имперіи.

Императоръ Александръ I съ юности чувствовалъ особыя симпатіи къ полякамъ, считалъ, что Екатерина II отнеслась несправедливо къ Рѣчи Посполитой и вмѣстѣ со своимъ другомъ кн. Адамомъ Чарторыжскимъ мечталъ о возстановленіи Польши. Судьба дала ему возможность въ значительной степени осуществить эту мечту.

Въ 1815 г. на вѣнскомъ конгрессѣ были заключены спеціальные договоры между Россіей и Австріей и между Россіей и Пруссіей касательно польскихъ дѣлъ. Часть польскихъ земель досталась Австріи (Краковъ былъ объявленъ вольнымъ городомъ), часть—Пруссіи (герцогство Познанское), а за Россіей осталась большая часть Варшавскаго герцогства. Договаривающіяся стороны заявили, что онѣ заботятся о вѣрнѣйшихъ средствахъ утвердить благосостояніе поляковъ при новыхъ условіяхъ и желаютъ притомъ распространить дѣйствіе сихъ великодушныхъ намѣреній на всѣ области, округа, составлявшіе прежнее королевство польское, посредствомъ распоряженій, сколь возможно по обстоятельствамъ благопріятствующихъ свободѣ.

Герцогство Варшавское, „въ силу своей конституціи, будетъ въ неразрывной съ Россіею связи и во владѣніи Его Величества Императора всероссійскаго, наслѣдниковъ его и преемниковъ на вѣчныя времена. Оно будетъ состоятъ подъ особымъ управленіемъ; императоръ принимаетъ титулъ царя (короля) польскаго. По-

ляки, подданные высокихъ договаривающихся сторонъ, будутъ имѣть народныхъ представителей и національныя государственныя учрежденія, согласныя съ тѣмъ образомъ политическаго существованія, который каждымъ изъ правительствъ будетъ признанъ за полезнѣйшій и приличнѣйшій для нихъ въ кругу его владѣній". Та же мысль выражена иначе, менѣе опредѣленно въ договорѣ съ Пруссіей, но тамъ прибавлено, что полякамъ должны быть обезпечены права ихъ и особенное народное бытіе.

Въ силу этого договорнаго обѣщанія Александръ даровалъ царству Польскому представительную конституцію. Проектъ конституціи, составленный магнатами, былъ ему представленъ кн. Адамомъ Чарторыжскимъ, но государь не утвердилъ его, какъ слишкомъ аристократическій, и поручилъ выработку конституціи особой коммиссіи подъ предсѣдательствомъ гр. Островскаго.

Александръ I на обратномъ пути въ Россію остановился въ Варшавѣ, и тутъ имъ была подписана конституція польская, которая отчасти опиралась на прежнія польскія конституціи и въ томъ числѣ на конституцію герцогства Варшавскаго, а отчасти можетъ быть сравниваема съ хартіей Людовика XVIII. По условіямъ своего времени и господствовавшимъ тогда политическимъ теоріямъ, конституція эта можетъ быть названа либеральной.

Царю (королю) принадлежитъ въ полномъ объемѣ исполнительная власть, распоряженіе финансами, управленіе арміей, назначеніе всѣхъ чиновъ по всѣмъ отраслямъ управленія, помилованіе преступниковъ и пр. Но законодательную власть царь раздѣлялъ съ сеймомъ, который состоялъ изъ сената и камеры депутатовъ. „Польскій народъ на вѣчныя времена будетъ имѣть національное представительство на сеймѣ". Камера представителей состоитъ изъ 77 депутатовъ отъ дворянства

и 51 отъ городскихъ общинъ. Избирателями были, всѣ достигшіе 21-го года собственники, ксендзы, профессора, учители, ученые, артисты. Избираться могли только лица, платящія налогъ въ сто злотыхъ,т. е. въ пятнадцать рублей, по достиженіи 30-ти лѣтняго возраста. Въ сенаторы назначались платящіе подать въ 2,000 злотыхъ, т. е. 300 р., и въ возрастѣ не менѣе 35-ти лѣтъ. Сенаторы назначались государемъ пожизненно. Сеймъ долженъ былъ созываться каждые два года на срокъ 30-ти дней. Ему не предоставлено было законодательной иниціативы, но онъ могъ дѣлать общія представленія о своихъ пожеланіяхъ. Всѣ законопроекты обязательно должны были проходить черезъ сеймъ, и если проектъ закона одобрялся обѣими палатами, то поступалъ на утвержденіе государя, если же онъ не одобрялся сеймомъ, то не могъ быть утвержденъ, т. е., другими словами, сейму принадлежало дѣйствительное участіе въ законодательной власти.

Конституція обезпечивала свободу печати, свободу личности; члены сейма въ періодъ сессіи были неприкосновенны.

Первый сеймъ созванъ былъ въ Варшавѣ въ началѣ 1818 г. Императоръ Александръ открылъ его лично такою рѣчью на французскомъ языкѣ: „Представители царства Польскаго!.. Организація, существовавшая въ вашемъ краѣ, дозволила мнѣ ввести немедленно ту, которую я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій, и которыхъ спасительное вліяніе надѣюсь я распространить, при помощи Божіей, на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ, вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей цѣли... Докажите вашимъ современникамъ, что свободныя по-

становленія, коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ ученіемъ, угрожавшимъ въ наше время бѣдственнымъ паденіемъ общественному устройству, не суть мечта опасная, но что, напротивъ, таковыя постановленія, когда приводятся въ исполненіе по правотѣ сердца и направляются съ чистымъ намѣреніемъ къ достиженію полезной и спасительной для человѣчества цѣли, совершенно согласуются съ порядкомъ и общимъ содѣйствіемъ утверждаютъ истинное благосостояніе народовъ. Вамъ принадлежитъ нынѣ на опытѣ явить сію великую и спасительную истину...

„Послѣдствія вашихъ трудовъ въ семъ первомъ собраніи покажутъ мнѣ, чего отечество должно ожидать отъ вашей преданности къ нему и привязанности вашей ко мнѣ,—покажутъ, могу ли я, не измѣняя своимъ намѣреніямъ, распространить то, что уже мною для васъ совершено“.

Когда черезъ мѣсяцъ сеймъ закончилъ свои дѣла, на его закрытіе Александръ опять явился лично и опять произнесъ рѣчь. Сеймъ отвергъ, между прочимъ, одинъ изъ законопроектовъ, представленныхъ ему правительствомъ, и императоръ Александръ говорилъ: „Изъ предложенныхъ вамъ проектовъ законовъ только одинъ не одобренъ большинствомъ голосовъ обѣихъ палатъ. Внутреннее убѣжденіе и прямодушіе руководили симъ рѣшеніемъ; мнѣ оно пріятно, потому что вижу въ немъ независимость вашихъ мнѣній. Свободно избранные должны и разсуждать свободно... Только собраніе, такимъ образомъ учрежденное, можетъ сохранить за правительствомъ увѣренность, что оно даруетъ народу законы, польза которыхъ подтверждается истинными его потребностями.... Поляки! я дорожу выполненіемъ моихъ намѣреній. Они вамъ извѣстны“.

Приведенныя выдержки изъ рѣчей императора Александра показываютъ намъ хорошо, съ какими цѣлями, въ какомъ настроеніи вводилъ онъ въ царствѣ Поль-

скомъ конституцію, насколько онъ былъ склоненъ въ это время къ „законно-свободнымъ“, представительнымъ учрежденіямъ. И въ рѣчи при открытіи сейма Александръ опредѣленно высказалъ, что онъ намѣренъ распространить законно-свободныя учрежденія на всѣ страны, которыя ввѣрены Провидѣніемъ его попеченію, т. е., что онъ намѣренъ дать Россіи конституцію.

Само по себѣ введеніе конституціоннаго строя въ Польшѣ и открытіе въ Варшавѣ перваго съѣзда сейма не могли пройти незамѣченными въ русскомъ обществѣ, а разъ эти событія были еще связаны съ открытымъ, громкимъ заявленіемъ Александра объ его намѣреніи ввести представительное правленіе по всей Россіи, они не могли не вызвать извѣстнаго возбужденія, оживленныхъ толковъ, не создать надеждъ и опасеній.

Карамзинъ, хотя онъ, подобно Александру I, считалъ себя „республиканцемъ въ душѣ“, не былъ доволенъ заявленіями варшавской рѣчи. Онъ писалъ Дмитріеву: „Варшавскія новости сильно дѣйствуютъ на умы молодые. Я радъ всему хорошему, но только хорошему“. „Варшавскія рѣчи,—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ,—сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ. Спятъ и видятъ конституцію, судятъ, рядятъ; начинаютъ и писать—въ *Сынѣ Отечества*, въ рѣчи Уварова; иное уже вышло, другое готовится. И смѣшно, и жалко. Но будетъ, чему быть. Знаю, что государь желаетъ добра; все зависитъ отъ Провидѣнія“. С. А. Уваровъ, впослѣдствіи графъ и министръ народнаго просвѣщенія, а тогда попечитель учебнаго округа, произнесъ рѣчь въ педагогическомъ институтѣ, въ которой отозвался сочувственно на конституціонныя заявленія варшавской рѣчи Александра. Въ *Сынѣ Отечества* извѣстный профессоръ Куницынъ напечаталъ свою статью о конституціи и затѣмъ подробный разборъ рѣчи Уварова.

Въ Варшавѣ въ это время при Новосильцовѣ слу-

жилъ кн. П. А. Вяземскій, на сестрѣ котораго былъ женатъ Карамзинъ. Вяземскому было поручено перевести на русскій языкъ конституцію и затѣмъ тронныя рѣчи Александра. Въ письмахъ Карамзина къ Вяземскому мы находимъ упреки за особенности перевода. Такъ, Карамзинъ недоволенъ словомъ „законносвободный“; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказывался отрицательно по отношенію къ освободительнымъ стремленіямъ какъ Александра, такъ и общества. Но эти взгляды Карамзина не встрѣтили сочувствія во Вяземскомъ; онъ былъ увлеченъ конституціонными планами, стоялъ за нихъ не потому, что такъ или иначе призванъ былъ къ сотрудничеству въ этомъ дѣлѣ, а потому, что онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ представительнаго правленія.

Въ 1818 г., въ апрѣлѣ, онъ писалъ А. И. Тургеневу изъ Варшавы во время засѣданія польскаго сейма: „Время здѣсь самое интересное... Воля Николая Михайловича (т. е. Карамзина), а нельзя не пожелать, чтобы и на нашей улицѣ праздникъ былъ. Что за дѣло, что теперь мало еще людей! Что за дѣло. что сначала будутъ врать! Люди родятся и выучатся говорить. А теперь развѣ не врутъ въ совѣтѣ? И зачѣмъ имъ не врать съ одобренія начальства?Ври съ Богомъ! Слушать нечего, да и некому; но когда явятся нѣсколько сотенъ ушей, хотя подчасъ и ослиныхъ, то поневолѣ обдумаешь, чтó скажешь и чтó дѣлать хочешь. Къ тому же общее мнѣніе въ какомъ бы то обществѣ ни было не можетъ остаться криво: при первомъ случаѣ оно распрямится. Умъ хорошо, а два лучше, говоритъ пословица: пусть будетъ она девизомъ конституціи“.

О тѣхъ же варшавскихъ событіяхъ Вяземскій писалъ другому брату Тургеневу, Николаю: „...Правительство должно всегда идти на встрѣчу къ общему мнѣнію, а не дожидаться, чтобы оно разбѣжалось и

сшибло съ ногъ. Впрочемъ, рѣчь государя, у насъ читанная, кажется, должна быть закуской передъ приготовленнымъ пиромъ. Я стоялъ въ двухъ шагахъ отъ него, когда онъ произносилъ ее, и слезы были у меня на глазахъ отъ радости и отъ досады: зачѣмъ говорить полякамъ о русскихъ надеждахъ? Дѣти ли мы, съ которыми говорить нельзя? Тогда нечего и думать о насъ. Боится ли онъ слишкомъ рано проговориться? Но развѣ слова его не дошли до Россіи?... Какъ бы то ни было, государь былъ великъ въ эту минуту".

Варшавская рѣчь государя была „закуской", и дѣйствительно, въ это время готовился общій „пиръ". Къ приготовленію его былъ привлеченъ и Вяземскій. Александръ поручилъ Новосильцову, одному изъ членовъ „комитета общественнаго спасенія", составить проектъ конституціи для Россіи; Новосильцеву въ этомъ трудѣ помогалъ французскій юристъ Дешанъ, а кн. Вяземскому поручено было редактировать по-русски. Результатомъ этой работы была „Государственная Уставная Грамота Россійской Имперіи". Она была готова еще въ 1818 году. Изложу ее содержаніе.

„Основанія державной власти и образа дѣйствія оной,—говорится въ одной изъ начальныхъ статей грамоты, — опредѣляются сею государственною уставною грамотой, жалуемою нами любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ на вѣчныя времена". Державная власть нераздѣльна, она сосредоточена въ лицѣ монарха, который есть единственный источникъ всѣхъ властей въ имперіи, гражданскихъ, военныхъ, законодательныхъ, политическихъ; ему принадлежитъ право войны и мира, заключеніе договоровъ, предводительство военными и морскими силами, назначеніе пословъ, назначеніе на всѣ мѣста управительныя и судебныя, право помилованія и пр... Но законодательной власти государя содѣйствуетъ государственный сеймъ, на основаніи уставной грамоты и особыхъ учрежденій". Государь располагаетъ дохо-

дами государства сообразно съ утвержденными росписями. Общіе законы постановляются государемъ при содѣйствіи общаго государственнаго сейма, особенные или мѣстные законы постановляются государемъ при содѣйствіи сеймовъ намѣстническихъ.

Особая глава государственной уставной грамоты говоритъ о „ручательствахъ державной власти". Хотя православная вѣра остается господствующей навсегда, но различіе христіанскихъ вѣроисповѣданій не производитъ никакихъ различій въ правахъ гражданскихъ и политическихъ. Законъ безъ всякаго различія покровительствуетъ равно всѣмъ гражданамъ. Всякое самоуправное задержаніе вмѣняется въ преступленіе, подвергающее наказанію, означенному въ уголовномъ правѣ. Взятому подъ стражу должно немедленно объявить причину его задержанія. Никто не долженъ быть наказанъ иначе, какъ въ силу закона, постановленнаго и обнародованнаго до содѣланнаго преступленія, и по приговору того суда, которому онъ принадлежитъ. Свобода тисненія обезпечивается. „Да будетъ россійскій народъ отнынѣ и навсегда имѣть народное представительство". Оно должно состоять въ государственномъ сеймѣ (государственной Думѣ), составленномъ изъ государя и двухъ палатъ. Первую подъ именемъ высшей палаты, а вторую подъ именемъ посольской палаты составляютъ земскіе послы и депутаты окружныхъ городскихъ обществъ.

Государственный сеймъ раздѣляется на частные сеймы намѣстническихъ областей. Все Россійское государство, со всѣми владѣніями, присоединенными къ нему подъ какимъ бы то наименованіемъ ни было, раздѣляется на большія области, называемыя намѣстничествами.

Сеймы намѣстническихъ областей состоятъ изъ государя и двухъ палатъ. Высшая палата образуется изъ департамента сената, пребывающаго въ намѣстничествѣ, а нижняя палата состоитъ изъ земскихъ пословъ и го-

родскихъ депутатовъ. Послы земскіе избираются на дворянскихъ собраніяхъ каждаго уѣзда по три человѣка, и изъ нихъ двѣ трети, т. е. два человѣка, назначаются государемъ въ составъ сейма. Посломъ можетъ быть выбранъ только тотъ, кто достигъ уже 30-ти лѣтъ, пользуется правами гражданина и платитъ поземельныя и всякія другія подати не менѣе извѣстной суммы, опредѣленной по закону для каждаго намѣстничества. Избирателемъ на дворянскомъ собраніи можетъ быть только лицо, достигшее уже 25-ти лѣтъ, записанное въ дворянскую книгу своего уѣзда и владѣющее недвижимымъ имѣніемъ. Хотя въ грамотѣ нѣтъ прямого указанія, но, очевидно, дворянское собраніе должно выбирать пословъ только изъ своей среды.

Кромѣ земскихъ пословъ, въ посольскую палату намѣстничества входятъ депутаты городскихъ обществъ. Пассивное избирательное право для депутатовъ опредѣляется такъ же, какъ и для пословъ, а избирателями въ городахъ могутъ быть: 1) настоящіе обыватели города, имѣющіе въ немъ дома или другія строенія, мѣста или земли, равно какъ и обыватели не изъ дворянъ, жительствующіе внѣ города, но въ томъ же уѣздѣ и имѣющіе въ семъ уѣздѣ домъ или другую недвижимую собственность; 2) всѣ состоянія, извѣстныя подъ именемъ именитыхъ гражданъ, какъ-то, ученые, имѣющіе академическіе или университетскіе аттестаты, художники трехъ главныхъ художествъ: архитектуры скульптуры и живописи,—банкиры, капиталисты и кораблехозяева; 3) купцы первыхъ двухъ гильдій и 4) цеховые мастера. Евреи отъ выборовъ исключаются. Право голоса имѣетъ только достигшій 25 лѣтъ, записанный въ градскую книгу. Депутатовъ избирается трое; двухъ изъ нихъ государь назначаетъ въ составъ сейма.

Государственный сеймъ состоитъ также изъ двухъ палатъ: верхняя палата—столичный департаментъ сената, дополненный сенаторами, для того государемъ

назначенными; нижняя палата, подъ названіемъ палаты земскихъ пословъ, составляется изъ половиннаго числа пословъ и депутатовъ по назначенію государя изъ числа выбранныхъ всякою посольскою намѣстническою палатою изъ своей среды.

Что касается полномочій государственнаго сейма, то они опредѣляются такъ: „Общій государственный сеймъ, по сообщенію отъ имени государя черезъ государственный совѣтъ, разсматриваетъ всѣ проекты законовъ гражданскихъ, уголовныхъ и по части управительной, коихъ дѣйствіе распространяется на всю имперію. Онъ разсуждаетъ по предложеніямъ, вносимымъ по высочайшему повелѣнію, о прибавленіи и уменьшеніи налоговъ, податей, сборовъ и всякаго рода общественныхъ повинностей, объ удобнѣйшихъ и справедливѣйшихъ раскладкахъ, объ уравненіи налоговъ и податей по всему государству по мѣрѣ силы и возможности каждой намѣстнической области, о составленіи главнаго расписанія доходовъ и расходовъ (бюджетъ) на основаніи представленныхъ ему на разсмотрѣніе частныхъ расписаній доходовъ и расходовъ, составленныхъ въ каждой области намѣстничества, равно какъ и о всѣхъ другихъ предметахъ, на разсужденіе по волѣ государя ему отсылаемыхъ. Наконецъ, общій сеймъ разсматриваетъ наказы земскимъ посламъ, дѣлаетъ изъ сихъ наказовъ самое точное извлеченіе и представляетъ обо всѣхъ заявленныхъ прошеніяхъ и нуждахъ государю императору на его усмотрѣніе. Общій отчетъ о состояніи государства, составленный въ государственномъ совѣтѣ, разсматривается въ совокупленныхъ палатахъ. Отъ воли государя зависитъ вносить проекты въ сенатъ или въ посольскую палату. Изъ сего исключаются проекты законовъ финансовыхъ, которые имѣютъ быть предварительно вносимы въ палату земскихъ пословъ. Проектъ, принятый одной палатою, не можетъ быть преобразованъ другою: онъ долженъ быть просто принятъ ею

или отвергнуть. Проектъ, принятый обѣими палатами, подносится на утвержденіе государю. Ежели государь утверждаетъ его, то онъ обращается въ законъ и обнародывается по учрежденному порядку. Если же государь не соблаговолитъ его утвердить, то проектъ уничтожается.

Постановка дѣла въ намѣстническихъ сеймахъ въ общемъ такая же, но только они разсматриваютъ мѣстные законы, мѣстные налоги и только тѣ изъ общихъ проектовъ, которые будутъ имъ переданы по распоряженію государя.

Вотъ вкратцѣ содержаніе государственной уставной грамоты, составленной Новосильцовымъ въ 1818 г., поскольку она касается собственно народнаго представительства. Недавно въ литературѣ было высказано мнѣніе, что съ исторической точки зрѣнія проектъ этотъ представляется для своего времени либеральнымъ, что онъ стоялъ на высотѣ тогдашней конституціонной теоріи и практики. Съ этимъ отзывомъ нельзя согласиться. Проектъ Новосильцова очень близокъ во многомъ къ польской конституціи 1815 г., заимствуетъ изъ нея даже многіе термины, но онъ ниже польской конституціи и еще ниже проекта Сперанскаго. Какъ и у Сперанскаго народное представительство здѣсь является не совѣщательнымъ органомъ, а участникомъ въ законодательной власти; но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ права народнаго представительства и по разсмотрѣнію законовъ, и по отчетности, и по бюджету въ проектѣ Новосильцова значительно скромнѣе, менѣе опредѣленны. Еще существеннѣе разница между этими двумя проектами въ организаціи представительства. У Сперанскаго цензъ имущественный ниже, чѣмъ у Новосильцова, не поставленъ въ такія опредѣленныя нормы; выборы у него не сословные, крестьяне имѣютъ въ нихъ опредѣленное участіе; у Новосильцова выборы поставлены на сословную почву, а крестьяне совершенно отъ нихъ устранены.

Въ этомъ отношеніи проектъ Новосильцова не только ниже плана Сперанскаго, но и ниже избирательной системы, установленной Екатериною для ея коммиссіи. Что, однако, особенно невыгодно отличаетъ проектъ Новосильцова, это—введенное имъ условіе, парализующее смыслъ и значеніе народнаго представительства: избиратели избираютъ не представителей, а только кандидатовъ, и уже по высочайшему назначенію призываются представителями двѣ трети или половина числа кандидатовъ.

За то въ одномъ отношеніи проекту Новосильцова надо воздать полную хвалу. Если у Сперанскаго есть то достоинство, что онъ даетъ цѣльную систему самоуправленія — съ низу и до верху, то Новосильцовъ пошелъ въ этомъ направленіи еще дальше; по его проекту Россія дѣлится на области, намѣстничества, имѣющія свое собственное законодательное представительство. Это есть установленіе столь важнаго по историческимъ, этнографическимъ и бытовымъ условіямъ Россіи федеративнаго начала.

Кн. Вяземскій, о нѣкоторомъ участіи котораго въ въ дѣлѣ сказано выше, въ своей „Исповѣди" знакомитъ насъ съ общимъ ходомъ дѣла. „Вступленіе мое,— говоритъ онъ,—такъ сказать, въ новую сферу, новыя надежды, которыя открывались Россіи въ рѣчи государевой, характеръ Новосильцова, льстивые успѣхи, ознаменовавшіе мои первые шаги, все вмѣстѣ дало еще живѣйшее направленіе моему образу мыслей, преданныхъ началу законной свободы, началамъ конституціоннаго монархическаго правленія, которое я всегда почиталъ надежнѣйшимъ залогомъ благоденствія общаго и частнаго, надежнѣйшимъ кормиломъ царей и народовъ. Въ слѣдъ за этимъ порученъ мнѣ былъ переводъ на русскій языкъ польской хартіи и дополнительныхъ къ ней уставовъ образовательныхъ. Спустя нѣсколько времени поручено было Новосильцову Госу-

даремъ Императоромъ составить проектъ конституціи для Россіи"... Какъ уже было говорено выше, переложеніе ея французской редакціи было поручено Вяземскому, который дальше говоритъ: „Не помню когда, но проектъ, у насъ составленный, былъ поднесенъ Государю. Въ пріѣздъ мой въ Петербургъ, въ лѣто 1819 г. имѣлъ я счастіе быть у Государя Императора въ кабинетѣ его на Каменномъ островѣ. Велѣно мнѣ было пріѣхать въ четыре часа послѣ обѣда за письмомъ Н. Н. Новосильцову. Государь говорилъ со мною болѣе получаса. Сначала разспрашивалъ онъ меня о Краковѣ, куда я незадолго передъ тѣмъ ѣздилъ, изъяснялъ и оправдывалъ свои виды въ разсужденіи Польши, національности, которую хотѣлъ сохранить въ ней, говоря, что мѣры, принятыя императрицею Екатериною при завоеваніи польскихъ областей, были бы теперь несогласны съ духомъ времени; отъ политическаго образованія, даннаго Польшѣ, перешелъ государь къ преобразованію политическому, которое готовитъ Россіи; сказалъ, что знаетъ участіе мое въ редакціи проекта русской конституціи, что доволенъ нашимъ трудомъ, что привезетъ съ собою доставленныя бумаги въ Варшаву и сообщитъ критическія замѣчанія свои Новосильцову, что надѣется привести непремѣнно это дѣло къ желаемому окончанію, что на эту пору одинъ недостатокъ въ деньгахъ, потребныхъ для подобнаго оборота, замедляетъ приведеніе въ дѣйствіе мысль, для него священную, что онъ знаетъ, сколько преобразованіе сіе встрѣтитъ затрудненій, препятствій, противорѣчія въ людяхъ, коихъ предубѣжденія, легкомысліе приписываютъ симъ политическимъ правиламъ многія бѣдственныя событія современныя, когда при безпристрашнѣйшемъ изслѣдованіи люди сіи легко могли бы убѣдиться, что сіи безпорядки проистекаютъ отъ причинъ совершенно постороннихъ. Предоставляю судить, какими сѣменами подобныя слова должны были опло-

дотворить сердце, уже раскрытое политическимъ надеждамъ, которыя съ того времени освятились для меня державною властью“...

Но надеждамъ, которыя возбуждены были въ обществѣ и которыя поддерживались такъ долго самимъ Александромъ, не суждено было сбыться. Государственная уставная грамота Россійской имперіи осталась проектомъ; желанное окончаніе опять не осуществилось. Россія вмѣсто конституціи получила—военныя поселенія.

Однако проектъ Новосильцова, несмотря на всѣ свои недостатки, имѣлъ важное значеніе. Онъ свидѣтельствовалъ, какъ долго Александръ I держался конституціонныхъ убѣжденій, и значеніе проекта увеличилось тѣмъ, что онъ былъ такъ близокъ къ осуществленію. Когда въ 1830 году, во время польскаго возстанія, временное польское правительство нашло въ бумагахъ Новосильцова его проектъ конституціи и напечатало его, это сильно встревожило императора Николая Павловича. Онъ узналъ объ этомъ изъ донесенія послѣ занятія Варшавы и писалъ кн. Паскевичу: „Напечатаніе сей бумаги крайне непріятно: на 100 человѣкъ, находящихся нашихъ офицеровъ, 90 прочтутъ, не поймутъ или презрятъ, но 10 оставятъ въ памяти, обсудятъ и главное—*не забудутъ*. Это пуще всего меня безпокоитъ“. Государь велѣлъ скупить все, что отъ изданія осталось въ магазинахъ, и уничтожить. Такимъ образомъ, было скуплено 1,578 экземпляровъ конституціи, которые и были отосланы изъ Варшавы въ Москву, гдѣ въ то время находился Николай I, и туда же была ему доставлена отысканная подлинная рукопись, съ которой печаталось изданіе. Судьбу присланныхъ книгъ можно было предвидѣть: генералъ-адъютантъ Адлербергъ писалъ московскому коменданту, что по высочайшему повелѣнію имъ двумъ поручено присутствовать при сожженіи 1,578 экземпляровъ „од-

пого сочиненія, распространеніе коего по содержанію своему не можетъ быть допущено". Такимъ образомъ, Адлербергъ даже старику-коменданту не рѣшился назвать опасное сочиненіе. Во всеподданнѣйшемъ же докладѣ онъ писалъ, что два запечатанныхъ ящика, содержавшихъ 1,578 экземпляровъ „такъ-называемой русской конституціи" на арсенальномъ дворѣ сожжены.

Вполнѣ понятно, что Николай I считалъ непозволительнымъ распространеніе изданія, которое такъ опредѣленно указывало на освободительныя намѣренія, на конституціонныя убѣжденія Александра I, благоговѣйнымъ продолжителемъ котораго провозглашалъ себя его преемникъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Конституціонные проекты декабристовъ.

Александръ I вступилъ на престолъ, какъ мы видѣли, съ самымъ, казалось, твердымъ убѣжденіемъ въ необходимости оградить Россію отъ деспотизма правительства, съ опредѣленнымъ намѣреніемъ дать ей законно-свободныя представительныя учрежденія. Мы видѣли, что конституціонныя стремленія Александра I не были быстро преходящимъ увлеченіемъ, они шли черезъ многіе годы, опредѣленно проявляясь даже во вторую половину царствованія, во время усилившейся уже реакціи въ его настроеніи и въ его политикѣ. Александръ I и близкіе ему люди проповѣдывали принципы представительнаго правленія, конституціоннаго строя, составляли разработанные проекты конституціи для Россіи. Понятно, какъ это настроеніе, эти планы и подготовительныя дѣйствія освободительнаго направленія — должны были вліять и на ближайшіе круги и на болѣе отдаленные, на все русское общество, поскольку оно узнавало о проектахъ Александра. Проекты эти далеко не были тайной, и смыслъ ихъ поддерживался цѣлымъ рядомъ практическихъ мѣръ, принятыхъ въ первые годы Александромъ, чтобы непосредственно смягчить тяжелые слѣды предшествовавшаго гнета. Мы видѣли, какое впечатлѣніе на кн. П. А. Вяземскаго произвелъ разговоръ императора Александра на конституціонныя темы. Собесѣдникъ государя чувствовалъ, что его собственныя конституціонныя стремленія получили ободреніе со стороны державной власти. И такое ободреніе державной власти чувствовалось

всѣмъ русскимъ обществомъ въ политическихъ вопросахъ общаго характера: дѣйствія и намѣренія правительства ободряли, поощряли освободительныя стремленія въ самомъ обществѣ. А эти стремленія и такъ должны были сказываться съ особенной силой въ русскомъ обществѣ въ началѣ прошлаго вѣка.

Не одинъ лишь наслѣдникъ престола, великій князь Александръ Павловичъ, укрѣпился въ своихъ конституціонныхъ взглядахъ подъ вліяніемъ безграничнаго произвола, какой господствовалъ при Павлѣ I, не одинъ лишь Александръ убѣдился въ эти годы въ необходимости измѣнить государственный строй Россіи, гарантировать безопасность и права личности, установить представительное правленіе. Несомнѣнно, такое же именно вліяніе царствованіе Павла должно было оказать если не на все русское общество, то на всю мыслящую его часть. Мы видѣли, что по вступленіи на престолъ Александра очень многія правительственныя лица составляли свои проекты и предположенія объ измѣненіи государственнаго строя. Подобное же настроеніе было и въ другихъ слояхъ общества, какъ это можно судить и по литературѣ того времени, и по другимъ матеріаламъ.

Но и помимо вліянія рѣзкаго деспотизма при императорѣ Павлѣ, помимо вліянія правительственнаго освободительнаго настроенія при Александрѣ, русское общество въ силу цѣлаго ряда условій направлялось на задачи общей политики, въ немъ развивались запросы политическаго освобожденія, интересы къ государственнымъ вопросамъ, стремленія къ преобразованію государственнаго строя на основахъ представительства.

Русское общество второй половины XVIII вѣка отражало въ себѣ направленія европейской политической мысли; оно въ значительной степени подчинилось вліянію французской философіи просвѣщенія. Это вліяніе проводилось чрезъ литературу и черезъ учителей-иностранцевъ, которые играли тогда большую роль въ обу-

ченіи и воспитаніи въ русскихъ дворянскихъ семьяхъ. Подъ конецъ своего царствованія Екатерина, прежде покровительствовавшая просвѣтительной философіи, стала подъ вліяніемъ французской революціи относиться къ ней враждебно и стѣснила пути ея проникновенія къ намъ—литературное вліяніе и заграничныя путешествія,—и эти стѣсненія еще усилились въ царствованіе ея сына; но наряду съ этимъ не сократился, а окрѣпъ и развился третій способъ пропаганды просвѣтительныхъ идей—черезъ учителей-иностранцевъ. Если въ до-революціонный періодъ учителя-французы являлись въ Россіи распространителями началъ просвѣтительной философіи, то это не ослабѣло, а еще усилось со времени революціи. Революція погнала изъ Франціи одну за другой волны эмиграціи, и эти волны черезъ всю Евпропу докатились до Россіи. Первая волна состояла изъ эмигрантовъ-легимитистовъ, которые шли изъ Франціи съ проклятіями на устахъ и противъ революціи, и противъ вызвавшей ее, какъ имъ казалось, просвѣтительной литературы; и тѣмъ не менѣе, эти эмигранты были сами настолько проникнуты новыми освободительными идеями, что невольно были распространителями и проводителями тѣхъ началъ, противъ которыхъ они протестовали, отъ примѣненія которыхъ они спасались бѣгствомъ. Дѣло на этомъ не остановилось. Ходъ событій во Франціи осложнялся, получалъ все болѣе и болѣе крайнее направленіе и гналъ изъ Франціи приверженцевъ революціи въ ея первоначальныхъ стадіяхъ. Наконецъ, во Франціи началась контръ-революція, въ изгнаніе пошли сторонники и дѣятели республики. И всѣ эти новыя, и новыя волны эмиграціи принимались въ Европѣ и въ Россіи очень охотно; во всѣхъ эмигрантахъ по привычкѣ видѣли жертвы революціи. И у насъ послѣдовательно становились учителями, наставниками юношества, сторонники легитимизма, сторонники конституанты, сторонники конвента, жертвы краснаго и

бѣлаго террора... Напомню только тотъ извѣстный фактъ, что въ царскосельскомъ лицеѣ учителемъ французскаго языка былъ родной братъ Марата, восхвалявшій лицеистамъ великія достоинства „Друга народа“.

Если въ концѣ XVIII вѣка были затруднены путешествія русскихъ за границу, то въ началѣ XIX вѣка не только были отмѣнены эти стѣсненія, но историческія обстоятельства сложились такъ, что „путешествіе за границу“ выпало на долю не отдѣльныхъ русскихъ, не десятковъ лицъ, а сотенъ тысячъ.

Гроза 1812 года возбудила глубокое патріотическое чувство во всемъ народѣ, во всѣхъ слояхъ его. Русское общество было выбито изъ области своихъ повседневныхъ мелкихъ интересовъ и призвано къ подвигу защиты отечества. Общественное мнѣніе и общественное чувство были настроены въ высокомъ тонѣ, и на ряду съ призывомъ къ защитѣ родины отъ угрожавшаго ей бѣдствія передъ русскимъ сознаніемъ выступали впередъ внутреннія неустройства, общее зло, отъ котораго страдала Россія. И вотъ, представителямъ русскаго народа, такъ высоко и чутко настроеннаго, какъ разъ въ это время пришлось подвергнуться вліянію третьяго способа пропаганды началъ французской философіи: въ прежнее время за границу ѣздили отдѣльные русскіе, иногда небольшія ихъ группы, командированныя правительствомъ съ тою или другою учебною цѣлью; теперь такое заграничное путешествіе сдѣлали нѣсколько сотъ тысячъ русскихъ разныхъ классовъ и разнаго положенія. Наша армія прошла Европу изъ конца въ конецъ, останавливаясь надолго въ разныхъ мѣстахъ; возбужденная совершеннымъ подвигомъ отечественной войны, возбужденная новымъ совершаемымъ подвигомъ—освобожденія Европы, русская армія не могла не быть особенно воспріимчивой ко всему, что̀ она видѣла, наблюдала въ Европѣ, во Франціи, къ тому, что̀ она тамъ слышала: — тутъ, такъ сказать, теорія и

практика поддерживали другъ друга. Несомнѣнно, какъ отечественная война 1812 г., такъ и послѣдовавшіе за нею продолжительные заграничные походы оказали глубокое вліяніе на нашу военную молодежь, а черезъ нее и на настроеніе всего русскаго общества, и на его направленіе. У насъ есть многочисленныя свидѣтельства современниковъ о томъ, какая перемѣна, какое, можно сказать, перерожденіе произошли въ нашемъ обществѣ послѣ походовъ 1812—1814 гг.

Патріотическое возбужденіе не могло сразу улечься, выдохнуться. И оно искало себѣ выхода въ работѣ надъ устраненіемъ внутреннихъ бѣдъ, значеніе которыхъ стало для многихъ такъ ясно, благодаря вышеуказаннымъ условіямъ. Сами собою выдвигались двѣ основныя задачи: освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и преобразованіе нашего государственнаго строя. Вотъ происхожденіе и смыслъ, содержаніе того знаменательнаго движенія, которое охватило все русское общество послѣ 1812—1814 гг. Между тѣмъ правительство, которое само выдвигало тѣ же двѣ задачи и тѣмъ содѣйствовало съ своей стороны, какъ мы знаемъ, извѣстному возбужденію общественнаго мнѣнія, дѣйствовало теперь по обоимъ вопросамъ болѣе чѣмъ медленно, а потомъ и вовсе перестало дѣйствовать для разрѣшенія поставленныхъ задачъ. Сначала правительство Александра I возбудило горячія надежды, потомъ эти надежды все слабѣли и слабѣли и, наконецъ, смѣнились убѣжденіемъ, что отъ правительства ждать нечего. Такое отношеніе къ правительству, несомнѣнно, оправдывалось дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ: эта перемѣна общественнаго настроенія вполнѣ соотвѣтствовала тому различію, какое было между Александромъ, предсѣдательствовавшимъ въ „комитетѣ общественнаго спасенія“, и Александромъ, передавшимъ всѣ внутреннія дѣла въ руки Аракчеева.

Ослабленіе преобразовательной дѣятельности, пре-

образовательныхъ плановъ правительства какъ-разъ совпало съ періодомъ возбужденія общественной мысли, общественнаго мнѣнія. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что это возбужденіе должно было принять оппозиціонный характеръ. Этого мало: по мѣрѣ увеличенія разочарованія, общественное движеніе, не находя себѣ выхода и удовлетворенія, должно было принять въ извѣстной своей части характеръ заговора противъ правительства, уйти въ тайныя общества.

Здѣсь я не буду слѣдить за развитіемъ и дѣятельностью этихъ тайныхъ обществъ, имѣвшихъ такое важное значеніе въ ходѣ и направленіи общественнаго движенія во вторую половину царствованія Александра. Для нашей задачи намъ нужно только остановиться на политическихъ планахъ, которые составлялись въ средѣ тайныхъ обществъ, среди будущихъ декабристовъ. Съ самаго начала образованія тайныхъ обществъ они имѣли въ виду переустройство нашего правительства на началахъ представительныхъ, конституціонныхъ. Вначалѣ эти принципы не выдвигались впередъ, а только подразумѣвались, но затѣмъ, по мѣрѣ развитія и укрѣпленія политическаго сознанія среди членовъ тайныхъ обществъ, конституціонные вопросы поставлены были съ полною широтою и опредѣленностью. Этимъ вопросамъ было посвящено много вниманія на совѣщаніяхъ членовъ. Позднѣе, на допросахъ во время слѣдствія многіе показывали, что преобразованіе Россіи въ представительное государство было главною цѣлью общества. Въ протоколѣ допроса Никиты Муравьева мы читаемъ: „Въ чемъ заключалась цѣль общества и какія мѣры хотѣли взять для достиженія оной?“ и отвѣтъ: „Цѣль общества была введеніе представительнаго правленія монархическаго. Средство достиженія сего было распространеніе представительныхъ понятій“. Въ показаніяхъ другого декабриста на вопросъ о цѣли общества мы читаемъ такой отвѣтъ: „Посредственныя и явныя цѣли общества измѣ-

нялись съ преобразованіемъ самого общества, но главная цѣль оставалась всегда одна: приготовить государство къ правленію представительному". Извѣстно, что и на сенатскую площадь 14-го декабря войска были выведены съ криками: „Да здравствуетъ конституція!" и что установленіе послѣдней и было задачей возстанія.

Такимъ образомъ, конституціонныя стремленія декабристовъ имѣли огромное значеніе и въ дѣятельности тайныхъ обществъ, и въ развитіи политическаго сознанія русскаго общества. Между тѣмъ наши свѣдѣнія вообще о конституціонныхъ проектахъ декабристовъ до сихъ поръ очень скудны и основывались отчасти на изложеніи ихъ въ оффиціальномъ донесеніи слѣдственной коммиссіи, завѣдомо неточномъ, а отчасти на позднѣйшихъ воспоминаніяхъ декабристовъ. Мы имѣемъ указанія на нѣсколько проектовъ конституціи, имѣвшихся у декабристовъ. Существовалъ проектъ, составленный Новиковымъ, племянникомъ извѣстнаго Н. И. Новикова, служившимъ управляющимъ канцеляріей малороссійскаго генералъ-губернатора; объ этомъ проектѣ намъ не извѣстны подробности: повидимому, проектъ этотъ былъ мало распространенъ и мало вліятеленъ; кромѣ него, было еще два проекта: одинъ былъ составленъ Пестелемъ и названъ имъ „Русская Правда"; онъ былъ разысканъ при слѣдствіи и теперь можетъ быть доступенъ изученію въ государственномъ архивѣ, но онъ сохранился въ неполномъ и черновомъ видѣ,—такъ что о „Русской Правдѣ" Пестеля точнаго и цѣльнаго понятія мы имѣть не можемъ. Третій проектъ конституціи былъ составленъ Никитою Муравьевымъ; слѣдователи напрасно разыскивали этотъ проектъ въ полномъ видѣ: ни у кого его не могли захватить, и всѣ, про кого было извѣстно, что они имѣли его, показывали, что онъ ими уничтоженъ. Только у Трубецкого нашли краткій проектъ конституціи, представлявшій одну изъ первыхъ редакцій проекта Никиты Му-

равьева. Такимъ образомъ, слѣдователи не имѣли полнаго проекта муравьевской конституціи, и знали ее только, главнымъ образомъ, по показаніямъ самого Муравьева. Но въ концѣ 1850 гг., уже по возращеніи декабристовъ изъ Сибири, въ бумагахъ Пущина, которыя онъ отдалъ на храненіе одному пріятелю еще до своего ареста, вечеромъ 14-го декабря, найдена рукопись конституціи Муравьева въ довольно поздней редакціи и въ довольно полномъ видѣ, хотя все-таки и здѣсь проектъ не законченъ. Но и въ такомъ видѣ рукопись эта представляется очень важной, въ высокой степени интересной. Если, какъ мы видѣли, конституціонные проекты декабристовъ имѣютъ особенное значеніе, если мы до сихъ поръ о нихъ ничего не находимъ въ печати и не имѣемъ достаточнаго матеріала даже въ государственномъ архивѣ, въ подлинныхъ дѣлахъ о декабристахъ, то понятно, насколько любопытна рукопись, сохраненная Пущинымъ: именно только въ ней мы находимъ наиболѣе полное изображеніе конституціонныхъ идей если не всѣхъ декабристовъ, то, по крайней мѣрѣ, членовъ Сѣвернаго Общества. Благодаря именно этой рукописи, мы можемъ теперь съ точностью судить о томъ, что такое это общество разумѣло подъ представительнымъ правленіемъ, къ которому оно стремилось, во имя котораго оно подняло знамя возстанія, какими условіями оно обставляло свои конституціонныя начала. На основаніи этой пущинской рукописи я и изложу здѣсь главныя положенія конституціи Никиты Муравьева.

Никита Михайловичъ Муравьевъ былъ однимъ изъ самыхъ и вліятельныхъ, и энергичныхъ дѣятелей Сѣвернаго Общества. Въ 1821 г. онъ принялся за составленіе проекта конституціи. Когда его проектъ былъ болѣе или менѣе законченъ, онъ получилъ широкое распространеніе, причемъ преслѣдовались двѣ цѣли: съ одной стороны, произведеніе Муравьева служило для

пропаганды представительныхъ идей, а съ другой, путемъ обмѣна мнѣній по поводу его между главными дѣятелями общества устанавливались опредѣленнѣе самыя основы конституціи. Изложу здѣсь въ главныхъ чертахъ проектъ Никиты Муравьева *).

Статья 1-я проекта гласитъ: „Русскій народъ, свободный и независимый, не есть и не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства", а по статьѣ 2-й: „Источникъ верховной власти есть народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя". Статья 3-я опредѣляетъ „гражданство": „Гражданство есть право опредѣленнымъ въ семъ уставѣ порядкѣ участвовать въ общественномъ управленіи: *посредственно*, т. е. выборомъ чиновниковъ или избирателей, *непосредственно*, т. е. быть самому избираемымъ въ какое-либо общественное званіе по законодательной, исполнительной или судебной власти". Граждане суть жители Россійской имперіи, которые пользуются правами, выше опредѣленными. Чтобы быть гражданиномъ, необходимы слѣдующія условія: не менѣе 21-го года возраста, извѣстное и постояное жительство, здравіе ума, личная независимость, исправность платежа общественныхъ повинностей, непорочность предъ лицомъ закона.

Въ главѣ о правахъ и обязанностяхъ русскихъ мы находимъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ постановленій. Всѣ русскіе равны передъ закономъ. Каждый обязанъ нести общественныя повинности, повиноваться законамъ и властямъ отечества и являться на защиту родины, какъ потребуетъ того законъ. Крѣпостное состояніе и рабство отмѣняются. Рабъ, прикоснувшійся землѣ русской, становится свободнымъ. Раздѣленіе между благородными и простолюдинами не принимается.

*) Излагаемый здѣсь проектъ конституціи Никиты Муравьева помѣщенъ ниже полностью въ приложеніи къ настоящей книгѣ.

Особою статьею устанавливается свобода печати съ отвѣтственностью въ опредѣленныхъ случаяхъ передъ судомъ присяжныхъ. Судъ присяжныхъ долженъ примѣняться ко всѣмъ тяжбамъ цѣнностью выше двадцати руб. Всякое уголовное дѣло производится передъ присяжными.

Личность неприкосновенна. Подозрѣваемый преступникъ можетъ быть взятъ подъ стражу, но въ 24 часа должно ему объявить письменно о причинѣ его задержанія, иначе онъ немедленно освобождается. Никто не можетъ быть наказанъ иначе, какъ въ силу закона, обнародованнаго до преступленія и правильно и законнымъ образомъ приведеннаго въ исполненіе. Законъ долженъ точно опредѣлить, какимъ чиновникамъ и при какихъ обстоятельствахъ предоставляется право давать письменныя приказанія, подъ строгой личной ихъ отвѣтственностью, о задержаніи гражданина, о домовомъ обыскѣ у него, о захватѣ его бумагъ, о распечатаніи его писемъ.

Проектъ признаетъ свободу союзовъ. Граждане имѣютъ право составлять всякаго рода общества и товарищества, не испрашивая о томъ ни у кого дозволенія или утвержденія, только бы дѣйствія общества не были противозаконны.

Гражданамъ принадлежатъ право жалобы и право петицій, обращаемыхъ или къ Императору, или къ мѣстнымъ собраніямъ.

Провозглашается полная свобода вѣроисповѣданій.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что проектъ Муравьева устанавливаетъ всѣ основныя права гражданина и человѣка: свободу совѣсти, свободу слова, свободу печати, право собраній, союзовъ, петицій, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища и корреспонденціи. Эти свободы и права должны служить необходимымъ основаніемъ для правильнаго дѣйствія политическаго представительства, и сами онѣ гаран-

тируются именно существованіемъ, дѣятельностью представительныхъ палатъ.

Теперь перейдемъ къ политической организаціи, предлагаемой проектомъ Никиты Муравьева.

Вся Россія дѣлится въ законодательномъ и исполнительномъ отношеніи на 13 державъ и двѣ области; державы и области дѣлятся на уѣзды или повѣты, уѣзды и повѣты—на волости. Въ судебномъ отношеніи Россія дѣлится на судебные округа, равные нынѣшнимъ губерніямъ.

Каждая держава имѣетъ свою державную столицу; это—слѣдующіе города: Гельсингфорсъ, Градъ св. Петра, Рига, Вильно, Смоленскъ, Кіевъ, Тифлисъ, Харьковъ, Ярославль, Казань, Саратовъ, Тобольскъ, Иркутскъ; столицы областей—Москва и Черкасскъ. Количество жителей въ державахъ различное. Расчетъ ведется только по жителямъ мужского пола, и такихъ жителей во всей Россіи считается 22,630,000, а въ отдѣльныхъ державахъ—отъ 250,000 (Ленская держава, съ Иркутскомъ) до 3,500,000 (Украинская держава, съ Харьковомъ). Въ каждой волости полагается жителей мужского пола отъ 500 до 1,500 человѣкъ.

Избирательная система по проекту Муравьева стройно охватывала всю жизнь страны сверху до низу, но система эта отличалась сложностью, различнымъ образомъ опредѣляя активное и пассивное избирательное право на различныхъ ступеняхъ выборовъ. Начнемъ съ волости.

Ежегодно въ каждой волости должны были происходить выборы волостнаго старѣйшины. „Въ выборѣ семъ участвуютъ всѣ граждане безъ изъятія и различія“. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ, можно сказать, примѣненіе всеобщаго избирательнаго права, такъ какъ въ понятіе гражданства входила безнедоимочность, но не входило никакого въ собственномъ смыслѣ ценза. Проектъ тутъ признаетъ полныя права и за кочевниками, котоые

вообще изъяты изъ общаго политическаго права. Для волостного старѣйшины тоже не указано никакихъ ограничительныхъ условій; очевидно, онъ можетъ быть избранъ просто изъ всѣхъ гражданъ: здѣсь условія активнаго и пассивнаго избирательнаго права совпадаютъ.

Слѣдующая ступень самоуправленія — уѣздъ или повѣтъ. Въ каждомъ уѣздѣ ежегодно происходятъ выборы тысяцкаго, но въ этихъ выборахъ участвуютъ уже не всѣ граждане, но только тѣ, которые владѣютъ недвижимымъ имѣніемъ въ 500 р. или движимымъ въ 1,000 р. Для тысяцкаго также устанавливается цензъ и притомъ уже очень высокій; тысяцкій долженъ имѣть имущество недвижимое въ 30,000 р. или движимое въ 60,000 р.

На обязанности тысяцкаго лежитъ веденіе двухъ списковъ: въ одномъ спискѣ помѣщаются всѣ граждане, владѣющіе недвижимымъ имѣніемъ цѣною не ниже 5,000, или же движимостью въ 10,000 р.; во второмъ спискѣ помѣщаются граждане, имѣющіе недвижимое имѣніе въ 30,000 р. или имѣющіе движимость въ 60,000 р. Граждане перваго списка могутъ быть присяжными и избирателями, а граждане втораго списка, пользуясь и этими правами, кромѣ того, могутъ быть избираемы въ члены Верховной Думы, въ правители державъ, въ тысяцкіе, въ члены державныхъ Думъ, въ члены державныхъ судовъ.

Итакъ, списокъ избирателей заключаетъ въ себѣ всѣхъ гражданъ, имѣющихъ цензъ въ недвижимости не ниже 5,000 р. или въ движимости не меньше 10.000 р. Этотъ цензъ въ десять разъ превышаетъ тотъ цензъ, какой требуется отъ избирателя на выборахъ тысяцкаго. Эти избиратели съ высокимъ цензомъ выбираютъ представителей въ палату и членовъ Думы всякой державы.

Каждый годъ въ послѣдній вторникъ сентября граж-

дане собираются на сходки въ установленномъ порядкѣ въ опредѣленныхъ мѣстахъ (всѣми выборами руководитъ тысяцкій со своими помощниками) и выбираютъ назначенное число выборныхъ въ державную палату и членовъ державной Думы. Послѣдніе при первомъ введеніи конституціи выбираются въ полномъ числѣ, но одна четвертая часть ихъ выходитъ черезъ годъ изъ состава Думы, такъ что затѣмъ ежегодно выбирается только одна четвертая часть державной Думы. Въ послѣдній вторникъ ноября мѣсяца каждый годъ собираются новоизбранные въ послѣдній вторникъ сентября выборные державной палаты, а въ послѣдній понедѣльникъ слѣдующаго ноября они окончательно расходятся, уступая мѣсто новоизбранному собранію.

Мы видѣли сейчасъ, что для избирателей предполагался довольно значительный имущественный цензъ; мы также видѣли, что для права быть избраннымъ въ члены державной Думы предполагался еще болѣе крупный цензъ; но о цензѣ для пассивнаго избирательнаго права въ державную палату нѣтъ никакихъ указаній; внѣ всякаго сомнѣнія, что избиратели могли выбрать въ палату представителя прямо изъ своей среды; можно даже думать,—мы сейчасъ это увидимъ,—что въ данномъ случаѣ пассивное избирательное право было шире активнаго, и для избранія въ державную палату не требовалось никакого ценза.

Все управленіе страной находится въ рукахъ выборныхъ. Волость выбираетъ ежегодно сама себѣ волостного старѣйшину: всѣ волостные старѣйшины одного уѣзда подчинены тысяцкому, котораго ежегодно выбираетъ уѣздъ. Управленіе державой—болѣе сложное: оно находится въ рукахъ правительственнаго собранія державы, которое состоитъ изъ двухъ палатъ,—палаты выборныхъ и державной Думы,—и начальника державы, избираемаго центральными представительными собраніями.

Правительственное собраніе каждой державы имѣетъ право: принимать постановленія, касающіяся внутренняго управленія державы, но постановленія эти должны быть сообразны съ основными законами; учреждать налоги для собственнаго управленія державы и составлять казну для потребностей оной, какъ-то: на мѣстныя дороги, на оплату чиновниковъ исполнительной и судебной власти, на расходы по правительственному собранію. Но общіе налоги на нужды, касающіяся всей Россіи, вѣдаются центральнымъ законодательнымъ собраніемъ; державное собраніе можетъ вѣдать всякаго рода общественныя заведенія, учебныя заведенія и пр.; ему, наконецъ, принадлежитъ право возбуждать вопросъ о пересмотрѣ конституціи.

То самостоятельное развитіе, какое проектъ Муравьева даетъ отдѣльнымъ державамъ, привело слѣдователей по дѣлу декабристовъ къ заключенію, что онъ хотѣлъ введенія федеративнаго строя, на подобіе Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Муравьевъ, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ въ своихъ замѣчаніяхъ на донесеніе слѣдственной комиссіи, имѣлъ въ виду только возможную децентрализацію и полное развитіе самостоятельнаго мѣстнаго самоуправленія, самостоятельнаго завѣдыванія и рѣшенія всѣхъ дѣлъ въ области мѣстныхъ пользъ и нуждъ. Тутъ все-таки, навѣрное, были слѣды изученія Муравьевымъ сѣверо-американской конституціи и извѣстное стремленіе поставить отдѣльныя области возможно болѣе самостоятельно. Мы видѣли, что прямое начало федеративнаго устройства можно видѣть и въ конституціи Новосильцова.

Во главѣ исполнительной власти державы стоитъ державный правитель, который выбирается на три года центральнымъ народнымъ собраніемъ изъ мѣстнаго списка кандидатовъ (съ повышеннымъ цензомъ). Не останавливаясь на его правахъ и обязанностяхъ, укажу лишь, что ему принадлежитъ начальствованіе надъ зем-

скимъ войскомъ своей державы; онъ не имѣетъ, однако, права безъ согласія правительственнаго собранія высылать это войско за предѣлы державы и не имѣетъ права употреблять земское войско противъ мѣстныхъ жителей, доколѣ правительственное собраніе не объявитъ въ державѣ военнаго положенія.

Перехожу къ главнѣйшей части проекта,—къ организаціи центральнаго представительства. Народное вѣче, состоящее изъ верховной Думы и палаты народныхъ представителей, облечено всею верховною властью.

Подобно тому, какъ управленіе державы организовано въ видѣ двухъ палатъ, такъ и центральное представительство, называемое народнымъ вѣчемъ, раздѣлено на двѣ палаты: первая—палата представителей, выбираемыхъ гражданами державъ на три года. Число представителей опредѣляется по расчету—одинъ на 50,000 жителей мужскаго пола; на первое время оно распредѣляется по державамъ въ самой же конституціи, и всего предположено 450 представителей, а затѣмъ число представителей мѣняется соотвѣтственно даннымъ народной переписи, которая должна производиться черезъ каждые десять лѣтъ.

Конституція Муравьева ничего не говоритъ о цензѣ для представителей: несомнѣнно, что представитель можетъ быть выбранъ изъ состава избирателей, т. е. при условіи ценза въ 5,000 р. въ недвижимомъ имѣніи или 10,000 въ движимомъ; но кромѣ того, мы имѣемъ еще статью, которая говоритъ, что для представителя, сверхъ общихъ условій гражданства, требуется только *довѣріе* большого числа избирателей, со слѣдующимъ, однако, исключеніемъ: иностранецъ, получившій русское подданство, не можетъ быть избранъ представителемъ раньше семи лѣтъ. И больше никакихъ ограниченій не указано. Въ виду этого можно думать, что пассивное избирательное право для выбора представителей распространялось на всѣхъ гражданъ, и мы можемъ отсюда

заключить, что такое же положеніе было и для выборовъ представителей въ державную палату, какъ объ этомъ было упомянуто выше.

Для представителя требуются еще два условія: онъ долженъ жить во время избранія въ избравшей его державѣ и не долженъ состоять подрядчикомъ на общественныя требы. Еще объ одномъ ограниченіи, также не стоящемъ въ связи съ цензомъ, будетъ сказано ниже.

Итакъ, палата представителей избирается непосредственно гражданами каждой державы. Члены же другой палаты, верховной Думы, избираются правительственными сословіями державъ, т. е. въ общемъ засѣданіи обѣихъ державныхъ палатъ. Какъ мы уже видѣли выше, для права быть избраннымъ въ члены верховной Думы надо имѣть высшій цензъ, въ 30,000 или въ 60,000 р. При введеніи конституціи члены верховной Думы избираются всѣ сразу, но затѣмъ одна треть ихъ мѣняется черезъ каждые два года, т. е. потомъ выборы будутъ на шесть лѣтъ, по одной трети числа членовъ Думы черезъ каждые два года. Число членовъ верховной Думы очень невелико: по два члена отъ каждой державы, два—отъ Московской области, одинъ—отъ Донской области, всего 42 человѣка.

Условія для права избранія въ члены верховной Думы таковы: кромѣ указаннаго ценза, нужно имѣть 30 лѣтъ возраста, 9 лѣтъ гражданства для иностранца и жительство во время избранія въ избирающей державѣ. И въ народные представители, и въ члены Думы не можетъ быть избранъ человѣкъ, на службѣ общественной находящійся; ни представитель народный, ни членъ верховной Думы въ теченіе того времени, на которое они избраны, не могутъ получить никакого служебнаго назначенія.

Члены Думы и народные представители получаютъ за каждый день, въ который они присутствуютъ

въ засѣданіи, по 5 р., и кромѣ того, они получаютъ при пріѣздѣ на сессію и при возвращеніи по 10 р. прогоновъ на каждыя сто верстъ пути.

Обѣимъ палатамъ предоставляется полная самостоятельность. Каждая изъ нихъ судитъ о законности избранія своихъ членовъ, каждая выбираетъ своего предсѣдателя и устанавливаетъ порядокъ своихъ занятій. Всякое предложеніе можетъ быть поднято въ той или другой палатѣ безразлично, за исключеніемъ вопросовъ, особо поименованныхъ. Принятое въ одной палатѣ передается въ другую. Принятое обѣими палатами поступаетъ на утвержденіе императора, который можетъ утвердить постановленіе палатъ или не утвердить. Въ первомъ случаѣ постановленіе получаетъ силу закона; во второмъ случаѣ оно возвращается съ возраженіями и замѣчаніями императора въ ту палату, которая первая приняла постановленіе; если палата эта не согласится съ возраженіями и приметъ прежнее постановленіе большинствомъ двухъ третей голосовъ, оно переходитъ въ другую палату, гдѣ оно также должно быть принято большинствомъ двухъ третей, и тогда оно становится закономъ. Проектъ, отвергнутый одною изъ палатъ, можетъ быть вновь представленъ только въ слѣдующую сессію народнаго вѣча.

Какъ сказано уже, предложенія могутъ быть дѣлаемы въ той или другой палатѣ безразлично. Но предложеніе новаго налога или набора ратниковъ должно быть разсмотрѣно прежде въ палатѣ представителей. Точно также палата представителей пользуется исключительнымъ правомъ предавать суду сановниковъ имперіи, а верховной Думѣ принадлежитъ право самого суда надъ ними. Послѣ того, какъ она признаетъ обвиняемаго виновнымъ и лишитъ его занимаемаго имъ званія или мѣста, онъ можетъ быть преданъ общимъ судебнымъ установленіямъ, суду присяжныхъ.

Народное вѣче имѣетъ власть постановлять и измѣ

нять законы судные и исполнительные, т. е.—1) издавать для Россіи Уложенія: гражданское, уголовное, торговое и военное, установить учрежденія по благочинію и правила по судопроизводству и внутреннему управленію присутственныхъ мѣстъ; 2) объявлять закономъ, въ случаѣ нашествія или возмущенія, что такая-то область находится на военномъ положеніи; 3) обнародовать законъ о всепрощеніи; 4) распускать правительственныя собранія державъ въ случаѣ, если бы они преступили предѣлы своей власти, назначать новые выборы; 5) объявлять войну (заключеніе мира предоставляется императору съ согласія одной верховной Думы); 6) устройство, содержаніе, управленіе, расположеніе, движеніе войскъ сухопутныхъ и морскихъ, система укрѣпленія предѣловъ, береговъ, пристаней, наборъ, пополненіе войскъ и внутренная стража зависятъ отъ узаконеній народнаго вѣча; 7) налоги, займы, повѣрка расходовъ, пенсіи, жалованья, всѣ сборы и издержки, — однимъ словомъ, всѣ финансовыя мѣры; но вѣче не можетъ утвердить никакого бюджета болѣе, чѣмъ на два года; 8) всѣ мѣры правительства о промышленности, о богатствѣ народномъ, объ учрежденіи почтъ, содержаніе и устройство путей сообщенія сухопутныхъ и водяныхъ, учрежденіе банковъ; 9) оно—покровительствуетъ наукамъ и искусствамъ полезнымъ; 10) постановляетъ правила о порядкѣ службы и о награжденіи чиновниковъ, объ отчетахъ по всѣмъ частямъ управленія; 11) въ соотвѣтственныхъ случаяхъ устанавливаетъ регенство; 12) избираетъ правителей державъ изъ втораго (съ крупнымъ цензомъ) списка избирателей всякой державы.

Народное вѣче опредѣляетъ общіе налоги и издержки, предоставляя частные налоги распоряженію правительственныхъ собраній державъ. Старые государственные долги признаются народнымъ вѣчемъ, которое ручается за ихъ уплату.

Но при всей широтѣ правъ, предоставляемыхъ нанародному вѣчу, проектъ опредѣленно указываетъ ограниченія въ его полномочіяхъ. Народное вѣче не можетъ измѣнять и отмѣнять конституціонные законы, не можетъ вводить новые конституціонные законы. Оно не имѣетъ власти ни постановлять, ни воспрещать какое-либо вѣроисповѣданіе, не можетъ нарушить свободу книгопечатанія или рѣчей. Перемѣны въ конституціи производитъ не народное вѣче, а особое учрежденіе, созываемое спеціально для этой цѣли, это—народный, державный соборъ. Въ нашемъ проектѣ нѣтъ полныхъ указаній на организацію этого собора, мы знаемъ только, что онъ созывается народнымъ вѣчемъ.

Переходимъ къ опредѣленію власти монарха. Власть императора наслѣдственна и переходитъ отъ отца къ сыну; по женской линіи она вовсе не передается. Императоръ имѣетъ право останавливать дѣйствіе законодательной власти и принуждать ко вторичному разсмотрѣнію закона. Онъ—верховный начальникъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Онъ ведетъ переговоры съ иностранными державами, заключаетъ съ ними договоры, причемъ мирные трактаты онъ заключаетъ съ согласія верховной Думы и не можетъ помѣщать въ нихъ какое-либо ограниченіе правъ россійскихъ гражданъ, а условіе общаго нападенія или уступку какой-либо земельной области онъ можетъ вносить въ трактатъ только съ одобренія народнаго вѣча. Онъ назначаетъ посланниковъ и косуловъ, вообще всѣхъ чиновниковъ, способъ назначенія которыхъ не оговоренъ въ конституціи. Онъ назначаетъ главу каждой отрасли дѣлъ, т. е. министровъ. Онъ не можетъ употреблять войскъ внутри Россіи противъ гражданъ, если данная мѣстность не объявлена народнымъ вѣчемъ на военномъ положеніи. При вступленіи на престолъ онъ произноситъ присягу въ вѣрности конституціоному уставу. Для своего содержанія онъ получаетъ опредѣленную

сумму. Лично императоръ не отвѣтственен: отвѣтственность падаетъ на министровъ по принадлежности.

Не останавливаемся здѣсь на статьяхъ, говорящихъ о царской фамиліи, о царскомъ дворѣ, о случаяхъ назначенія регентства и пр. Мы изложили проектъ Муравьева подробнѣе, нежели раньше излагали другіе проекты; но проектъ Муравьева никогда до сихъ поръ изданъ не былъ и о немъ въ печати имѣлись самыя краткія свѣдѣнія. Нельзя не сказать, что проектъ Муравьева отличается цѣльностью и смѣлостью своего построенія. Мы находимъ здѣсь опредѣленно формулированными тѣ основныя права человѣка, которыя и теперь являются необходимымъ постулатомъ русской жизни; мы видимъ, что въ конституціи Муравьева установлены широкія права народнаго представительства, которому вполнѣ принадлежитъ участіе въ законодательной власти, и монарху оставляется условное, отсрочивающее veto. Мы видимъ, что Муравьевъ хорошо понимаетъ значеніе федеративныхъ началъ для Россіи по ея племеннымъ, географическимъ, историческимъ условіямъ.

При оцѣнкѣ проекта Муравьева мы должны помнить, что онъ составлялся при трудныхъ обстоятельствахъ, которыя онъ смѣло призналъ и поборолъ. Муравьевъ въ своемъ проектѣ отмѣнилъ крѣпостное право, онъ ввелъ судъ присяжныхъ съ самыми широкими полномочіями, онъ установилъ широкое мѣстное самоуправленіе.

Если мы будемъ сравнивать проектъ Муравьева съ проектами Сперанскаго и Новосильцова, мы найдемъ въ нихъ, во-первыхъ, извѣстное сходство (напримѣръ, развитіе мѣстнаго самоуправленія, а у Новосильцова и Муравьева—общее основаніе федеративныхъ отношеній, затѣмъ законодательное, а не законосовѣщательное народное представительство); но все-таки нельзя не признать, что проектъ Муравьева стоитъ гораздо выше

своихъ предшественниковъ какъ по своей цѣльности и разработанности, такъ и по своимъ основнымъ положеніямъ.

Проектъ Муравьева представляется наиболѣе полнымъ источникомъ для ознакомленія съ мало извѣстными намъ конституціонными положеніями декабристовъ. Проектъ этотъ рисуетъ намъ очень опредѣленно и цѣльно конституціонныя идеи декабристовъ.

„Русская Правда“ Пестеля, дошедшая въ неполномъ черновомъ видѣ, не даетъ такой общей полной картины всего намѣченнаго строя, но и въ своемъ незаконченномъ видѣ это произведеніе Пестеля, несомнѣнно, самаго замѣчательнаго по уму и характеру декабриста, представляетъ величайшій интересъ, и можно разсчитывать, что „Русская Правда“ будетъ скоро напечатана, равно какъ и показанія Пестеля. Пока же, не имѣя здѣсь возможности воспользоваться этими документами, я приведу только изъ показаній Муравьева сдѣланную имъ характеристику проекта Пестеля. „Исполнительная власть принадлежала императору, который участвовалъ въ законодательной власти. Законодательная власть въ особенности принадлежитъ народному вѣчу, состоящему изъ 1,000 человѣкъ, избранныхъ на два года. Половина вѣча ежегодно возобновлялась. Умѣрительная власть находилась въ рукахъ сената, члены котораго назначались пожизненно императоромъ изъ кандидатовъ, избранныхъ народнымъ вѣчемъ. Всѣ помѣщичьи крестьяне получали свободу и половину земли владѣльцевъ, продолжая платить имъ прежній оброкъ. Всѣ совершеннолѣтніе жители мужского поля принимали участіе въ выборахъ: они выбирали мѣстныхъ чиновниковъ и избирателей для выбора представителей. Такимъ образомъ, здѣсь примѣняется всеобщее избирательное право, но для политическихъ выборовъ оно — двухстепенное. Надо добавить, что Муравьевъ

излагаетъ одинъ изъ первоначальныхъ проектовъ „Русскихъ Правды“, писанный еще въ 1820 году.

Изложенный проектъ Муравьева и приведенныя свѣдѣнія о проектѣ Пестеля, конечно, не исчерпываютъ всего содержанія конституціонныхъ идей декабристовъ. Такъ, въ Южномъ Обществѣ большинство было за республику, и, по многимъ свидѣтельствамъ, окончательный проектъ Пестеля былъ республиканскаго характера; за республику въ принципѣ стояли многіе и въ Сѣверномъ Обществѣ, въ томъ числѣ и самъ Никита Муравьевъ, который, однако, составилъ проектъ съ сохраненіемъ монархическихъ формъ, считая такой проектъ болѣе осуществимымъ. Но мы здѣсь имѣли въ виду не исторію конституціонныхъ *идей* декабристовъ, а только ихъ опредѣленные *проекты*.

Если по краткому изложенію въ показаніяхъ Муравьева нельзя достачно судить о проектѣ Пестеля, то проектъ самаго Муравьева, благодаря сохранившейся у Пущина рукописи, намъ теперь достаточно извѣстенъ, и мы должны признать, что онъ не только выше всѣхъ своихъ предшедственниковъ, но что онъ, оставляя въ сторонѣ историческую точку зрѣнія, содержитъ послѣдовательное и цѣльное проведеніе правъ народа на участіе въ законодательствѣ и въ управленіи, на контроль надъ исполнительною властью и на составленіе бюджета при полной гарантіи правъ и свободы личности.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Конституціонные проекты въ началѣ царствованія Александра II. — „Конституція“ гр. Лорисъ-Меликова. — Заключеніе.

Катастрофа 14-го декабря 1825 г. положила предѣлъ дѣятельности тайныхъ обществъ двадцатыхъ годовъ, привела къ висѣлицѣ, перекинула въ крѣпостные казематы, въ Сибирь на каторгу, на поселеніе главныхъ дѣятелей общественнаго движенія, оставила въ безпомощномъ и одинокомъ положеніи случайно уцѣлѣвшихъ ихъ сотоварищей и единомышленниковъ; изъ среды русскаго общества были вырваны его лучшіе, наиболѣе передовые и развитые элементы, а начавшаяся въ обществѣ реакція еще болѣе понизила его настроеніе, сильно измѣнила его направленіе. Наставшее продолжительное царствованіе Николая I менѣе всего было склонно къ измѣненіямъ политическаго строя, характерныя особенности котораго оно поддерживало; вначалѣ правительство старалось воспользоваться многими положеніями, указаніями декабристовъ, что отражалось на его первыхъ мѣрахъ, на постановкѣ извѣстныхъ вопросовъ; но это стараніе, конечно, отнюдь не распространялось на основныя конституціонныя начала.

Въ русскомъ обществѣ понемногу стали складываться новые элементы прогрессивнаго движенія, которое переходило въ другіе слои и круги общества, и это опредѣленно замѣтно уже съ тридцатыхъ годовъ. Это движеніе развилось и получило важное значеніе;

въ немъ, конечно, очень скоро сказались освободительныя, конституціонныя начала. Но опредѣленное выраженіе они получили уже только въ первые годы слѣдующаго царствованія.

Извѣстно, какое значеніе для общественнаго сознанія Россіи имѣла крымская компанія. То, что прежде было ясно меньшинству, стало общимъ убѣжденіемъ: это не была только проигранная война,—это было крушеніе цѣлой системы, которая такъ долго давила всю Россію, и результаты которой съ такою опредѣленностью выяснились во всѣхъ ужасныхъ подробностяхъ кампаніи, во всѣхъ сопровождавшихъ ее обстоятельствахъ. Необходимость измѣненій, реформы строя вполнѣ выяснилась въ общемъ сознаніи; чувствовалась повелительная потребность обновленія русской жизни. Краеугольнымъ камнемъ этого обновленія должно было служить освобожденіе милліоновъ рабовъ, уничтоженіе крѣпостного права. Правительство Александра II приступило къ великому дѣлу освобожденія крестьянъ. Несмотря на все основное значеніе предпринятой реформы, было ясно, что ограничиться ею нельзя, что за нею должны послѣдовать другія преобразованія. И среди губернскихъ комитетовъ, среди дворянства, если не вездѣ, то мѣстами стали опредѣленно говорить о дальнѣйшихъ реформахъ, и тутъ рѣчь переходила и къ вопросу объ измѣненіи самого строя государственнаго. Эти взгляды раздѣлялись и либералами, убѣжденными сторонниками освобожденія крестьянъ, и нѣкоторыми противниками освобожденія. Въ то время была въ ходу мысль, что дворянство, теряя такъ много отъ уничтоженія крѣпостного права, должно получить своего рода вознагражденіе въ политическомъ вліяніи при измѣненномъ государственномъ строѣ. Но когда мысли о необходимости дальнѣйшихъ реформъ, объ учрежденіи хозяйственно-распорядительнаго управленія на выборномъ началѣ, общемъ для всѣхъ сосло-

вій, о свободѣ печати, объ установленіи суда, независимаго отъ администраціи, были очень скромно изложены во всеподаннѣйшемъ адрессѣ нѣсколькихъ либеральныхъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ,—этотъ адрессъ былъ признанъ „ни съ чѣмъ несообразнымъ и дерзкимъ до крайности".

Но, конечно, этимъ нельзя было остановить развитіе идей, нельзя было предупредить извѣстныхъ заявленій. Понятно, что это общественное настроеніе всего больше сказалось въ столицахъ. Въ 1862 году на московскомъ дворянскомъ собраніи обсуждался адресъ, въ которомъ предлагались—созваніе депутатовъ отъ всей Россіи, гласность бюджета, словесный судъ, свобода слова и пр. Тогда эти предложенія встрѣтили въ дворянскомъ собраніи рѣзкія возраженія; началась полемика какъ въ оффиціальныхъ заявленніяхъ, такъ и въ частныхъ запискахъ, образовалась своего рода литература, конечно, письменная. Вопросъ дебатировался въ салонахъ, письмахъ. Когда же въ московскомъ дворянскомъ собраніи прошелъ конституціонный адресъ, это привело къ строгому выговору и къ ограниченію, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, „права" дворянства дѣлать представленія по общимъ вопросамъ.

Въ Петербургѣ въ дворянскомъ собраніи въ 1863 г. предлагались также конституціонныя заявленія, требованія земскаго собора; ихъ долженъ былъ выразить царскосельскій уѣздный предводитель дворянства Платоновъ, заранѣе возвѣстившій объ этомъ. Министру Валуеву, конечно, не хотѣлось такихъ заявленій, и тутъ начался торгъ. Въ воспоминаніяхъ Л. Ф. Пантелѣева передается разсказъ Н. М. Орлова объ этомъ эпизодѣ. Министерство указало на несвоевременность политическихъ заявленій (дипломатическая кампанія противъ русскаго правительства въ пользу поляковъ), а затѣмъ дворянству напомнили, что за нимъ состоитъ долгъ въ нѣсколько сотъ тысячь со времени постройки

дома Дворянскаго собранія. И состоялся компромиссъ: долгъ былъ прощенъ, а Платонова уговорили не вносить своего заявленія.

Это настроеніе въ русскомъ обществѣ въ пользу измѣненія государственнаго строя получило, конечно, выраженіе и въ литературѣ—заграничной. Вообще въ настоящемъ очеркѣ я не слѣжу за литературными явленіями, но въ данномъ случаѣ сдѣлаю исключеніе, чтобы нѣсколько дополнить приведенныя свѣдѣнія о конституціонныхъ планахъ 60-хъ годовъ. Одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей крестьянскаго дѣла, одинъ изъ главныхъ представителей славянофильской школы, А. И. Кошелевъ, издалъ въ 1862 году въ Лейпцигѣ двѣ брошюры по занимающему насъ вопросу: „Какой исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія?“ и „Конституція, самодержавіе и земская Дума“. Единственный исходъ для Россіи, обезпечивающій ей возможность процвѣтанія, это—перемѣна въ государственномъ строѣ, уничтоженіе бюрократическаго порядка. Какъ представитель славянофильскаго ученія, Кошелевъ высказывается противъ конституціи, но вотъ какъ онъ излагаетъ свою положительную программу. Государь долженъ особымъ манифестомъ провозгласить, что нѣтъ власти выше и внѣ закона; никто безъ суда не будетъ подвергнутъ никакому наказанію или взысканію; должна быть создана выборная земская Дума, въ которую обязательно поступаютъ на разсмотрѣніе всѣ законопроекты, но Государь имѣетъ право не только утвердить или не утвердить проектъ, принятый большинствомъ голосовъ земской Думы, но можетъ утвердить и мнѣніе меньшинства; смѣта и отчетъ разсматриваются въ Думѣ; земская Дума вообще не имѣетъ законодательной инициативы, но она обсуждаетъ заявленія своихъ членовъ или мѣстныхъ собраній и подаетъ прошенія Государю. Министерство должно быть выбрано *изъ состава Думы*: „помимо этого пути нѣтъ средства для Госу-

даря составить министерство, внушающее Россіи довѣріе и способное устроить дѣло ко благу ея; ибо, во-первыхъ, кругъ людей, изъ которыхъ теперь могутъ быть назначаемы министры, очень ограниченъ; во-вторыхъ, почти всѣ они не знаютъ Россіи, и, въ-третьихъ, (это весьма важно), правительство наше отрѣшилось отъ прежней системы тайны и стѣсненія, а между тѣмъ оно не стало и стать не можетъ безъ поддержки со стороны народнаго представительства на почву гласности и общаго содѣйствія... Подозрѣніе и недовѣріе изчезнутъ только тогда, когда мы чрезъ нашихъ представителей вложимъ палецъ въ рану. Безъ полнаго же довѣрія невозможно со стороны народа довѣріе правительству".

Какъ уже было сказано, правительство не пошло навстрѣчу этому общественному движенію; въ правительственномъ настроеніи начиналась уже реакція, которая не могла остановить проведеніе необходимыхъ реформъ,—университетской земской, судебной городской воинской,—но она повліяла на ихъ объемъ, на ихъ проведеніе, а затѣмъ еще сильнѣе на ихъ практическое примѣненіе и на ихъ послѣдовавшее стѣсненіе. Хотя Императоръ Александръ II, отвергая инициативу какихъ-либо лицъ и учрежденій въ вопросѣ объ измѣненіи государственнаго строя, говорилъ, что онъ уже высказалъ вполнѣ определенно свою преобразовательную програму, и общество должно съ довѣріемъ ждать завершенія его реформъ, тѣмъ не менѣе вопросъ объ „увѣнчаніи зданія", какъ тогда говорилось, не подвигался къ разрѣшенію, и Россія не получила той общей реформы, которая одна могла обезпечить цѣльность и сохранность совершившихся преобразованій и вывести русскую жизнь на вѣрный путь дальнѣйшаго развитія.

Раньше мы видѣли, что при императорѣ Александрѣ I финляндскія и польскія отношенія предста-

вили ему возможность выказать свое сочувствіе къ представительному образу правленія. Подобный же случай мы видимъ и при императорѣ Александрѣ II. При немъ, правда, послѣ польскаго возстанія 1863 года уничтожены послѣдніе остатки обособленности Царства Польскаго, сохранившіеся со времени уничтоженія, послѣ возстанія 1830 г., польской конституціи; но въ то же время былъ созванъ совсѣмъ уже не собиравшійся финляндскій сеймъ. Государь самъ пріѣхалъ на его открытіе и произнесъ рѣчь: „Соблюдая монархическое конституціонное начало,—говорилъ Александръ II,— присущее правамъ финскаго народа и запечатлѣнное во всѣхъ его законахъ и учрежденіяхъ, я хочу внести въ проектъ (реформы основныхъ законовъ) еще болѣе обширныя права, чѣмъ тѣ, что принадлежатъ нынѣ государственнымъ чинамъ... Отъ васъ, представители Великаго Княжества, зависитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ вашихъ разсужденій, что въ рукахъ народа мудраго, расположеннаго трудиться сообща съ Государемъ, въ практическомъ духѣ, надъ развитіемъ своего благоденствія, либеральныя учрежденія не только не составляютъ опасности, но являются гарантіей порядка и преуспѣянія“. Рѣчь императора Асександра II, не содержа извѣстныхъ обѣщаній, во многомъ напоминаетъ тронныя рѣчи его августѣйшаго дяди.

Въ 1879 г. послѣ заключенія санъ-стефанскаго договора русскому правительству предстояло устроить управленіе освобожденной Болгаріи, и ей предоставленъ былъ конституціонный образъ правленія. Проектъ болгарской консистуціи изготовленъ въ Петербургѣ, но онъ не былъ навязанъ болгарскому народу: въ Тырновѣ было созвано учредительное собраніе, состоявшее изъ свободно-выбраныхъ представителей народа, и оно свободно измѣняло представленный проектъ конституціи. Не вхожу въ подробности, такъ какъ здѣсь для насъ

интересенъ только самый фактъ, показывающій личное отношеніе Александра II къ вопросу объ участіи народа въ законодательствѣ и управленіи.

Этотъ вопросъ не могъ, конечно, не ставиться опять и въ русской жизни. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ были сторонники и противники реформы нашего государственнаго строя. Въ 1880 г. предсѣдателемъ комитета министровъ былъ назначенъ гр. Валуевъ, который и раньше, будучи еще министромъ внутреннихъ дѣлъ, останавливался на мысли объ извѣстной конституціи; теперь онъ вскорѣ сдѣлалъ прямое предложеніе о предоставленіи обществу опредѣленнаго участія въ дѣлахъ государственныхъ; предложеніе Валуева обсуждалось въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Государя, но было отвергнуто.

Вскорѣ послѣ этого авторитетная власть перешла къ гр. Лорисъ-Меликову, назначенному сперва предсѣдателемъ „Верховной распорядительной коммиссіи“, а затѣмъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. И Лорисъ-Меликовъ также явился сторонникомъ государственной реформы, но послѣ недавней неудачной попытки Валуева онъ долженъ былъ дѣйствовать осторожно, выступать для начала съ очень умѣренными проектами. Извѣстно, какъ при представленіи Лорисъ-Меликову петербургскихъ литераторовъ поэтъ Минаевъ сказалъ двустишіе, выражавшее общую мысль о скорѣйшемъ проведеніи политической реформы, хотя бы и очень неполной, очень несовершенной. Таково была программа самого гр. Лорисъ-Меликова.

Послѣ цѣлаго ряда отдѣльныхъ мѣръ и общаго, и частнаго характера, доставившихъ этой эпохѣ названіе „диктатуры сердца“, Лорисъ-Меликовъ выработалъ проектъ привлеченія мѣстныхъ представителей къ разсмотрѣнію законопроектовъ. Чтобы лучше обезпечить проекту успѣхъ и возможность осуществленія, онъ придалъ ему болѣе чѣмъ умѣренный характеръ и свя-

залъ его съ тѣми пріемами, какіе были примѣнены при разработкѣ крестьянской реформы: такимъ образомъ, проектъ какъ бы не представлялъ никакого новшества, являлся лишь возвращеніемъ къ средству, съ успѣхомъ и не такъ давно испытанному. Проектъ былъ представленъ императору Александру II въ концѣ января 1881 г. Опять было назначено особое совѣщаніе для разсмотрѣнія вопроса; на этотъ разъ совѣщаніе большинствомъ голосовъ высказалось за проектъ, который и былъ утвержденъ государемъ, и только опубликованіе его было отсрочено до начала марта, такъ какъ государь не хотѣлъ связывать новую мѣру съ 25-ти-лѣтіемъ своего царствованія.

Проектъ Лорисъ-Меликова устанавливалъ въ Петербургѣ временныя подготовительныя коммиссіи по разнымъ законодательнымъ вопросамъ; работы этихъ коммиссій, предварительно внесенія ихъ на обсужденіе государственнаго совѣта въ законномъ порядкѣ, должны быть подвергаемы *совѣщательному* разсмотрѣнію въ общей коммиссіи съ участіемъ представителей отъ земствъ и нѣкоторыхъ городовъ; земствамъ и городамъ предоставляется избирать представителей и не изъ состава гласныхъ. Работы общей коммиссіи имѣютъ значеніе совѣщательное,—настойчиво повторяетъ проектъ. Вотъ и вся такъ-называемая „конституція Лорисъ-Меликова“.

Какъ сказано уже, проектъ Лорисъ-Меликова былъ утвержденъ; но прежде, чѣмъ состоялось его опубликованіе, Александръ II былъ убитъ 1-го марта 1881 г. Такъ, „конституція“ осталась не объявленною. Гр. Лорисъ-Меликовъ представилъ свой проектъ императору Александру III 6-го марта 1881 г. при особомъ докладѣ. Первоначально императоръ одобрилъ проектъ, положивъ резолюціею: „Онъ составленъ весьма хорошо“, но затѣмъ отношеніе къ вопросу измѣнилось; проектъ Лорисъ-Меликова (или, точнѣе, утвержденное Алексан-

дромъ II положеніе о подготовительныхъ коммиссіяхъ, „конституція") отвергнутъ, гр. Лорисъ-Меликовъ получилъ отставку, и случилось безпримѣрное въ нашей исторіи событіе: отставка гр. Лорисъ-Меликова вызвала кабинетскій кризисъ; въ отставку подали также военный министръ гр. Милютъ и министръ финансовъ Абаза. Оба они были рѣшительными сторонниками измѣненія нашего государственнаго строя, сторонниками того приступа къ этому измѣненію, который выражался въ „конституціи" Лорисъ-Меликова. Послѣ того, какъ такая скромная мѣра, уже одобренная Александромъ II, была отвергнута, гр. Милютинъ и Абаза не желали оставаться у власти.

„Конституція" гр. Лорисa-Меликова должна быть разсматриваема, какъ первый шагъ, какъ приступъ къ возможной перемѣнѣ. Конечно, съ точки зрѣнія политической теоріи, она не имѣетъ никакого значенія, да и съ практической точки зрѣнія,—если бы представить себѣ, что она осуществлена, и дѣло надолго этимъ ограничено,—она, несомнѣнно, не имѣла бы особаго вліянія; но нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что она довольно быстро повела бы къ дальнѣйшему развитію участія населенія въ законодательной работѣ, къ установленію правильной представительной системы. Для своего времени „конституція" Лорисъ-Меликова имѣла бы извѣстный практическій смыслъ; будь она тогда обнародована, она имѣла бы значеніе не только для рѣшенія отдѣльныхъ текущихъ вопросовъ, — а явилась бы первымъ шагомъ въ дѣлѣ общей реформы, оказала бы свое вліяніе на ходъ русской жизни. Съ этой исторической точки зрѣнія мы и должны смотрѣть на нее.

Обзоръ положенія государственной власти въ Россіи и проектовъ ея преобразованія, начатый съ середины XVI столѣтія, съ перваго земскаго собора, охватилъ

болѣе трехъ столѣтій. Сопоставимъ вкратцѣ выводы, къ которымъ приводитъ этотъ обзоръ.

Въ Московскій, царскій періодъ нашей исторіи земскіе соборы служили очень опредѣленнымъ выраженіемъ участія народныхъ представителей въ законодательствѣ и управленіи. Характеръ земскихъ соборовъ мѣнялся при разныхъ обстоятельствахъ, но въ лучшее время ихъ дѣятельности они имѣли большое значеніе, и „соборное постановленіе", „соборная грамота" были вліятельнымъ факторомъ русской жизни.

Изъ земскихъ соборовъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ могла бы развиться правильная система народнаго представительства; но вмѣсто того въ силу различныхъ условій земскіе соборы утрачиваютъ свое значеніе со второй половины XVII вѣка, а затѣмъ они и совершенно прекращаются. Но послѣ ихъ паденія, послѣ уничтоженія доступа представителей народа къ государственнымъ дѣламъ, мы замѣчаемъ въ нашей исторіи два характерныхъ явленія, проходящихъ чрезъ все время, нами разсмотрѣнное. Съ одной стороны, правительство чувствуетъ, что не можетъ для правильнаго веденія дѣлъ обойтись безъ участія, безъ поддержки общества, и оно то пытается замѣнить общественное участіе въ дѣлахъ разными суррогатами, причемъ эти попытки терпятъ полную неудачу, то старается дѣйствительно привлечь къ дѣлу народныхъ представителей или составляетъ серьезные проекты въ этомъ направленіи; мы видѣли, что проекты эти бывали очень близки къ осуществленію — при Александрѣ I и Александрѣ II. Мы видѣли въ то же время со стороны общества постоянныя попытки къ реформѣ, и опять-таки эти попытки бывали очень близки къ осуществленію, какъ, напримѣръ, 1730 г. или въ 1825 г. За разсмотрѣнное нами время мы имѣемъ двѣ утвержденныя, подписанныя государями конституціи: это — „кондиціи" Анны Іоановны и „конституція" 1881 г.

Такимъ образомъ, характернымъ явленіемъ всей нашей исторіи за разсмотрѣнные вѣка были то ослабѣвавшія, то усиливавшіяся стремленія правительства и общества къ реформѣ нашего государственнаго строя.

По своему содержанію, проекты конституцій, смѣнявшіе другъ друга въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ, представляютъ, какъ мы видѣли, много важнаго и интереснаго.

Если мы возвратимся къ вопросу, поставленному въ началѣ первой главы, мы должны сказать, что современное намъ освободительное движеніе имѣетъ прямую связь съ нашей исторіей трехъ послѣднихъ вѣковъ, и что обращеніе въ данномъ вопросѣ къ исторіи можетъ быть очень поучительно.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Проектъ конституціи Никиты Муравьева.

ГЛАВА I.

О народѣ Русскомъ и правленіи.

1. Русской народъ, свободный и независимый, не есть и не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

2. Источникъ *Верховной власти* есть народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать *основныя постановленія* для самого себя.

ГЛАВА II.

О гражданахъ.

3. *Гражданство* есть право, въ опредѣленномъ въ семъ Уставѣ порядкѣ участвовать въ общественномъ управленіи: *посредственно*, т. е. выборомъ чиновниковъ или избирателей, *непосредственно*, т. е. быть самому избираемымъ въ какое либо общественное званіе по *законодательной, исполнительной* или *судебной власти*.

4. *Граждане* суть тѣ жители Россійской Имперіи, которые пользуются правами выше опредѣленными.

5. Чтобы быть гражданиномъ, необходимы слѣдующія условія:

1) Не менѣе 21 года возраста.
2) Извѣстное и постоянное жительство.
3) Здравіе ума.
4) Личная независимость.
5) Исправность платежа общественныхъ повинностей.
6) Непорочность передъ лицомъ закона.

6. Иностранецъ, не родившійся въ Россіи, но жительствующій 7 лѣтъ сряду въ оной, имѣетъ право просить себѣ гражданства Россійскаго у судебной власти, отказавшись напередъ клятвенно отъ правительства, подъ властью котораго прежде находился.

7. Иностранецъ, не получивши гражданства, не можетъ исполнять никакой общественной или военной должности въ Россіи, не имѣетъ права служить рядовымъ въ войскѣ Россійскомъ и не можетъ пріобрѣсти земель.

8. Черезъ 20 лѣтъ по приведеніи въ исполненіе сего Устава Россійской Имперіи никто не обучившійся русской грамотѣ не можетъ быть признанъ гражданиномъ.

9. Права гражданства теряются—

На время:

1) Судебнымъ объявленіемъ о разслабленіи ума.

2) Нахожденіемъ подъ судомъ.

3) Судебнымъ опредѣленіемъ о *временномъ лишеніи правъ*.

4) Объявленнымъ банкротствомъ.

5) Общественною недоимкою.

6) Нахожденіемъ въ услуженіи при комъ-либо.

7) Неизвѣстностью мѣстопребыванія занятій и средствъ къ пропитанію.

Навсегда:

1) Вступленіемъ въ подданство иностраннаго государства.

2) Принятіемъ службы или должности въ чужой землѣ безъ согласія своего правительства.

3) Приговоромъ суда безчестному наказанію, влекущему за собой *лишеніе* гражданскихъ правъ.

4) Если гражданинъ безъ согласія Вѣча приметъ подарокъ, пенсію, знакъ отличія, титло или званіе почетное или приносящее прибыль отъ иностраннаго правленія, Государя или народа.

ГЛАВА III.

О состояніи, личныхъ правахъ и обязанностяхъ Русскихъ.

10. Всѣ Русскіе равны передъ закономъ.

11. Русскими почитаются всѣ коренные жители

Россіи и дѣти иностранцевъ, родившихся въ Россіи, достигшія совершеннолѣтія, доколѣ они не объявятъ, что не хотятъ пользоваться симъ преимуществомъ.

12. Каждый обязанъ носить общественныя повинности, повиноваться законамъ и Властямъ Отечества и явиться на защиту Родины, когда потребуетъ того законъ.

13. Крѣпостное состояніе и рабство *отмѣняются*. Рабъ, прикоснувшійся землѣ Русской, становится свободнымъ. Раздѣленіе между благородными и простолюдинами не принимается, поелику противно Вѣрѣ, по которой всѣ люди *братья*, всѣ рождены *благо* по волѣ Божьей, всѣ рождены *для блага* и всѣ *просто люди*: ибо всѣ слабы и несовершенны.

14. Всякій имѣетъ право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оныя посредствомъ печати своимъ соотечественникамъ. Книги, подобно всѣмъ прочимъ дѣйствіямъ, подвержены обвиненію гражданъ передъ судомъ и подлежатъ *присяжнымъ*.

15. Существующіе нынѣ гильдіи и цѣхи въ купечествѣ, ремеслахъ уничтожаются.

16. Всякій имѣетъ право заниматься тѣмъ промысломъ, который ему покажется выгоднѣйшимъ: *земледѣліемъ, скотоводствомъ, охотою, рыбною ловлею, рукодѣліями, заводами, торговлею* и такъ далѣе.

17. Всякая тяжба, въ которой дѣло идетъ о цѣнности, превышающей фунтъ чистаго серебра (25 р. с.), поступаетъ на судъ присяжныхъ.

18. Всякое уголовное дѣло производится съ присяжными.

19. Подозрѣваемый въ злоумышленіи можетъ быть взятъ подъ стражу постановленными Уставомъ властями и учрежденнымъ порядкомъ, но въ 24 часа подъ отвѣтственностью тѣхъ, которые его задержали, должно ему объявить письменно о причинѣ его задержанія,—въ противномъ случаѣ онъ немедленно освобождается.

20. Заключенный, если онъ не обвиненъ по уголовному дѣлу, немедленно освобождается, если найдется за него *порука*.

21. Никто не можетъ быть наказанъ, какъ въ силу закона, обнародованнаго *до преступленія* и правильно законнымъ образомъ приведеннаго въ исполненіе.

22. Уставъ сей опредѣлитъ, какимъ чиновникамъ и

въ какихъ обстоятельствахъ предоставляется право давать письменныя приказанія *задержать* кого либо изъ гражданъ, *сдѣлать домовый обыскъ, забрать его* бумаги и *распечатать письма его.* Равнымъ образомъ опредѣлитъ оный отвѣтственность за таковые поступки.

23. Право собственности, заключающее въ себѣ *однѣ вещи*, священно и неприкосновенно.

24. Земли помѣщиковъ остаются за ними. Дома поселянъ съ огородами оныхъ признаются ихъ собственностью со всѣми земледѣльческими орудіями и скотомъ, имъ принадлежащимъ.

25. Крестьяне экономическіе и удѣльные будутъ называться *общими владѣльцами*, равно какъ и нынѣ называющіеся *вольными* хлѣбопашцами, поелику земля, на которой они живутъ, представляется имъ въ *Общественное* Владѣніе и признается ихъ собственностью. Удѣльное Правленіе уничтожается.

26. Послѣдующіе законы опредѣлятъ, какимъ образомъ сіи земли поступятъ изъ *общественнаго въ частное владѣніе* каждаго изъ поселянъ, и на какихъ правилахъ будетъ основанъ сей раздѣлъ общественной земли между ими.

27. Поселяне, живущіе въ арендныхъ имѣніяхъ, равно дѣлаются *вольными*, но земли остаются за тѣми, кому они были даны, и по то время, по которое были даны.

28. Военныя поселенія немедленно уничтожаются. Поселенные батальоны и эскадроны съ родственниками рядовыхъ вступаютъ въ званіе *общихъ владѣльцевъ.*

29. Раздѣленіе людей на 14 классовъ отмѣняется. Гражданскіе чины, заимствованные у Нѣмцевъ и ничѣмъ не отличащіеся между собою, уничтожаются сходственно съ древними постановленіями народа Русскаго.

Названія и сословія *однодворцевъ, мѣщанъ, дворянъ, именитыхъ гражданъ* замѣняются всѣ названіемъ *гражданина* же *Русскаго.*

30. Жалованіе священнослужителямъ будетъ производиться и впредь. Равнымъ образомъ они освобождаются отъ постоя и подводъ.

31. Кочующія племена не имѣютъ правъ гражданскихъ.

Право участвовать въ выборѣ волостного старшины предоставляется однако-жъ и онымъ.

32. Граждане имѣютъ право составить всякаго рода общества и товарищества не испрашивая о томъ ни у кого позволенія ни утвержденія: лишь только бы дѣйствія оныхъ не были противузаконными.

33. Каждое такое общество имѣетъ право дѣлать себѣ постановленія, лишь-бы оныя не были противны сему Уставу и законамъ общественнымъ.

34. Никакое иностранное общество не можетъ имѣть въ Россіи подвѣдомственныхъ себѣ обществъ или сотовариществъ.

35. Никакое нарушеніе закона не можетъ быть оправдано повелѣніемъ начальства. Сперва наказывается *нарушитель* закона, потомъ подписавшіе противузаконное повелѣніе.

36. Граждане имѣютъ право обращаться со своими жалобами и желаніями къ народному Вѣчу, къ Императору и къ правительствующимъ сословіямъ Державъ.

37. Подземелья и казематы крѣпостные, вообще всѣ такъ называемыя Государственныя темницы уничтожаются; никто не можетъ быть заключенъ иначе, какъ въ назначенныхъ на сей предметъ общественныхъ темницахъ.

38. *Обвиняемые* не должны быть заключены въ однѣхъ мѣстахъ съ *осужденными*, заключенные *за долги* или за *легкіе проступки съ преступниками и злодѣями*.

39. Тюремное начальство должно быть избираемо гражданами изъ людей *добросовѣстныхъ*, и которые были бы въ состояніи отвѣтствовать за всякій противузаконный и безчеловѣчный поступокъ съ заключенными.

40. Нынѣшніе полицейскіе чиновники отрѣшаются и замѣняются по выборамъ жителей.

41. Всякій гражданинъ, который бы насиліемъ или подкупами нарушилъ свободный выборъ *народныхъ представителей*, предается суду.

42. Никто не можетъ быть безпокоиваемъ въ отправленіи своего Богослуженія по совѣсти и чувствамъ своимъ, лишь бы только не нарушилъ законовъ природы и нравственности.

ГЛАВА IV.

О Россіи.

43. Въ законодательномъ и исполнительномъ отношеніяхъ всѣ Россіи дѣлятся на 13 Державъ, 2 области и 568 Уѣздовъ или Повѣтовъ.

Все населеніе полагается въ 22,630,000 жителей мужского пола, и по сему предположенію разочтено представительство оной:

Жители муж. пола:		*Державы:*	*Столицы:*
450,000	I	Ботническая Держава .	Гельсингфорсъ.
1,685,000	II	Волховская	Г. Св. Петра.
750,000	III	Балтійская	Рига.
2,125,000	IV	Западная	Вильно.
2,600,000	V	Днѣпровская	Смоленскъ.
3,465,000	VI	Черноморская	Кіевъ.
750,000	VII	Кавказская	Тифлисъ.
3,500,000	VIII	Украинская	Харьковъ.
2,450,000	IX	Заволжская	Ярославль.
2,000,000	X	Камская	Казань.
1,425,000	XI	Низовская	Саратовъ.
490,000	XII	Обійская	Тобольскъ.
250,000	XIII	Ленская	Иркутскъ.
		Московская область . .	Москва.
		Донская	Черкаскъ.

Державы дѣлятся на уѣзды, уѣзды на волости отъ 500 до 1500 жителей мужского пола.

Въ *судебномъ отношеніи* державы дѣлятся на *округи*, равные нынѣшнимъ губерніямъ.

ГЛАВА V.

О внутреннемъ устройствѣ волостномъ и уѣздномъ или повѣтовомъ.

44. Въ каждомъ уѣздѣ граждане, имѣющіе недвижимой собственности на 500 рублей серебромъ или движимой на 1000 рублей серебромъ, собираются въ уѣздномъ городѣ и выбираютъ *тысяцкаго* на одинъ годъ.

1) Тѣ, которые пользуются землями въ *общественномъ владѣніи*, не суть владѣльцы и слѣдовательно, сюда не принадлежатъ.

45. Общіе владѣльцы не имѣютъ права каждый лично участвовать въ выборѣ *тысяцкаго, народныхъ представителей* и другихъ чиновниковъ, но все общество на сходкѣ имѣетъ право назначить одного избирателя съ каждыхъ 500 жителей мужского пола, и сіи избиратели, назначенные общими владѣльцами, подаютъ голоса, на-равнѣ съ прочими гражданами, *какъ уполномоченные цѣлымъ обществомъ*, лишь только они предъявятъ повѣрительныя грамоты *своего* общества, засвидѣтельствованныя *волостными старѣйшинами*. Впрочемъ, каждый изъ общихъ владѣльцевъ, имѣющій капиталъ, означенный выше, участвуетъ въ выборахъ непосредственно и не лишается правъ избирательства качествомъ *общаго владѣльца*. За то онъ не участвуетъ въ избраніи *уполномочивающаго общества*.

46. Чтобы быть *тысяцкимъ*, должно имѣть, по крайней мѣрѣ, 21 годъ отъ рожденія, непорочнаго поведенія и недвижимаго имѣнія въ собственномъ своемъ владѣніи цѣною не менѣе 1,500 фунтовъ чистаго серебра (30,000 рублей серебромъ) или движимаго не менѣе 3,000 фунтовъ чистаго серебра (60,000). Если избранный въ сіе званіе не владѣетъ таковымъ имѣніемъ, то онъ не долженъ принимать сего званія. Въ противномъ случаѣ онъ лишается мѣста и вноситъ пеню 100 фунтовъ чистаго серебра (2,000 рублей).

47. Должность тысяцкаго состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Онъ созываетъ гражданъ для выборовъ представителей, выборныхъ членовъ думъ, Державъ, и пр. и предсѣдательствуетъ въ ихъ собраніяхъ.

2) Исполняетъ опредѣленія судей, посылаетъ вызовы къ суду, объявляетъ опредѣленія правителей Державъ, составляетъ списокъ присяжныхъ.

3) Собираетъ доходы общественные.

4) Наблюдаетъ за общественными темницами и исполненіемъ уголовныхъ наказаній.

5) Охраняетъ судей во время отправленія ими ихъ должности, представляетъ требованія Уѣзда, говоритъ всегда отъ его имени, беретъ подъ стражу нарушителей порядка: въ семъ случаѣ каждый обязанъ ему повиноваться и вспомоществовать при востребованіи.

6) Составляетъ два списка тѣхъ изъ гражданъ уѣзда, кои владѣютъ недвижимымъ имѣніемъ цѣною не менѣе 1,500 фунтовъ чистаго серебра или движимымъ цѣною

30...

не менѣе 3,000 фунтовъ чистаго серебра; II-й тѣмъ, кои владѣютъ недвижимымъ имѣніемъ не менѣе 250 фунтовъ или движимымъ не менѣе 500 фунтовъ чистаго серебра. Граждане перваго списка могутъ быть (если при томъ отвѣчаютъ прочимъ условіямъ) избраны въ члены *Верховной Думы, Правители Державъ, Намѣстники Державныхъ Правителей, тысяцкіе* и *члены Державныхъ Думъ* и *члены Державныхъ судовъ.*

Граждане второго списка могутъ быть *присяжными* и *избирателями.*

Граждане перваго списка пользуются правами и второго списка.

Граждане, коихъ имена не внесены въ сіи списки, не лишены тѣмъ правъ остальныхъ граждапъ.

48. Всѣ списки должны быть напечатаны и обнародованы.

49. Въ Уѣздахъ, въ которыхъ вовсе не находилось людей, владѣющихъ имѣніемъ въ 1,500 фунтовъ чистаго серебра или въ которыхъ находилось бы менѣе 20, должно выбирать на тѣ мѣста, въ которыя требуется сіе условіе, изъ опредѣленнаго большинствомъ голосовъ избирателей числа владѣльцевъ и капиталистовъ, которые приближаются своимъ имуществомъ къ требуемому состоянію, включая въ число сіе и тѣхъ немногихъ или того, кто бы пользовался означеннымъ имуществомъ. Сей дополнительный списокъ печатается вмѣстѣ съ первымъ спискомъ.

50. Тысяцкій, принявъ сіе званіе, долженъ непремѣнно объявить обстоятельно, сколь велико его имѣніе. Сіе записывается въ особую книгу, хранящуюся у него, и каждый имѣетъ право требовать себѣ копію съ его показанія, дабы удостовѣриться въ томъ, что онъ пользуется требуемымъ имѣніемъ. Если кто потребуетъ отъ тысяцкаго на то доказательства, то онъ обязанъ представить своему противнику въ судѣ требуемыя доказательства и документы. Послѣ сего обвинитель можетъ отказаться отъ своего иска, заплативъ пеню въ 150 рублей серебромъ. Въ случаѣ же тяжебнаго опроверженія его иска, онъ подвергается пени въ 500 р. серебромъ.

51. Тысяцкій долженъ имѣть жительство въ уѣздѣ. Онъ можетъ быть выбранъ нѣсколько разъ сряду.

52. Тысяцкій избираетъ себѣ двухъ или трехъ *по-*

мощниковъ, смотря по величинѣ уѣзда, и назначаетъ себѣ *писарей* и *ѣздовыхъ.*

53. Онъ наблюдаетъ за ихъ поведеніемъ, можетъ отрѣшить и замѣнить другими.

54. Каждый тысяцкій, помощникъ и старѣйшина получаютъ вознагражденіе по окончаніи года: тысяцкій въ 1,500 р. серебромъ, помощникъ 500, старшина въ 100 рублей сереб.

55. Когда уѣздъ слишкомъ обширенъ, чтобы всѣ тѣ, которые пользуются правомъ гражданства могли бы удобно собираться въ одно мѣсто, то тысяцкій назначаетъ 2, 3 или 4 собранія въ разныхъ мѣстахъ въ одно и то же время. Въ одномъ присутствуетъ онъ самъ, въ другомъ его помощники.

56. Въ выборѣ волостномъ участвуютъ всѣ граждане безъ *изъятія и различія.*

57. Обыватели каждой волости избираютъ на годъ или болѣе *Волостного Старѣйшину.* Обязанности его есть, кромѣ управленія волостного, отбирать показанія обывателей, имѣющихъ недвижимую или движимую собственность, раздѣлить ихъ на вышеозначенныя статьи и представить тысяцкому.

58. Волостные старѣйшины находятся подъ особеннымъ начальствомъ тысяцкаго, который повѣряетъ доставленныя ими свѣдѣнія принимаетъ обвиненіе жителей и показанія ихъ.

Убѣдясь гласною расправою, тысяцкій имѣетъ право внести пропущенныхъ въ списки или вычеркнуть имена тѣхъ, которые не должны въ нихъ находиться. Тысяцкій, получая сообщеніе приговора къ позорному наказанію или увѣдомясь о банкротствѣ или общественной недоимкѣ, объявляетъ о томъ въ Уѣздѣ или Повѣтѣ, исключаетъ тѣ лица изъ списковъ.

ГЛАВА VI.

О Народномъ Вѣчѣ.

59. *Народное Вѣче,* состоящее изъ *верховной Думы* и *Палаты народныхъ представителей,* облечено *всей законодательной властью.*

ГЛАВА VII.

О Палатѣ Представителей, о числѣ и выборѣ Представителей.

60. Палата представителей составлена изъ Членовъ, выбранныхъ на два года гражданами Державъ.

61. Во время своего избранія представитель долженъ жительствовать въ избравшей его Державѣ.

62. Лица, принявшіе на себя подряды и поставки на общественныя требы, не могутъ до совершеннаго окончанія оныхъ быть представителями.

63. Кромѣ означенныхъ въ § 5 условій, чтобы быть представителемъ, требуется только *Довѣріе* большаго числа избирателей уѣзда или Повѣта съ слѣдующими, однако, ограниченіями:

1) иностранецъ, получившіи права Русскаго Гражданства, можетъ быть избранъ въ представители только черезъ 7 лѣтъ послѣ его *Гражданствованія*.

64. Число представителей опредѣляется соразмѣрно населенію слѣдующимъ образомъ:

Каждые 50,000 обывателей мужескаго пола посылаютъ въ палату представителей одного представителя. Въ числѣ сихъ 50,000 должно только полагать жителей, имѣющихъ осѣдлость, постоянное жилище, не принимая въ счетъ кочующихъ племенъ.

65. Подробное исчисленіе всѣхъ жителей должно быть сдѣлано три года послѣ приведенія сего Устава въ исполненіе, а потомъ черезъ каждые 10 лѣтъ должна происходить новая перепись такимъ образомъ, какъ опредѣлитъ особый на то законъ.

66. До тѣхъ поръ назначается число представителей 450.

Каждые 2 года послѣдній вторникъ сентября мѣсяца имѣютъ быть сходки для выбора народныхъ представителей подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ или повѣтовыхъ и тысяцкихъ и ихъ помощниковъ. Первые выборы должны воспослѣдовать немедленно по обнародованія сего Устава.

67. *Писарь*, назначенный тысяцкимъ, записываетъ имена всѣхъ присутствующихъ избирателей и сколько кто получилъ голосовъ. Четыре дня полагаются окончательнымъ срокомъ для выбора.

68. Списокъ сей утверждается подписью всѣхъ присутствующихъ чиновниковъ и писарей, запечатывается и немедленно отправляется къ *Державному Дьяку*, къ которому оный долженъ быть доставленъ въ продолженіе двухъ недѣль *непремѣнно*.

69. Державы даютъ представителей:

I Ботническая	9	VIII Украинская	70
II Волховская	33	IX Заволжская	49
III Балтійская	14	X Камская	40
IV Западная	42	XI Низовская.	28
V Днѣпровская	52	IIX Обійская	10
IV Черноморская	69	XIII Ленская	5
VII Кавказская	15		

1) Московская область—10, 2) Донская—3.
Всего – 450 представителей.

70. Правительственной власти каждой Державы предоставляется распредѣлить число представителей на уѣзды или повѣты и означить, сколько представителей избираетъ одинъ уѣздъ или повѣтъ, или въ малочисленныхъ краяхъ, сколько уѣздовъ или повѣтовъ участвуетъ въ выборѣ одного представителя.

71. Ежели въ представительствѣ какой либо Державы откроются мѣста, то *исполнительная власть* той Державы немедлено созываетъ избирателей, чтобы оное наполнить.

72. Палата представителей сама избираетъ своего предсѣдателя, она одна пользуется правомъ предавать суду *Сановниковъ Имперіи*.

ГЛАВА VIII.

О Думѣ верховной.

73. Верховная Дума состоитъ изъ трехъ гражданъ каждой Державы, двухъ гражданъ Московской области и одного гражданина Донской области. Всего—42 члена. Члены Верховной Думы избираются правительственными сословіями Державъ и областей, т. е. обѣими соединенными въ одно мѣсто палатами *выборныхъ* и *Державными Думами*.

74. Немедленно по прибытіи въ столицу членовъ

Верховной Думы они раздѣляются на три разряда, по возможности, равныхъ. Члены перваго разряда выходятъ изъ Думы по истеченіи 2-хъ лѣтъ. Члены второго разряда—по истеченіи 4, члены третьяго разряда—по истеченіи 6 лѣтъ, такъ что треть всей Думы возобновляется каждые два года новымъ избраніемъ. Если же въ продолженіе двухъ годовъ между выходами откроются мѣста, смертью членовъ, или увольненіемъ оныхъ, то исполнительная власть сихъ Державъ сдѣлаетъ временное назначеніе (если это случилось въ такое время когда правительное собраніе Державъ распущено), пока правительное собраніе не замѣнитъ онаго.

75. Условія, необходимыя, чтобы быть Членомъ Верховной Думы, суть: 30 лѣтъ возраста, 9 лѣтъ гражданства въ Россіи для иностранца и жительство во время избранія въ той Державѣ, которая его избираетъ, недвижимаго имѣнія цѣною на 1,500 фунтовъ чистаго серебра или движимаго на 3,000 фунтовъ чистаго серебра.

76. Дума избираетъ *сама* своего предсѣдателя, намѣстника предсѣдателя и прочихъ своихъ чиновниковъ. Предсѣдатель наблюдаетъ за порядкомъ разсужденій, но не имѣетъ права голоса. Намѣстникъ занимаетъ его мѣсто, когда онъ въ отсутствіи.

77. Верховной Думѣ принадлежитъ судъ надъ министрами, верховными судьями и всѣми прочими сановниками Имперіи, обвиненными народными представителями. Никто не можетъ быть объявленъ виновнымъ, какъ только $^2/_3$-ми голосовъ всѣхъ присутствующихъ членовъ. Дума не имѣетъ права назначить другого наказанія, какъ только *объявить подсудимаго виновнымъ и лишить его занимаемого имъ мѣста и званія.* Дальнѣйшее сужденіе надъ виновнымъ продолжается въ присутственныхъ мѣстахъ обыкновеннымъ порядкомъ судебнымъ съ присяжными, по письменному обвиненію *Верховнаго Блюстителя* (Генералъ-прокурора, который лично отвѣтствуетъ суду, когда обвиненіе докажется несправедливымъ). Изобличенный судомъ Государственный Сановникъ подвергается казни, опредѣленной законами.

Дума участвуетъ вмѣстѣ съ Императоромъ въ заключеніи мира, въ назначеніи судей верховныхъ судебныхъ мѣстъ, Главнокомандующихъ сухопутныхъ и

морскихъ силъ, корпусныхъ командировъ, начальниковъ эскадръ и Верховнаго Блюстителя. Для сего потребно большинство $^{2}/_{3}$ членовъ Думы.

ГЛАВА IX.

О власти, преимуществахъ Народнаго Вѣча и составленіи законовъ.

78. Народное Вѣче собирается, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ. Открытіе его засѣданій назначается въ первый вторникъ декабря мѣсяца, доколѣ закономъ не будетъ опредѣлено другого срока.

79. Каждая Палата сама судитъ о правахъ и выборѣ своихъ членовъ. Въ обѣихъ большинство достаточно, чтобы судить о дѣлахъ, но четвертая часть оныхъ имѣетъ право отсрочивать засѣданія отъ дня на день, до съѣзда остальныхъ членовъ и уполномочена принудить отсутствующихъ членовъ прибыть къ засѣданіямъ таковыми пѣнями, каковы будутъ по сему предмету установлены обѣими Палатами.

80. Каждая Палата имѣетъ право сдѣлать свое постановленіе наказывать членовъ своихъ за непристойное поведеніе и въ случаѣ преступленія, но отнюдь не мнѣній, исключить члена *опредѣленіемъ* $^{2}/_{3}$ голосовъ.

81. Засѣданія обѣихъ палатъ публичныя. Обѣ Палаты однако же по предложенію Императора разсуждаютъ съ замкнутыми дверями, выславъ напередъ всѣхъ постороннихъ. Сіе происходитъ равнымъ образомъ въ *Палатѣ представителей,* когда 50 членовъ оной востребуютъ тайнаго совѣщанія, и въ Верховной Думѣ по востребованію 5 членовъ. Женщины и несовершеннолѣтніе до 17 лѣтняго возраста не допускаются на засѣданія обѣихъ Палатъ.

82. Каждая Палата ведетъ дневныя записки своихъ разсужденій и печатаетъ оныя отъ времени до времени, кромѣ того, что они опредѣлятъ оставить тайнымъ. Мнѣнія членовъ каждой Палаты въ пользу или противъ какого либо предложенія должны быть записаны въ журналъ по востребованію $^{1}/_{5}$ числа присутствующихъ членовъ.

83. Члены Верховной Думы и представители получаютъ изъ общественной казны вознагражденіе за свое

служеніе, за каждый день, въ которомъ они присутствовали на засѣданіяхъ, равное 21 золотнику чистаго серебра (5 рублей серебромъ).

За каждыя сто верстъ, которыя имъ нужно проѣзжать отъ своего мѣстопребыванія до столицы и обратно къ себѣ, получаютъ они также вознагражденія, равныя сорока тремъ (43) золотникамъ чистаго серебра (10 рублей серебромъ).

Ни въ какомъ случаѣ, кромѣ измѣны, преступленія и нарушенія общественнаго порядка, нельзя брать подъ стражу членовъ Народнаго Вѣча ни во время засѣданій, ни на пути ихъ въ столицу, ни во время возвращенія ихъ.

85. Нигдѣ нельзя ихъ тревожить за то, что они говорили каждый въ своей Палатѣ, и никто не въ правѣ требовать отъ нихъ объясненія рѣчей ихъ, тамъ произнесенныхъ. Членъ Палаты, уличенный въ преступленіи, до приговора судебнаго исключается Палатою своею.

85. Никакой должностной человѣкъ, въ службѣ общественной находящійся, не можетъ быть членомъ ни той, ни другой Палаты, пока онъ будетъ сохранять свою должность.

86. Никакой членъ Думы, ни представитель въ продолженіи всего того времени, на которое онъ избранъ въ сіе званіе, не можетъ быть назначенъ ни въ какую гражданскую должность, которая была бы учреждена, или которой бы выгоды были въ то время увеличены или умножены.

87. О всякомъ предложеніи налоговъ или набора ратниковъ должно быть напередъ разсуждаемо въ Палатѣ Представителей, но Дума можетъ дѣлать онымъ измѣненія, какъ и во всякомъ предложеніи. Измѣненія сіи въ предложеніи о налогахъ тогда только становятся дѣйствительными, когда Палата Представителей оныя допуститъ.

88. Всякій проектъ закона прочитается три раза въ каждой палатѣ. Между всякимъ чтеніемъ должно пройти 3 дня, по крайней мѣрѣ; послѣ каждаго чтенія происходятъ разсужденія. Послѣ перваго чтенія проектъ закона печатается и раздается всѣмъ присутствующимъ Членамъ.

89. Всякое предложеніе, получившее согласіе Думы и Палаты представителей должно еще быть представ-

лено *Императору*, чтобы получить силу *закона*. Если Императоръ одобряетъ предложенie, то подписываетъ оное, ежели не одобряетъ, то отсылаетъ съ своими замѣчанiями въ ту Палату, въ которую оно сначала поступило. Палата записываетъ въ свой журналъ всѣ замѣчанiя Императора противъ сего предложенiя и вновь открываетъ объ этомъ разсужденiя. Если послѣ сего вторичнаго сужденiя о предложенiи $^2/_3$ членовъ остаются въ пользу предложенiя, то оное поступаетъ со всѣми замѣчанiями Императора въ другую Палату, которая начнетъ также разбирать оное вновь, и тамъ, если таковыхъ *большинство* одобряетъ оное, оно становится уже отъ того *закономъ*. Въ подобныхъ сему случаяхъ Члены Палаты должны подавать свои голоса черезъ одно выраженie *да* или *нѣтъ*, и въ журналѣ каждой Палаты записываются имена всѣхъ членовъ, подававшихъ голоса въ пользу или противъ сего *предложенiя*.

90. Ежели Императоръ по прошествiи 10 дней (исключая воскреснаго) не возвратитъ представленнаго ему проекта, то оный получаетъ силу закона. Если же народное Вѣче отсрочитъ между тѣмъ свои засѣданiя, то предложенie не становится закономъ. Всякое приказанie, рѣшенie, или прокламацiя и манифестъ, требующiе содѣйствiя обѣихъ Палатъ (исключая разсужденiя объ отсрочкѣ засѣданiй), должно быть представлено Императору и утверждено имъ, чтобы быть приведеннымъ въ исполненie. Если же онъ отвергнетъ оное, то оно должно быть снова принято $^2/_3$ обѣихъ Палатъ, сходно съ правилами выше означенными.

91. Проектъ, отвергнутый одной изъ Палатъ, можетъ быть вновь представленъ только въ слѣдующiй съѣздъ народнаго Вѣча.

92. Народное Вѣче имѣетъ власть постановлять и отмѣнять законы судные и исполнительные, то есть:

1) Издать для Россiи Уложенie Гражданское, Уголовное, Торговое и Военное, уставить Учрежденiя по благочинiю и правила судопроизводства и внутренняго управленiя присутственныхъ мѣстъ.

2) Объявлять закономъ въ случаѣ нашествiя или возмущенiя, что такая область находится на военномъ положенiи и подъ *военными законами*.

3) Обнародовать законъ о *Всепрощенiи*.

4) Распускать правительственныя собранiя Державъ

въ случаѣ, если бы оныя преступали предѣлы своей власти, и повелѣть *избирателямъ* приступить къ новымъ выборамъ.

5) Объявлять войну.

6) Устройство, содержаніе, управленіе, расположеніе и движеніе войскъ сухопутныхъ и морскихъ, система укрѣпленія предѣловъ, береговъ, пристаней, наборъ пополненіе войскъ и внутренняя стража зависятъ отъ узаконеній Народнаго Вѣча.

7) Налоги, займы, повѣрки расходовъ, пенсіи, жалованія, всѣ сборы и издержки, однимъ словомъ, всѣ финансовыя мѣры. Но оно не можетъ утвердить никакой бюджетъ болѣе, нежели на два года.

8) Всѣ мѣры Правительства о промышленности, о богатствѣ народномъ, учрежденія ямовъ, почтъ, содержаніе сообщеній сухопутныхъ и водяныхъ, заведеніе новыхъ, учрежденіе банковъ.

9) Покровительствуетъ Наукамъ и полезнымъ Искусствамъ, даетъ сочинителямъ и изобрѣтателямъ исключительное право пользоваться опредѣленное число лѣтъ ихъ сочиненіями и изобрѣтеніями. Имѣетъ право предлагать Держ. Прав. собраніямъ повсемѣстное преподаваніе Закона Божія, языка Россійскаго, Общественнаго Устава и Военныхъ Наукъ, но отнюдь не можетъ ограничивать въ семъ смыслѣ свободы оныхъ и частнаго преподаванія.

10) Постановленія правилъ награжденія для гражданскихъ чиновниковъ, устройство порядка службы во всѣхъ отрасляхъ управленія и статистическіе отчеты всѣхъ частей правительства.

11) Получа донесеніе Министра, въ случаѣ болѣзни тѣлесной или нравственной Императора кончины или отреченія объявляетъ регентство или провозглашаетъ Наслѣдника Императоромъ.

12) Избираетъ Правителей Державъ.

93. Народное Вѣче не имѣетъ власти учреждать новыхъ конституціонныхъ законовъ, ни отмѣнять существующихъ, однимъ словомъ, не имѣетъ права издавать постановленій ни о какомъ предметѣ, не помѣщенномъ въ семъ исчисленіи правъ его.

94. *Народное Вѣче*, составленное изъ мужей избранныхъ народа Русскаго и представляя Его собою, пріемлетъ наименованіе Его Величества.

95. Народное Вѣче опредѣляетъ общіе налоги и издержки, предоставляя частныя распоряженіямъ правительственныхъ собраній Державъ. Существующіе долги признаются народнымъ Вѣчемъ, которое ручается въ платежѣ оныхъ.

96. До будущихъ установленій Народнаго Вѣча, подати остаются тѣ же, за исключеніемъ только того,—

1) Что люди, извѣстные нынѣ подъ названіемъ мѣщанъ, освобождаются отъ платежа излишней противъ экономическихъ и другихъ пошлинъ подушной подати и сравниваются въ платежѣ съ ними.

2) Что невзрослые до 17 лѣтъ и достигшіе 60-ти лѣтняго возраста равно освобождаются отъ подушнаго оклада.

3) Что подать сія распространяется на всѣхъ остальныхъ гражданъ, поелику всѣ равны передъ закономъ и обязаны нести одни и тѣ же повинности.

97. Народное Вѣче отъ времени до времени издаетъ въ общенародное свѣдѣніе подробный отчетъ всякаго общественнаго прихода и расхода. Казначейство Россійское не отпускаетъ никакой суммы, какъ вслѣдствіи утвержденнаго народнымъ Вѣчемъ закона.

1) Право измѣнить Уставъ или избрать другое поколѣніе на царство принадлежитъ Народному и Державнымъ соборамъ, а не Народному Вѣчу.

98. Народное Вѣче не имѣетъ власти ни постановлять, ни запрещать какое-либо Вѣроисповѣданіе, или Расколъ. Вѣра, совѣсть и мнѣнія гражданъ, пока оныя не обнаруживаются противузаконными дѣйствіями, не подлежатъ власти Народнаго Вѣча. Но Расколъ, основанный на развратѣ или на дѣйствіяхъ противуестественныхъ, преслѣдуется присутственными мѣстами на основаніи общихъ постановленій. Народное Вѣче не имѣетъ власти нарушать свободы рѣчей и книгопечатанія.

99. Народное Вѣче не разсуждаетъ во присутствіи Императора и въ то же время не собираютъ голосовъ. На рѣчь Императора Предсѣдатели обѣихъ Палатъ должны отвѣчать, что Народное Вѣче займется предлагаемыми ему предметами.

100. Народное Вѣче имѣетъ право взять частную собственность въ общественное употребленіе за справедливое вознагражденіе, но для сего долженъ быть

предварительно выданъ законъ обыкновеннымъ порядкомъ, т. е. оный долженъ пройти черезъ обѣ Палаты и быть утвержденъ Императоромъ. Въ семъ законѣ должны быть изъяснены подробно:

1) Количество и настоящая цѣна имѣнія (частнаго лица или частныхъ лицъ), котораго пріобрѣтеніе необходимо для общественнаго употребленія.

2) Условія или суммы, предлагаемыя частнымъ лицамъ въ вознагражденіе за принужденную продажу. Къ тому же должны быть приложены достовѣрныя свидѣтельства, что показанная цѣна имѣнія есть настоящая.

3) Власти, которыя Уставъ сей не поручаетъ никакому изъ означенныхъ въономъ собраній или сановниковъ, предоставляется всѣму Народу Русскому.

ГЛАВА X.

О верховной исполнительной власти.

I раздѣлъ . . . . . о императорѣ.
II раздѣлъ . . . . . временный правитель.
III раздѣлъ . . . . . главы приказовъ.

101. Императоръ есть: Верховный Чиновникъ Россійскаго Правительства. Его права и преимущества суть:

1) Власть его наслѣдственная по прямой линіи отъ отца къ сыну, но отъ тестя она не переходитъ къ зятю.

2) Онъ соединяетъ въ особѣ своей всю исполнительную власть.

3) Онъ имѣетъ право останавливать дѣйствіе законодательной власти и принуждать ее ко вторичному разсмотрѣнію закона.

4) Онъ Верховный Начальникъ сухопутной и морской силы.

5) Онъ Верховный Начальникъ всякаго отдѣленія Земскихъ Войскъ, поступающаго въ дѣйствительную службу Имперіи.

6) Онъ можетъ требовать письменнаго мнѣнія главнаго чиновника каждаго исполнительнаго департамента о всякомъ предметѣ, съ его обязанностью сопряженномъ.

7) Ведетъ переговоры съ иностранными державами и заключаетъ мирные трактаты съ совѣта и съ согласія Верховной Думы, лишь только двѣ трети присутствующихъ Думы на то согласились. Трактатъ, таковымъ образомъ заключенный, поступаетъ въ число Верховныхъ законовъ.

8) Онъ назначаетъ посланниковъ, министровъ и консуловъ и представляетъ Россію во всѣхъ ея отношеніяхъ съ иностранными Державами. Онъ назначаетъ всѣхъ чиновниковъ, о которыхъ не говорено въ семъ Уставѣ.

9) Не можетъ однако же помѣщать въ трактатахъ статей, нарушающихъ права и состояніе Гражданъ внутри отечества. Равнымъ образомъ не можетъ включать въ оные безъ согласія Вѣча Народнаго условій напасть на какую-либо землю, не можетъ уступить никакого участка земель, принадлежащихъ Россіи.

10) Назначаетъ судей верховныхъ судебныхъ мѣстъ съ совѣта и согласія Верховной Думы.

11) Онъ наполняетъ всѣ мѣста, сдѣлавшіяся свободными, когда Народное Вѣче распущено, и даетъ отъ себя постановленнымъ временнымъ чиновникамъ Грамоты на сіи мѣста, которыя имѣютъ силу до окончанія перваго съѣзда Думы.

12) Онъ означаетъ и постановляетъ по каждой отрасли дѣлъ или въ каждомъ Приказѣ Главу, какъ то:

1) Главу казначейскаго Приказа (М. Фин.).

2) Главу Приказа сухопутныхъ силъ (Мин. Воен.).

3) Главу Приказа морскихъ силъ (Морск. М.).

4) Главу Приказа внѣшнихъ сношеній.

13) Онъ обязанъ при каждомъ съѣздѣ обѣихъ Палатъ доставлять Народному Вѣчу свѣдѣнія о состояніи Россіи и представлять его сужденію принятіе мѣръ, которыя ему покажутся необходимыми или приличными.

14) Онъ имѣетъ право созывать обѣ Палаты и Верховную Думу въ случаѣ переговоровъ или суда.

15) Не можетъ употреблять войска во внутренности Россіи въ случаѣ возмущенія, не сдѣлавъ о томъ предложенія Народному Вѣчу, которое немедленно обязано удостовѣриться посредствомъ слѣдствія въ необходимости Военнаго положенія

16) По востребованію его обѣ Палаты разбираютъ

его предложеніе въ тайномъ совѣщаніи, ежели сіе покажется ему нужнымъ.

17) Если бы Палаты не согласились между собой на время отсрочки ихъ засѣданій, то онъ можетъ отсрочить оныя, но не болѣе, какъ на три мѣсяца.

18) Онъ принимаетъ пословъ и уполномоченныхъ иностранныхъ Правительствъ.

19) Наблюдаетъ за строгимъ исполненіемъ общественныхъ законовъ.

20) Даетъ Грамоты назначенія всѣмъ Чиновникамъ Имперіи.

21) Ему дается титулъ Его Императорскаго Величества,—никакой другой не допускается. Выраженія: Имянное повелѣніе, Высочайшее соизволеніе, соизволеніе быть по сему и т. п. уничтожаются, яко неприличныя и не имѣющія никакого значенія въ землѣ благоустроенной.

22) Народное Вѣче опредѣляетъ, съ какимъ обрядомъ новый Императоръ принимаетъ сіе званіе.

23) Императоръ при вступленіи своемъ въ правленіе произноситъ слѣдующую присягу посреди Народнаго Вѣча:

„Я клянусь торжественно, что буду вѣрно исполнять обязаности Императора Россійскаго и употреблю всѣ мои силы на сохраненіе и защиту сего конституціоннаго Устава Россіи“.

102. Кабинетъ уничтожается, ясакъ Сибирскихъ Народовъ и всѣ такъ называемыя регаліи поступаютъ въ общественное Казначество, но Императоръ получаетъ на содержаніе свое и своего семейства ежегодно изъ общественнаго Казначейства сумму, равную цѣнѣ 102,000 фунтовъ чистаго серебра (2,000,000 рублямъ серебрянымъ), въ которыхъ онъ никому не обязанъ давать отчета.

103. Особы, составляющія Семейство Императора, не отличаются отъ частныхъ лицъ, подчинены тѣмъ же учрежденіямъ и тому же вліянію Правительства, какъ и всѣ прочія, и не пользуются никакими особыми правами и преимуществами.

104. Такъ называемый Дворъ не можетъ имѣть существованія, признаннаго законами въ землѣ благоустроенной, и для того Императоръ властенъ имѣть Оберъ-Камергеровъ, Камергеровъ, Оберъ-Гофмарша-

ловъ, Оберъ-Церемоніймейстеровъ, Оберъ-Гофмейстеровъ, Оберъ-Шенковъ, Шталмейстеровъ, Камеръ-Юнкеровъ, Камеръ-Пажей, Пажей, Штатсъ-дамъ, Гоффрейлинъ и прочее.

Но всѣ сіи званія иностранныя не даютъ особамъ, носящимъ оныя, права почитаться въ общественной службѣ, когда они себя посвятили служенію одного лица, и потому они не получаютъ ни жалованія, ни какихъ либо вознагражденій изъ общественнаго Казначейства, но Императоръ имѣетъ право давать имъ жалованіе изъ отпускаемыхъ ему 8,000,000 мил. (2 мил.?) Сверхъ того, они лишаются на то время правъ гражданства, т. е. права избирать и преимущества быть избраннымъ въ общественныя должности, поелику онѣ находятся въ частномъ служеніи.

105. Правитель Имперіи не можетъ удалиться изъ оной безъ важныхъ неудобствъ:

1) Ходъ дѣлъ въ Правленіи замедляется.

2) Равновѣсіе властей разстраивается.

3) Неприлично, чтобы первослужитель Народа находился не среди онаго.

4) Народъ можетъ претерпѣть важныя оскорбленія въ лицѣ его отъ Иностранцевъ.

5) Такое путешествіе повлечетъ за собой издержки, возбраненныя симъ Уставомъ.

6) Сверхъ того, въ отдаленіи отъ отечества Императоръ можетъ скорѣе слѣдовать внушеніямъ иностранныхъ завистниковъ и сдѣлаться орудіемъ ихъ злоумышленій, а потому Императоръ ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права выѣхать изъ предѣловъ Отечества, даже въ заморскія владѣнія отечества.

106. Выѣздъ Императора изъ Россіи не иначе представляется, какъ оставленіемъ оной и отреченіемъ отъ званія Императорскаго; въ такомъ случаѣ Народное Вѣче немедленно провозглашаетъ наслѣдника его Императоромъ.

107. Совершеннолѣтіе Императора полагается 18 лѣтъ; въ случаѣ объявленной Министрами неспособности тѣлесной или нравственной Императора и признанной Народнымъ Вѣчемъ наслѣдникъ его заступаетъ мѣсто временнаго Правителя (Регента), буде это временный недугъ,—мѣсто Императора, буде нѣтъ надежды на поправленіе его здоровья.

108. Въ случаѣ, если бы Наслѣдникъ Императора еще не достигъ 18-ти лѣтняго возраста, тогда мѣсто Правителя Россіи занимаетъ Предсѣдатель Думы Верховной, предсѣдательство же Думы Верховной переходитъ его Намѣстнику. Черезъ каждые 4 года избирается новый Правитель поочередно — въ первый разъ Думою изъ всей Палаты Представителей, во — второй Палатою представителей изъ среды Верховной Думы и такъ далѣе до совершеннолѣтія Наслѣдника.

109. Членъ Думы или Народный Представитель, занимающій мѣсто Правителя Россіи, во все время получаетъ вознагражденіе, ежегодно, равное цѣнности 2,000 фунтовъ чистаго серебра (40,000 рублей серебренныхъ). Временный Правитель пользуется всѣми правами, предоставленными симъ Уставомъ Императору.

110. Если бы болѣзненный припадокъ или кончина Императора случились въ такое время, когда распущено Народное Вѣче, то Члены Приказовъ обязаны подъ своею отвѣтственностью созвать немедленно обѣ Палаты или, по крайней мѣрѣ, Верховную Думу.

111. Женщины не наслѣдуютъ Императорской власти и не доставляютъ никому на оную права посредствомъ брака:—общество людей свободныхъ не есть отчина и не можетъ служить... (sic) Императорское званіе учреждено наслѣдственнымъ для удобства, а не потому, чтобы оно было въ самомъ дѣлѣ семейственнымъ достояніемъ. Итакъ, по пресѣченіи мужского поколѣнія, народъ учредитъ видъ правленія или приступитъ къ избранію другого семейства.

XV. Право сіе было превозглашаемо и признано даже тѣми Императорами Россійскими, которые почитали себя источниками всякой власти и, слѣдовательно, не предполагали никакой власти въ народѣ.

112. Кромѣ мирныхъ трактатовъ, отчетовъ, представляемыхъ Народному Вѣчу, о состояніи Россіи, предложенія мѣръ или изданія законовъ, грамотъ Посланникамъ, Чиновникамъ Имперіи и законовъ, утвержденныхъ Народнымъ Вѣчемъ, Императоръ не подписываетъ ни одной бумаги. Всѣ остальныя бумаги, счеты, предписанія и донесенія подписываютъ Главы Приказовъ, каждый по своей части, а иногда всѣ вмѣстѣ, когда дѣло идетъ о постановленіи для всѣхъ общемъ, или когда они подаютъ свое мнѣніе Вѣчу.

113. Всѣ гражданскіе Чиновники, Главы Приказовъ, Правитель временный и пр. могутъ быть лишены своихъ должностей, если вслѣдствіе обвиненія Палатою Представителей уличены будутъ Думою въ измѣнѣ, расхищеніи общественной казны или сдѣлали еще какія-либо преступленія и, наконецъ, ежели окажутся неспособными.

114. Всякій Чиновникъ исполнительной власти отвѣчаетъ за каждое свое дѣйствіе; никто не можетъ оправдаться полученнымъ приказаніемъ, ибо въ гражданскомъ быту слѣпое повиновеніе не можетъ быть допущено, и всякій исполнитель противузаконнаго велѣнія будетъ наказанъ такъ, какъ и подписавшій велѣніе. Императоръ не подлежитъ сужденію, если же самъ Императоръ лично учинитъ какое-либо преступленіе, за которое никто другой не подлежитъ отвѣтственности, то сіе приписывается нравственному недугу Народнымъ Вѣчемъ, которымъ, въ такомъ случаѣ, учреждается Регенство, посредствомъ особаго закона.

ГЛАВА XI.

О внутреннихъ властяхъ и о правительствахъ Державъ.

115. Правительство каждой Державы состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ независимыхъ другъ отъ друга властей, но содѣйствующихъ къ одной цѣли, а именно: правительствующей, исполнительной и судной.

ГЛАВА XII.

О Правительствующей власти Державъ.

116. Правительствующая власть каждой Державы поручается правительствующему собранію, состоящему изъ Палатъ Выборныхъ и изъ Думы. Правительственное собраніе въ столичномъ городѣ каждой Державы.

117. Раздѣлъ первый.—О Палатѣ Выборныхъ.

1) Палата выборныхъ составлена изъ членовъ, избранныхъ гражданами на одинъ годъ. Они вступаютъ въ должность въ послѣдній вторникъ ноября и остаются до послѣдняго понедѣльника ноября слѣдующаго года, въ который они заключаютъ свои засѣданія и

расходятся, дабы уступить свое мѣсто новымъ выборнымъ, которые вступаютъ на другой день, т. е. въ послѣдующій вторникъ ноября.

2) Чтобы быть выборнымъ, должно отвѣтствовать условіямъ въ § 5: жительство въ державѣ, для иностраннаго уроженца, семилѣтнее исправленіе Россійскаго гражданскаго званія, не должно находиться въ подрядахъ общественныхъ на то время.

3) Число выборныхъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: каждые 10,000 жителей мужского пола посылаютъ одного выборнаго въ Правительствующее собраніе своей Державы, и такъ число оныхъ будетъ слѣдующее:

I.	Въ	Ботническомъ Правительственномъ собраніи	45	выборныхъ.
II.	Въ	Волховскомъ	181	„
III.	„	Балтійскомъ	75	„
IV.	„	Западномъ	212	„
V.	„	Днѣпровскомъ	260	„
VI.	„	Черноморскомъ	345	„
VII.	„	Кавказскомъ	75	„
VIII.	„	Украинскомъ	350	„
IX.	„	Заволжскомъ	245	„
X.	„	Камскомъ	201	„
XI.	„	Низовскомъ	142	„
XII.	„	Обійскомъ	49	„
XIII.	„	Ленскомъ	25	„
1.	„	Московскомъ	50	„
2.	„	Донскомъ	15	„

4) Каждый годъ въ послѣдній вторникъ Сентября мѣсяца имѣютъ быть сходки гражданъ для избранія выборныхъ и четвертой части членовъ Державной Думы (кромѣ перваго раза, въ который избираются всѣ члены Державныхъ Думъ) подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго и его помощниковъ. 4 дня полагаются срокомъ окончательнымъ для выборовъ.

5) При приведеніи въ дѣйство сего Устава тысяцкій утверждаетъ списокъ назначенныхъ выборныхъ, обнародываетъ оный, въ продолженіи двухъ недѣль доставляетъ каждому выборному отъ своего имени позывъ ѣхать въ Державную столицу. По при-

веденіи же сего Устава въ дѣйство тысяцкій обязанъ доставить сей подписанный имъ и засвидѣтельствованный списокъ въ продолженіи двухъ недѣль на разсмотрѣніе и разсужденіе Правительствующаго собранія, которое отъ своего уже имени посылаетъ новымъ избраннымъ правительственныя грамоты. Правитель и его совѣтъ участвуютъ въ семъ разборѣ и сужденіи вмѣстѣ съ обѣими Палатами.

118. Раздѣлъ второй.—О Державной Думѣ.

1) Дума составлена изъ членовъ, избранныхъ на 4 года тѣми же избирателями, какъ и выборные, и на тѣхъ же сходкахъ въ послѣдній вторникъ Сентября мѣсяца: на первый разъ по введеніи сего Устава всѣ члены Державныхъ Думмъ изберутся на одной сходкѣ. Впослѣдствіи на ежегодныхъ сходкахъ будетъ избираться только 1/4 Думы для замѣны выбывающей ежегодно 1/4 части членовъ.

2) Члены Думы должны отвѣчать слѣдующимъ условіямъ: имѣть, по крайней мѣрѣ, 30 лѣтъ возраста, имѣть жительство въ Державѣ, которая ихъ избираетъ на то время, и пользоваться уже 9-ти лѣтнимъ Гражданствомъ въ Россіи, если они не родились русскими, быть непорочными въ поведеніи, имѣть недвижимаго имѣнія, коего цѣна равнялась 750 фунтамъ чистаго серебра или движимаго на 1,500 фунтовъ чистаго серебра (отъ 15,000 до 30,000 сереб. рублей).

3) Число Членовъ Державныхъ Думъ полагается около трети числа выборныхъ а именно:

I.	Въ	Балтійской	Державѣ	24	чл. Думы
II.	„	Волховской	„	60	„
III.	„	Ботнической	„	15	„
IV.	„	Западной	„	70	„
V.	„	Днѣпровской	„	86	„
VI.	„	Черноморской	„	115	„
VII.	„	Кавказской	„	25	„
VIII.	„	Украинской	„	115	„
IX.	„	Заволжской	„	80	„
X.	„	Камской	„	67	„
XI.	„	Низовской	„	47	„
XII.	„	Обійской	„	16	„
XIII.	„	Ленской	„	8	„
1.	„	Области Московской		16	„
2.	„	„ Донской		5	„

4) Дума по собраніи своемъ немедленно раздѣляется на четыре части, по возможности равныя, изъ коихъ одна ежегодно по жребію выходитъ и замѣняется новыми выборными, такъ что въ продолженіе 4-хъ лѣтъ вся Дума возобновляется.

119. Раздѣлъ третій.—О внутреннемъ устройствѣ и власти правительствующихъ собраній.

1) Каждый годъ правительствующее собраніе съѣзжается въ столичномъ городѣ Державы въ послѣдній вторникъ Ноября мѣсяца. Второй съѣздъ оного въ Сентябрѣ слѣдующаго года. Продолженіе съѣзда зависитъ отъ большаго или меньшаго занятія Правительствующаго собранія.

2) Каждая палата избираетъ сама своего предсѣдателя и дѣлаетъ постановленія для внутренняго своего управленія. Получивъ отъ тысяцкаго списки выборныхъ она пересуживаетъ ихъ правильность, посылаетъ пригласительныя грамоты тѣмъ, кои правильно избраны, уничтожаетъ неправильные выборы и повелѣваетъ приступить къ новымъ выборамъ на сіи мѣста. За каждый день засѣданія члены палаты получаютъ вознагражденіе, равное 8 золотникамъ чистаго серебра (два рубля серебромъ).

Въ обѣихъ палатахъ выбывшіе члены могутъ быть снова избраны. Если бы вдругъ по необычайной смертности или инымъ какимъ либо причинамъ выбыло много членовъ, то Палаты имѣютъ право повелѣть приступить въ Уѣздахъ или Повѣтахъ къ пополнительнымъ выборамъ.

4) Никакой должностной человѣкъ не можетъ, пока онъ будетъ сохранять свою должность, быть членомъ ни той, ни другой Палаты. Право дѣлать предложеніе о постановленіяхъ принадлежитъ обѣимъ Палатамъ и исполнительной власти Державы (Правителю) съ слѣдующимы отличіями. Всякое предложеніе о налогахъ поступаетъ сперва въ Палату выборныхъ. Дума можетъ дѣлать въ ономъ измѣненія, какъ и во всякомъ другомъ предложеніи. Право обвинять общественныхъ чиновниковъ принадлежитъ Палатѣ выборныхъ, право судить ихъ — Думѣ. Осужденные Думою лишаются своего мѣста и судятся потомъ въ присутственныхъ мѣстахъ обыкновеннымъ порядкомъ по обвиненію письменному Державнаго Блюстителя.

5) Засѣданіе обѣихъ Палатъ происходятъ при открытыхъ дверяхъ, по предложенію Правителя Палаты должны совѣщаться тайно, равнымъ образомъ, когда въ Палатѣ выборныхъ или въ Думѣ $^1/_3$ наличныхъ членовъ того востребуетъ. Каждая Палата ведетъ дневныя записки своихъ разсужденій и печатаетъ оныя отъ времени до времени, кромѣ того, что онѣ предложатъ оставить въ тайнѣ. Ни которая изъ Палатъ не можетъ безъ согласія другой отсрочить своихъ засѣданій болѣе, нежели на 3 дня, ни перенести оныхъ въ другое мѣсто, кромѣ того, въ которомъ засѣдаютъ обѣ Палаты.

6) Ни въ какомъ случаѣ, кромѣ измѣны, преступленія или нарушенія общественнаго порядка, нельзя брать подъ стражу членовъ Правительствующаго собранія ни во время засѣданій, ни на пути ихъ въ державный городъ, ни во время возвращенія изъ онаго. Члены не отвѣчаютъ за обнаруженное ими мнѣніе въ Палатѣ.

7) Каждая Палата имѣетъ право отринуть предложеніе другой Палаты или Правителя Державы. Дума однако-же обязана судить чиновниковъ, обвиненныхъ выборными. Предложеніе, получившее согласіе обѣихъ Палатъ, идетъ на Утвержденіе Правителя Державы. Подпись Правителя Державы даетъ оному силу закона. Державный Правитель обязанъ возвратить предложеніе въ ту Палату, въ которой оно начало воспріяло, впродолженіи 10 дней съ своими возраженіями. Въ противномъ случаѣ по прошествіи сего срока предложеніе становится закономъ.

8) Если Правитель сдѣлалъ возраженіе противъ предложенія, то происходитъ въ Палатахъ вторичное объ ономъ разсужденіе; какъ и въ Народномъ Вѣчѣ, $^2/_3$ голосовъ рѣшатъ. Всякое приказаніе, рѣшеніе и проч., требующее содѣйствія обѣихъ Палатъ (исключая разсужденій объ отсрочкѣ засѣданій), должно быть представленно Правителю и имъ утверждено. Вообще, правительныя собранія руководствуются правилами, изложенными для Народнаго Вѣча.

9) Правительное собраніе каждой Державы имѣетъ право:

1) Дѣлать постановленія, касающіяся до внутренняго управленія Державъ.

2. Дѣлать новое раздѣленіе края, болѣе сообразное съ нуждами и средствами жителей.

3. Установлять, въ какихъ городахъ или мѣстечкахъ будетъ происходить выборъ народныхъ представителей, и какимъ образомъ сей выборъ долженъ происходить.

4. Дѣлать всякія постановленія, сообразныя съ симъ Уставомъ и съ постановленіями, онымъ не отмѣненными.

5. Учреждать налоги для собственнаго управленія Державъ и составлять казну. Частные налоги для собственнаго управленія каждой Державы и потребностей оной, какъ-то: дорогъ, каналовъ, строеній, издержекъ на правительственное собраніе, оплату чиновниковъ исполнительной власти, на судебную часть и прочее, зависятъ отъ власти Правительственнаго собранія каждой Державы. Общіе налоги для содержанія войска сухопутнаго и морского, крѣпостей, почтъ, связей съ иностранными государствами, вознагражденіе членовъ Народнаго Вѣча, платы Верховныхъ Чиновниковъ, проложеніе сообщеній, превозмогающихъ мѣстныя средства, однимъ словомъ, для всѣхъ нуждъ и потребностей всей общины Россійской, назначаются Народнымъ Вѣчемъ.

6. Дѣлать всякаго рода общественныя заведенія, учебныя учрежденія, школы и прочее.

7. Содержать и приводить въ порядокъ сообщенія.

8. Правительствующее собраніе имѣетъ право просить Народное Вѣче о созывѣ Народнаго собранія для измѣненія конституціоннаго Устава.

10) Правительственныя собранія не могутъ имѣть мѣста въ городахъ, занятыхъ непріятелемъ или возмутившихся. Если Правительственное собраніе останется въ таковомъ мѣстѣ, то дѣйствія оного противозаконны и теряютъ свою силу. Равнымъ образомъ всякій сановникъ Имперіи, безъ исключенія, находящійся во власти непріятеля, теряетъ во время своей неволи и пока не возвратится всю власть и права, коими онъ облеченъ. Никакая конституціонная, законодательная, судебная, ни исполнительная власть не можетъ существовать въ краю, занятомъ непріятелемъ.

ГЛАВА XIII.

О исполнительной власти Державъ.

120) Исполнительная власть каждой Державы поручена Державному Правителю, его Намѣстнику и Совѣту. Условія, чтобы быть Правителемъ, суть слѣдующія.

1) 30 лѣтъ возраста для Иностранца, получившаго право гражданства, девяти-лѣтнее пользованіе онымъ, жительство въ той Державѣ, недвижимое имѣніе, равное цѣнѣ 1,500 фунтовъ чистаго серебра, или движимое, равное цѣнѣ 3,000 фунтовъ чистаго серебра (30,000 или 60,000 сереб. рублей).

121. Черезъ каждые 3 года Народное Вѣче избираетъ Правителей изъ списковъ кандидатовъ на сіе званіе, доставленныхъ въ оное Правительствующими собраніями. Сей выборъ производится обѣими соединенными вмѣстѣ Палатами Народнаго Вѣча и утверждается Императоромъ.

122. Права и занятія Правителя суть слѣдующія: Правители Державъ имѣютъ надзоръ за находящимися въ Державѣ чиновниками министерствъ.

1) Подтверждать законы, предполагаемые Правительствующимъ собраніемъ или принуждать оное ко вторичному разсужденію объ оныхъ, имѣетъ право предлагать законы на разсмотрѣніе обѣихъ Палатъ.

2) Отсрочивать засѣданіе обѣихъ Палатъ на то время, на которое онѣ того желаютъ; въ случаѣ же, если бы онѣ не были въ томъ между собой согласны, онъ имѣетъ право, чтобы согласить ихъ, отсрочить засѣданія до того времени, которое ему покажется приличнымъ.

3) Не можетъ однако же, хотя бы и въ нѣсколько пріемовъ, отсрочить засѣданія Правительствующаго собранія болѣе, нежели на 90 дней сряду.

4) Закрываетъ ежегодно засѣданія Палаты выборныхъ и распускаетъ членовъ оной наканунѣ послѣдняго вторника Ноября мѣсяца.

5) Въ случаѣ заразительной болѣзни или какой-нибудь другой опасности, угрожающей жизни Членовъ Правительствующаго собранія, онъ можетъ созвать оное въ другомъ какомъ-либо городѣ или мѣстѣ той Державы.

6) Онъ начальствуетъ надъ земскимъ войскомъ своей Державы, не можетъ однако же безъ согласія Правительствующаго собранія высылать оное изъ предѣловъ Державы. Не можетъ однако-же даже въ случаѣ возмущенія велѣть земскому войску дѣйствовать противъ жителей, пока Правительствующее собраніе не издастъ закона о военномъ положеніи Державы.

7) Назначаетъ по представленію своего совѣта Дер-

жавнаго Блюстителя законовъ, Судей Державныхъ и другихъ чиновниковъ изъ числа особъ, нанесенныхъ на 1 спискѣ.

8) Получаетъ ежегодное вознагражденіе, равное цѣнѣ 500 фунтовъ чистаго серебра (10.000 рублей серебромъ).

123. Правитель по окончаніи своего служенія можетъ быть назначенъ на то же мѣсто вторично только по прошествіи четырехъ лѣтъ. Сіе правило относится также до Намѣстника его и Совѣтниковъ.

124. Въ послѣдній вторникъ Ноября мѣсяца каждые три года обѣ палаты собираются въ комнату и приступаютъ вмѣстѣ къ выбору посредствомъ баллотировки Намѣстника и Совѣтниковъ. Выборъ производится $^2/_3$ голосовъ всѣхъ присутствующихъ членовъ.

125. Чтобы быть Намѣстникомъ Державнымъ и Совѣтникомъ, тѣ же условія нужны, что и для Правителя.

Число Совѣтниковъ для каждой Державы слѣдующее:

1) Для Державъ:
Волховской
Западной
Днѣпровской
Черноморской
Украинской
Заволжской
Камской
} по девяти.

2) Для Державъ:
Балтійской
Кавказской
Низовской
} по семи.

3) Для Державъ:
Ботнической
Обійской
Ленской
} по пяти.

4) Для областей:
1. Московской
2. Донской.
} по пяти.

127. Изъ 9-ти—5, изъ 7-ми—4, изъ 5—3 должно находиться всегда на лицо.

128. Постановленія и мнѣнія Совѣта вписываются въ особую книгу и подписываются присутствующими Членами. Обѣ Палаты имѣютъ право требовать къ себѣ книгу сію для разсмотрѣнія, когда только сіе покажется онымъ полезно.

129. Если Членъ Совѣта не согласенъ съ мнѣніемъ большинства, то имѣетъ право требовать, чтобы мнѣніе его было записано исполна. Совѣтъ участвуетъ во всѣхъ мѣрахъ и постановленіяхъ Правителя.

130. Въ случаѣ равенства голосовъ мнѣніе Правителя рѣшитъ. Совѣтники за каждое засѣданіе во все время съѣздовъ Правительствующаго Собранія получаютъ то же вознагражденіе, что выборные и члены Думы.

131. Члены Совѣта выбываютъ по третямъ ежегодно и замѣщаются, какъ и выбывшіе по другимъ причинамъ, какъ сказано въ № § 118.

132. Намѣстникъ правителя имѣетъ слѣдующія права:

1) Въ продолженіи временнаго отсутствія Правителя предсѣдательствуетъ въ Совѣтѣ, но не имѣетъ голоса, и такъ Совѣтъ имѣетъ всю исполнительную власть въ отсутствіи Правителя.

2) Если же мѣсто Правителя сдѣлалось празднымъ его смертью, болѣзнью или по другой какой либо причинѣ, то Намѣстникъ занимаетъ его мѣсто совершенно и вступаетъ въ его права.

3) Получаетъ вознагражденіе ежегодное, равное цѣнѣ 150 фунтовъ чистаго серебра (5,000 рублей серебромъ).

133. 1) Державный Дьякъ.
2) Державный Казначей.
3) Державный Собиратель пошлинъ.

Всѣ три избираются каждые три года обѣими соединенными въ одну комнату Палатами.

134. Правитель, Намѣстникъ, Блюститель, Дьякъ, Казначей и всѣ гражданскіе чиновники могутъ быть лишены своихъ званій, если въ слѣдствіи обвиненія Палатою выборныхъ будутъ уличены Думою и осуждены за измѣну, расхищеніе общественныхъ денегъ, другія какія либо преступленія или порочное поведеніе.

Всеобщая Библіотека Г. Ѳ. Львовича.

А. Киландъ. — Ядъ, романъ. Переводъ А. А. Русаковой-Львовичъ. (163 стр.). Цѣна 25 коп.

А Киландъ.—Фортуна, романъ. Переводъ А. А. Русаковой-Львовичъ. (181 стр.). Цѣна 25 коп.

Г. И. Успенскій.—Пришло на память. Цѣна 10 коп.

Г. И. Успенскій. — Обстановочка. — Идилія. — Невидимка Авдотья. Цѣна 10 коп.

Г. И. Успенскій.—Слѣпой пѣвецъ.—Чуткое сердце. Цѣна 10 коп.

Г. И. Успенскій.—Богъ грѣхамъ терпитъ. Цѣна 10 коп.

Г. И. Успенскій.—Отцы и дѣти. Цѣна 10 коп.

Ю. С. Гамбаровъ.—Политическія партіи въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Изданіе 2-ое. Цѣна 10 коп.

М. М. Ковалевскій.—Общій ходъ развитія политической мысли во второй половинѣ XIX вѣка. Ц. 10 коп.

В. Е. Янушкинъ.—Сперанскій и Аракчеевъ. Цѣна 15 коп.

А. А. Герценъ.—Наука и нравственность. Изд. 3-е. Ц. 8 коп.

П. Г. Мижуевъ.—Министръ-каменщикъ. Жизнь и дѣятельность англійскаго рабочаго, впослѣдствіи члена министерства, Генри Бродгерста. Цѣна 50 коп.

П. Г. Мижуевъ.—Женскій вопросъ и женское движеніе. Цѣна 20 к.

П. Г. Мижуевъ.—О формахъ и сущности государств. строя. Ц. 6 к.

А. Дюнанъ.—Народное законодательство въ Швейцаріи. Перев. Г. Ѳ. Львовича. Изд. 2-ое. Цѣна 25 коп.

К. Каутскій.—Возникновеніе семьи и брака. Переводъ Г. Ѳ. Львовича. Изд. 2-ое. Цѣна 25 коп.

К. Каутскій.—Національность нашего времени. Перев. Г. Ѳ. Львовича. Изданіе 2-ое. Цѣна 6 коп.

К. Каутскій.—Экономическія ученія Карла Маркса. Въ двухъ выпускахъ. I. Товаръ. -Деньги.—Капиталъ. Переводъ Г. Ѳ. Львовича. Цѣна 10 коп.—II. Прибавочная стоимость. -Заработная плата и доходъ съ капитала. Тюремный переводъ Я. В. Стефановича. Цѣна 10 коп.

К. Каутскій.—Развитіе государственнаго строя на Западѣ. Переводъ Г. Ѳ. Львовича. Изд. 2-ое. Цѣна 6 к.

К. Каутскій. — Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г. Переводъ Г. Ѳ. Львовича. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Цѣна 10 коп.

К. Каутскій.—Изъ исторіи культуры. Серія очерковъ.
I. Платоновскій и древне-христіан. коммунизмъ. Ц. 20 к.
II. Наемные рабочіе въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи. Цѣна 15 коп.

Дальнѣйшіе выпуски печатаются. Цѣна до 50 стр. не свыше 10 к., отъ 50 до 100 стр. не свыше 15 коп.

К. Каутскій.—Соціальная революція.—На другой день послѣ революціи. Цѣна 15 к.

К. Каутскій.—Русско-Японская война. Цѣна 4 коп.

К. Каутскій.—Торговая политика и соціалъ-демократія. Ц. 15 к.

Издательство Г. Θ. Львовича.

В. В.—На рубежѣ XIX столѣтія. (В. Блосъ. Исторія французской революціи). Переводъ Г. Θ. Львовича. Изд. 3-ье. Ц. 1 р. 50 к.

П. А. Берлинъ.—Германія наканунѣ революціи 1848 г. (Очерки общественной жизни и мысли Германіи 30-хъ и 40-ыхъ г. г. XIX ст.). (Печатается).

П. А. Берлинъ. — Пасынки цивилизаціи и ихъ просвѣтители. (Будущность некультурныхъ народовъ и культуртрегерство европейцевъ). Цѣна 1 р.

Проф. О. Пифферунъ. — Европейскія избирательныя системы. (Парламентскія, провинціальныя и муниципальныя). Пер. Ю. Стеклова. Со статьей М. М. Ковалевскаго: Къ исторіи всеобщаго избирательнаго права. Цѣна 1 р. 25 к.

П. Г. Мижуевъ. — Парламентаризмъ и представительная форма правленія въ главныхъ странахъ современной Европы. Цѣна 80 коп.

П. Г. Мижуевъ.—Важнѣйшія федераціи Стараго и Новаго Свѣта. (Печатается).

П. Г. Мижуевъ.—Народное представительство и законодательныя собранія главныхъ странъ современнаго міра. Цѣна 80 к.

П. Г. Мижуевъ.—Передовая демократія современнаго міра. Англійская колонія Новая Зеландія. Изданіе третье. Ц. 1 р.

П. Г. Мижуевъ.—Крестьянское царство. Очеркъ исторіи и современнаго состоянія Канады. Ц. 75 к.

П. Г. Мижуевъ. — Гербертъ Спенсеръ, основатель новѣйшей соціологіи. Цѣна 75 коп.

В. П. Батуринскій. — А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи. Томъ I. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ А. И. Герцена, портрета Н. П. Огарева и снимка съ памятника Герцену въ Ниццѣ. Цѣна 2 р. 50 коп.

Карлъ Каутскій. — Очерки и Этюды. Собраніе и переводъ Г. Θ. Львовича. Изданіе второе. Содержаніе: Общественные инстинкты въ мірѣ животныхъ.—Общественные инстинкты у людей. — Развитіе формъ законодательства. — Національность нашего времени. — Вѣкъ гуманизма и реформаціи. (Разошлось; 3-е изданіе печатается).

Русская высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Лекціи профессоровъ Р. В. Ш. о. н. въ Парижѣ. Подъ редакціей Е. В. де-Роберти, Ю. С. Гамбарова и М. М. Ковалевскаго. Цѣна 3 руб.

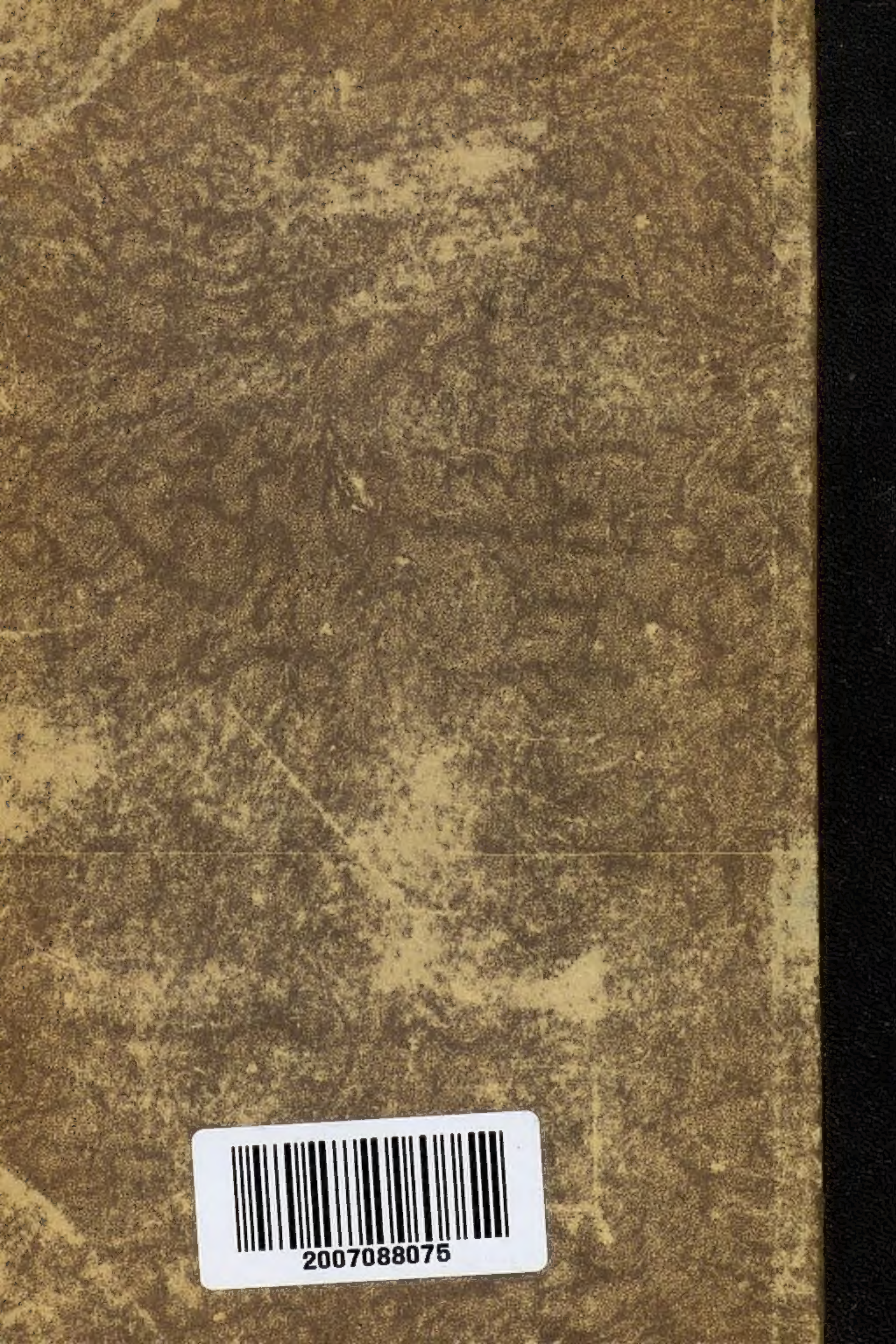
Профессоръ Г. Бунге. — Объ употребленіи алкоголя. Переводъ д-ра Э. А. Русаковой. Цѣна 25 коп.

Карлъ Каутскій.—„Сборникъ статей". Изданіе 2-ое. (Содержаніе: Матеріалистическое пониманіе исторіи. — Діалектика.— Стоимость.—Крупное и мелкое производство.—Увеличеніе числа имущихъ. — Акціонерныя общества. — Употребленіе прибавочной стоимости. — Новое среднее сословіе.— Теорія кризисовъ). Цѣна 35 коп.

Даніэль Стернъ (M-me d'Agoult).—Революція 1848 года. Переводъ, сдѣланный политическими каторжанами на Карѣ. Цѣна 1 р. 25 коп.

П. Г. Мижуевъ.—Глава государства. Цѣна 25 коп.

Проф. К. Бедавъ.—Личность и государство. (Печатается).

2007088075